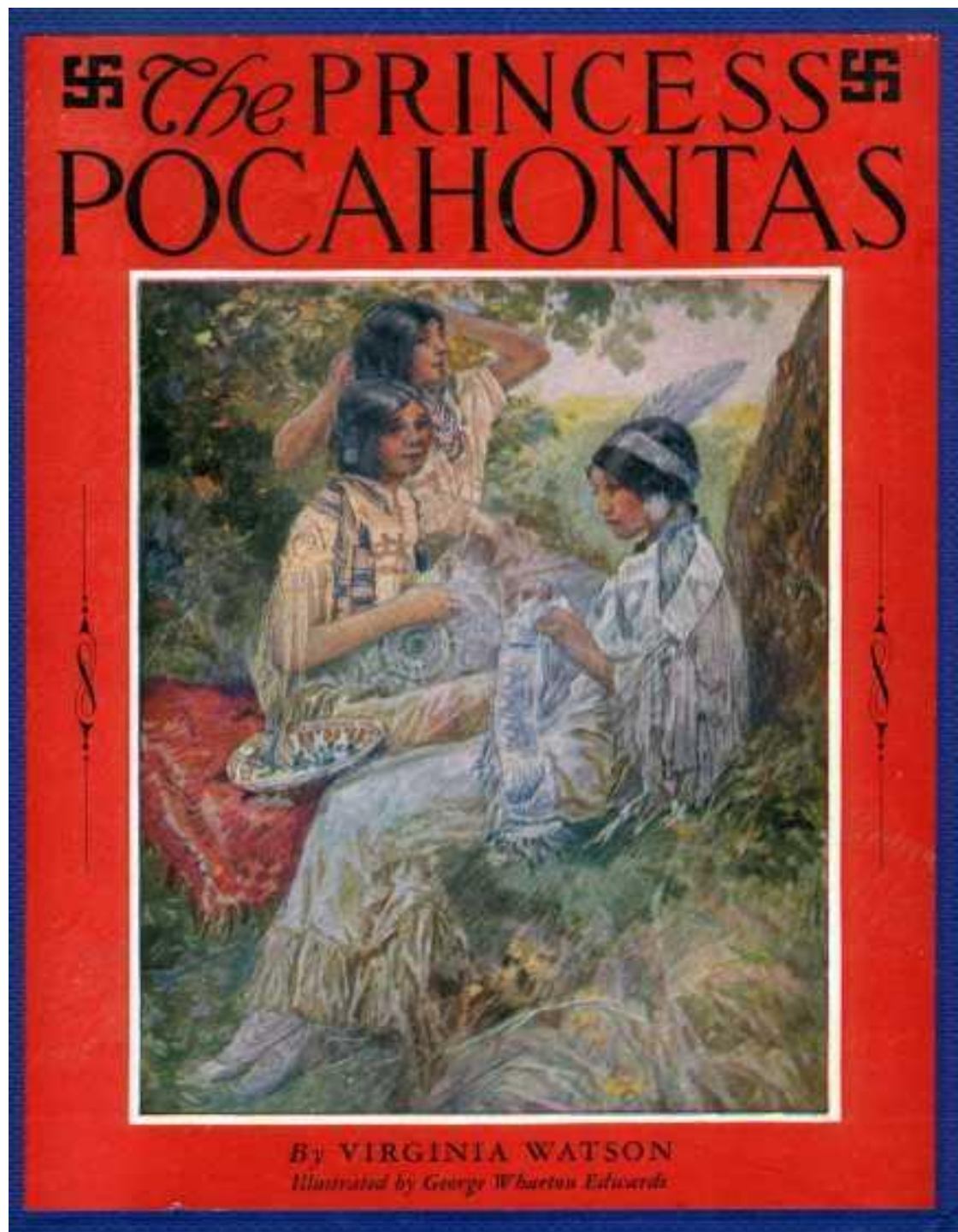

Принцесса Покахонтас

Вирджиния Уотсон

Содержание

[ПРИНЦЕССА ПОКАХОНТАС](#)

[ВИРДЖИНΙΑ УОТСОН](#)

[С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ И ОФОРТАМИ ДЖОРДЖА УОРТОН ЭДВАРДС](#)

[ВВЕДЕНИЕ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

[ПРИНЦЕССА ПОКАХОНТАС](#)

[ГЛАВА I](#)

[ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОИОВ](#)

[ГЛАВА II](#)

[ПОКАХОНТАС И ЦЕРЕМОНИАЛЬЩИК](#)

[ГЛАВА III](#)

[ПОЛУНОЧЬ В ЛЕСУ](#)

[ГЛАВА IV](#)

[ПРОБЕГ ПО ГАУНТЛЕТУ](#)

[ГЛАВА V](#)

[ВЕЛИКИЕ ПТИЦЫ](#)

[ГЛАВА VI](#)

[ИСПЫТАНИЕ ДЖОНА СМИТА](#)

[ГЛАВА VII](#)

[БОЙ В БОЛОТЕ](#)

[ГЛАВА VIII](#)

[ПОКАХОНТАС БРОСАЕТ ВЫЗОВ ПОВХАТАНУ](#)

[ГЛАВА IX](#)

[ТЮРЕМНИК СМИТА](#)

[ГЛАВА X](#)

[ХИЖИНА В ЛЕСУ](#)

[ГЛАВА XI](#)

[ПОКАХОНТАС ПОСЕЩАЕТ ДЖЕЙМСТАУН](#)

[ГЛАВА XII](#)

[ПОСОЛ ПОВХАТАНА](#)

[ГЛАВА XIII](#)

[КОРОНАЦИЯ ПОВХАТАНА](#)

[ГЛАВА XIV](#)

[ОПАСНЫЙ УЖИН](#)

[ГЛАВА XV](#)

[ПРОЩАНИЕ](#)

[ГЛАВА XVI](#)

[КАПИТАН АРГАЛЛ БЕРЕТ В ПЛЕН](#)

[ГЛАВА XVII](#)

[ПОКАХОНТАС ТЕРЯЕТ ДРУГА](#)

[ГЛАВА XVIII](#)

[КРЕЩЕНИЕ В ДЖЕЙМСТАУНЕ](#)

[ГЛАВА XIX](#)

[ДЖОН РОЛЬФ](#)

[ГЛАВА XX](#)

[СВАДЬБА](#)

[ГЛАВА XXI](#)

[ПО СЛЕДАМ ВОРУ](#)

[ГЛАВА XXII](#)

[ПОКАХОНТАС В АНГЛИИ](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта Гутенберг «Принцесса Покахонтас»

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и в большинстве других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Принцесса Покахонтас

Автор: Вирджиния Уотсон

Иллюстратор: Джордж Уортон Эдвардс

Дата выпуска: 6 августа 2005 г. [электронная книга № 16458]
Последнее обновление: 12 декабря 2020 г.

Язык: английский

Благодарности: Произведено Марком К. Ортоном, Таави Калю и командой онлайн-корректоров <https://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ПРИНЦЕССА ПОКАХОНТАС» ***

ПРИНЦЕССА ПОКАХОНТАС

АВТОРЫ: ВИРДЖИНИЯ УОТСОН

Автор книги «С КОРТЕсом-завоевателем»

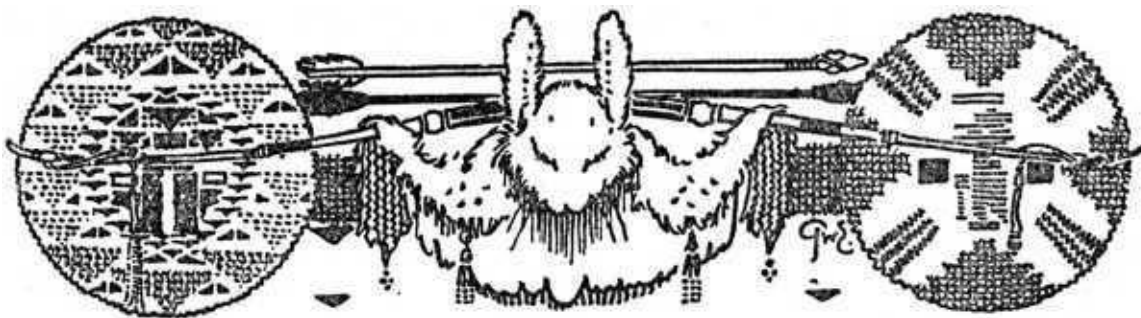
С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ И ОФОРТОМ ДЖОРДЖА УОРТОН ЭДВАРДС

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХЭМПТОН»

НЬЮ-ЙОРК

БЕЛАЯ ФИГУРА БЫСТРО ДВИГАЛАСЬ

ВВЕДЕНИЕ

Для большинства из нас, кто читал о ранней истории Вирджинии только в школьных учебниках истории, Покахонтас — всего лишь персонаж одной драматической сцены — спасения Джона Смита. Мы видим ее только в одном образе: она стоит на коленях рядом с лежащим англичанином, подняв руки, чтобы отразить падающий томагавк.

Случайно я начала читать больше о поселении англичан в Джеймстауне и связи Покахонтас с ним, и чем больше я читала, тем интереснее и реальнее она становилась для меня. Старые хроники давали мне факты, и, руководствуясь ими, мое воображение начало следовать за индейской девушкой, когда она бродила по лесам или деревьям поухатанов.

Мы растем в этой нашей новой стране. И так же, как когда дети становятся старше, они начинают интересоваться детством своих родителей, так и мы прониклись новым интересом к ранней истории нашей страны. Ранние истории и рассказы, касающиеся индейцев и войн между ними и колонистами, делали краснокожих воплощением дьявола, не имеющим никаких достоинств, кроме мужества. Однако сейчас появился новый дух понимания. Мы узнаем, как часто именно индейцы были обижены, а белые люди обижали их. Существует много записей о договорах, которые индейцы добросовестно соблюдали, а колонисты вероломно нарушали. Вирджиния была первым постоянным английским поселением на этом континенте и, если не *самым* важным, то по крайней мере столь же важным для нашего будущего развития, как и Новая Англия. Из какого маленького семени, посеянного на острове Джеймстаун в 1607 году, выросло могущественное государство, которое само рассеяло семена других государств и знаменитых мужчин и женщин, чтобы умножить и обогатить Америку. И среди каких опасностей это семя пустило корни! Если бы не помощь одной девочки — насколько это может судить человек — оно было бы выкорчевано и уничтожено.

По правде говоря, когда я смотрю на всю мировую историю, я не могу найти другого тринадцатилетнего ребенка, мальчика или девочку, который оказал бы столь далеко идущее влияние на будущее нации. Если бы не защита и помощь, которые Покахонтас выпросила у Поухатана для своих английских друзей в Джеймстауне, колония погибла бы от голода или от стрел враждебных индейцев. А значение этой колонии для будущих Соединенных Штатов было настолько велико, что мы обязаны Покахонтас примерно такой же благодарностью, хотя и в меньшей степени, как Франция обязана Жанне д'Арк.

Величайшая заслуга Покахонтас перед колонистами заключалась не в спасении жизни капитана Смита, а в ее постоянной помощи голодающему поселению. Действительно, есть историки, которые утверждают, что история о спасении Смита является выдумкой, не

имеющей под собой оснований. Но в противовес этой точке зрения позвольте мне процитировать из книги «Американская нация: история». Лайон Гардинер Тайлер, автор книги «Англия в Америке», говорит:

«Достоверность этой истории подвергалась сомнению... Смит часто был неточен и предвзят в своих заявлениях, но это далеко не означает, что он намеренно ошибался в очевидных вещах или выдумывал истории, не имеющие под собой никакой основы».

А из «Новой международной энциклопедии»:

«До тех пор, пока Чарльз Дин не подверг ее (историю о спасении Смита Покахонтас) критике в 1859 году, она редко подвергалась сомнению, но в основном благодаря его критике она вскоре была общепризнана ложной. Однако в последние годы наблюдается тенденция к ее сохранению».

Лучшие и наиболее полные описания первых дней в Джеймстауне мы находим в собственных сочинениях Смита «Общая история Вирджинии» и «Правдивое повествование». Он рассказывает нам не только о том, что произошло, но и о том, как выглядела новая страна, какая дичь там в изобилии, как жили индейцы племени поухатан () и каковы были его впечатления от их обычаев. Смит не знал некоторых фактов об индейцах, которые нам теперь хорошо известны. Он не мог понять странную церемонию, которая состоялась в хижине в лесу, непосредственно перед тем, как Поухатан освободил Смита и позволил ему вернуться в Джеймстаун. Современные историки полагают, что это, вероятно, была церемония усыновления, в результате которой Смит стал членом племени.

Во многих местах этой истории я не только точно следовал собственному рассказу Смита о том, что произошло, но и использовал те самые слова, которыми он записал разговоры. Например, инцидент, описанный на странице [101](#), был записан самим Смитом; на страницах [144, 154, 262](#) приведены слова Смита, записанные в его истории; на страницах [173, 195, 260, 300](#) приведены слова Поухатана или Покахонтас, как их передает Смит.

Возможно, некоторые читатели этой истории захотят узнать, что стало с Покахонтас. Она заболела лихорадкой, когда собиралась отплыть домой, в Вирджинию, и умерла в Грейвсенде, где и была похоронена. Ее сын Томас Ролф получил образование в Англии и, когда вырос, уехал в Вирджинию. Его дочь Джейн вышла замуж за Джона Боллинга, и среди их потомков было много известных мужчин и женщин, в том числе Эдит Боллинг (миссис

Галт), которая вышла замуж за президента Вудро Вильсона.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ГЛАВА I. ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОИОВ

ГЛАВА II. ПОКАХОНТАС И ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ ЖРЕЦ

ГЛАВА III. ПОЛУНОЧЬ В ЛЕСУ

ГЛАВА IV. ПРОБЕГ ПО ГАУНТЛЕТУ

ГЛАВА V. ВЕЛИКИЕ ПТИЦЫ

ГЛАВА VI. ИСКУШЕНИЕ ДЖОНА СМИТА

ГЛАВА VII. БОЙ В БОЛОТЕ

ГЛАВА VIII. ПОКАХОНТАС БРОСАЕТ ВЫЗОВ ПОВХАТАНУ

ГЛАВА IX. ТЮРЕМЩИК СМИТА

ГЛАВА X. ХИЖИНА В ЛЕСУ

ГЛАВА XI. ПОКАХОНТАС ПОСЕЩАЕТ ДЖЕЙМСТАУН

ГЛАВА XII. ПОСОЛ ПОВХАТАНА

ГЛАВА XIII. КОРОНАЦИЯ ПОВХАТАНА

ГЛАВА XIV. ОПАСНЫЙ УЖИН

ГЛАВА XV. ПРОЩАНИЕ

ГЛАВА XVI. КАПИТАН АРГАЛЛ БЕРЕТ В ПЛЕН

ГЛАВА XVII. ПОКАХОНТАС ТЕРЯЕТ ДРУГА

ГЛАВА XVIII. КРЕЩЕНИЕ В ДЖЕЙМСТАУНЕ

ГЛАВА XIX. ДЖОН РОЛЬФ

ГЛАВА XX. СВАДЬБА

ГЛАВА XXI. ПО СЛОГАМ ВОРУ

ГЛАВА XXII. ПОКАХОНТАС В АНГЛИИ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Белая фигура быстро двигалась

«Мы выбираем сегодня», — воскликнул он

«Давайте будем друзьями и союзниками, о Поухатан»

«Я поведу принцессу»

Вирджиния в 1606 году — по карте капитана Джона Смита

«Нет, нет», — воскликнула Покахонтас, — «ты не должен уходить»

«Не стреляй, Марк!»

ПРИНЦЕССА ПОКАХОНТАС

ГЛАВА I

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОИОН

Через белый лес шли Опечанчаноу и его храбрецы, шагая так же тихо, как падавшие вокруг них снежинки. На их поясах висели свежие скальпы, которые их молчаливые владельцы-моначаны не скучали.

Но Опечанчаноу, направляясь в Верокомоко, чтобы рассказать Поухатану о победе, которую он одержал над врагами, не был совсем уверен, что убил всех воинов, против которых он и его храбрые воины Памунки выступили. Неожиданный снег, выпавший в конце зимы, мел им в глаза, и они не могли понять, удалось ли кому-нибудь из моначан избежать их мести. Возможно, даже сейчас, так близко от вигвамов города его брата, враг мог устроить засаду. Поэтому им следовало быть начеку, смотреть за каждым деревом, чтобы не пропустить притаившиеся фигуры, и прислушиваться всем своим слухом, чтобы даже голодная белка не могла расколоть орех, если они не могли указать ветку, на которой она сидела.

Опечанчаноу возглавлял длинную тонкую цепь, которая пробиралась через широкую просеку между огромными дубами, все еще покрытыми бронзовыми листьями прошлого года. Он держал голову высоко и про себя складывал слова песни торжества, которую он собирался спеть Поухатану, как называли вождя Поухатанов. Вдруг перед его лицом пролетела стрела.

По команде своего вождя длинная колонна повернула направо, и пятьдесят стрел полетели на север, в сторону, откуда могла исходить опасность. Но тишина сохранялась, не было ни криков врага, устроившего засаду, ни признаков присутствия других людей.

Опечанчаноу посоветовался со своими воинами, откуда прилетела стрела, и пока они говорили, еще одна стрела просвистела перед его лицом справа.

«Плохой лучник, — проворчал он, — который не может попасть в меня двумя выстрелами». Затем, указав на огромный дуб, разветвленный на половине высоты, он приказал:

«Приведите его ко мне».

Два воина бросились к дереву, на которое теперь были устремлены все взоры. Было трудно что-либо различить из-за падающего снега и массы снежинок, скопившихся в развилке. Там все было белым, но было что-то белое, что двигалось, и два воина, добежав до ствола дерева, закричали от радости и презрения.

Белая фигура теперь двигалась быстро. Качаясь на ветке и хватаясь за более высокую, она, казалось, была полна решимости уйти от преследователей на самую вершину дерева. Но воины не теряли времени, чтобы взобраться за ней; они прыгнули в воздух, как пантеры, схватили ветку и энергично раскачивали ее взад и вперед, так что ноги животного соскользнули, и оно упало в их протянутые руки.

Не дожидаясь даже, чтобы осмотреть белый комок меха, воины, окруженные любопытными товарищами, отнесли его к Опечанчаноу и положили перед ним на землю. Он опустил на колени, снял шапку из кроличьей шкуры с висящими ушами, которая скрывала лицо, и воскликнул в гневном удивлении:

«Покахонтас! Что означает эта уловка?»

И белый меховой комок, поднявшись на ноги, смеялся и смеялся, пока даже самый старый и серьезный воин не смог удержаться от улыбки. Но Опечанчано не улыбался; он был слишком зол. Его достоинство пострадало от того, что он стал объектом насмешек ребенка. Он встряхнул свою племянницу, говоря:

«Что это значит, я спрашиваю? Что это значит?»

Покахонтас перестала смеяться и ответила:

«Я хотела сама увидеть, насколько ты храбр, дядя, и узнать, как великие воины, такие как ты, ведут себя, когда на них нападает враг. Я не так уж плохо стреляю из лука, дядя; я не хотела поразить тебя, поэтому целилась мимо тебя. Но было так весело сидеть там, на дереве, и смотреть, как вы все так внезапно остановились».

Ее объяснение снова рассмешило большинство участников группы.

«По правде говоря, она хорошо названа, — воскликнули они, — Покахонтас, Маленькая Развратница».

«У меня есть еще одно имя», — сказала она старому воину, который стоял рядом с ней. «Ты не знаешь его? — Матоака, Маленькое Снежное Перо. Всегда, когда луны попану (зима) приносят нам снег, он зовет меня играть. «Иди, Снежное Перо», — кричит он, «выходи и беги со мной, подбрасывай меня в воздух».

Ее дядя уже успокоился и собирался снова двинуться вперед. Обратившись к двум, которые поймали Покахонтас, он приказал:

«Поскольку мы взяли пленницу, мы отведем ее к Поухатану для суда и содержания под стражей. Если бы мы стреляли в дерево, она могла бы погибнуть. Следи, чтобы она не сбежала».

Затем он пошел вперед через лес, не обращая больше внимания на Покахонтас.

Молодые воины смущенно посмотрели друг на друга и на свою пленницу, совсем не радуясь своей обязанности. Опечанчану нельзя было послушаться, но удерживать молодую девушку против ее воли было нелегко, и против дочери могущественного вождя нельзя было применять силу или даже демонстрировать ее.

Видя их нерешительность, Покахонтас начала бежать влево, а они — преследовать ее. Они догнали ее, не пробежав и трех луков, и мягко привели обратно на свое место в ряду. Затем она спокойно шла, как будто не замечая их присутствия, пока они не утратили бдительность, полагая, что она смирилась с ситуацией, и тогда она бросилась вправо и была снова поймана и возвращена на место. Она знала, что они не осмелятся связать ее, и воспользовалась этим, чтобы по-настоящему завести их в круг, сначала в одну сторону, потом в другую. За ними их товарищи насмехались и смеялись каждый раз, когда девушка убегала.

Теперь регулярный порядок военного пути больше не соблюдался. Они продвинулись до точки, где больше не было никакой опасности вражеского нападения. Верокомоко теперь находился всего в нескольких шагах; дым от его хижин уже был виден через расчищенные поля, окружавшие деревню Поухатан. Старшие воины шли группами, обсуждая свои

подвиги, совершенные в этот день, и хваля нескольких молодых храбрецов, которые сражались впервые. Покахонтас и ее похитители теперь отстали еще дальше.

Хотя Покахонтас была вполне довольна результатами своего предприятия и развлечения, она не хотела, чтобы ее привели домой как пленницу, даже если это было сделано наполовину в шутку. Ее отец, Поухатан (), мог не счесть это забавным, и, кроме того, ей не нравилось, когда ее перехитрили. Она была так поглощена своими мыслями, что забыла продолжать игру и шла тихо впереди, время от времени небольшими рывками догоняя воинов, делавших более длинные шаги. Воины, увлеченные мыслями о своей первой кампании, ласково поглаживали скальпы на своих поясах и не обращали на нее особого внимания.

Она наклонилась, как будто чтобы застегнуть мокасины, а затем, когда их порыв унес их на несколько футов вперед, прежде чем они остановились, чтобы она догнала их, она метнулась, как молния, влево и скользнула в небольшую впадину, прежде чем они успели догадаться пойти за ней.

К тому времени уже почти стемнело, и ее белая шерсть была неотличима от снега под ней. Прежде чем они достигли дна, Покахонтас, которая знала каждый сантиметр земли, менее знакомой людям из деревни ее дяди, скользнула обратно в лес, который окаймлял поля, по которым теперь мчались преследователи, и сразу же исчезла в темноте.

Опечанчаноу ничего не знал об этом побеге. Он намеревался объяснить своему королевскому брату, сколько вреда может наделать ребенок, которого не держат дома, выполняя обязанности индейской женщины в своем вигваме. И пусть Покахонтас была любимой дочерью Поухатана, она должна была ждать снаружи хижины своего отца, пока он не расскажет о своих важных делах и не перечислит все славные деяния своих памункеев.

Теперь они прибыли в само Верокомоко, и шум их криков и военных барабанов вызвал жителей из их вигвамов. Поскольку памунки были союзным племенем, их дело против общего врага было таким же, но радость от победы над монаханами была несколько меньше, чем если бы победителями были сами поухатаны. Тем не менее, Опечанчаноу и его храбрецы не могли жаловаться на прием, и бегуны помчались вперед, чтобы сообщить Поухатану о их прибытии, в то время как все население их деревни толпилось вокруг них, мужчины задавали вопросы, мальчики трогали скальпы и каждый хвастался, сколько их будет у него на поясе, когда он вырастет.

Великий Вероуэнс не был в своей церемониальной хижине, а в той, в которой он обычно спал и ел, когда находился в Вероуокомоко. Опечанчаноу остановился у входа в хижину и приказал:

«Когда я позову, приведите Покахонтас, и мы посмотрим, что Поухатан думает о девочке-индианке, которая стреляет в воинов».

Когда он вошел в хижину, там было почти темно. Перед костром в центре он увидел своего брата Поухатана, сидящего по обе стороны от которого были две его жены. Затем он разглядел черты лица своего племянника Наутаукаса и младшей сестры Покахонтас, Клеопатры (так англичане позже поняли странное индейское имя девушки). Они, очевидно, только что ужинали, и собаки за их спинами грызли кости дикой индейки, которые им бросили. У ног Поухатана сидел ребенок в темной одежде, лицо которого было скрыто в тени.

Поухатан торжественно поприветствовал своего брата и предложил ему сесть. Хижина скоро заполнилась воинами, тесно прижавшимися друг к другу, а у входа толпились все, кто мог, и повторяли мужчинам и женщинам, оставшимся снаружи, слова, произнесенные внутри.

Опечанчаноу с гордостью начал рассказывать, как он выследил монахов на холме над рекой и как он и его воины напали на них, сбив их с крутых берегов реки Поухатан (), убивая и скальпируя, даже пlying в ледяной воде, чтобы схватить тех, кто пытался сбежать. Поухатан кивал в знак одобрения, время от времени произнося слова похвалы. Когда Опечаноу закончил свой рассказ, шаман, или знахарь, встал и спел песню в честь храбрых памункеев, братьев поухатанцев.

Затем один за другим храбрецы Опечанчаноу рассказали о своих личных подвигах.

«Я, — пел один из них, — я, Лесной Волк, пожрал своего врага. Многие солнца зайдут красными между деревьями леса, но ни одно из них не будет таким красным, как кровь, которая текла, когда мой острый нож отрезал его скальп».

И когда каждый из них рассказывал о своих подвигах, его слова сопровождалось аплодисментами и одобрительными возгласами.

Поухатан приказал открыть гостевой домик и приготовить пир для победителей. Затем Опечанчаноу снова встал, чтобы выступить. Закончив еще одну песню о победе, он повернулся к Поухатану и спросил:

«Брат, как долго твои воины остаются в своих домиках, оставляя молодым женщинам обязанности часовых, которые не могут отличить друзей от врагов?»

Поухатан удивленно посмотрел на говорящего.

«Что ты имеешь в виду, говоря такие странные слова?» — спросил вождь.

«Когда мы возвращались через лес, — объяснил Опечано, — еще не дойдя до границы твоих полей, пока мы еще полагали, что часть монахов может подстеречь нас там в засаде, стрела, выпущенная с запада, пролетела мимо моего лица. Затем из ветвей дуба вылетела вторая стрела. Мы взяли лучника в плен, и что, по-твоему, мы нашли? — девочку-индианку!»

«Девочку-индианку!» — с удивлением повторил Поухатан. «Она была из этой деревни?»

«Да, брат. Я держу ее в плену снаружи, чтобы ты мог вынести приговор той, кто так опасно угрожает жизни твоего брата и забывает, что она не мальчик. Приведите пленницу», — приказал он.

Но никто не вышел вперед. Молодые воины, которым была доверена Покахонтас, мудро оставались на окраине толпы.

Тогда маленькая мрачная фигура у ног Поухатана поднялась, встала в свете костра, освещавшем ее лицо и темные волосы, и спросила мягким голосом:

«Ты звал меня, дядя?»

«Покахонтас, — воскликнул Опечанчано, — как ты оказалась здесь раньше нас и в этой темной одежде?»

«Покахонтас бежит даже лучше, чем стреляет. Дядя, а переодеться — дело минуты».

«Что это значит, Матоака?» — спросил Поухатан, обратившись к ней по ее особому интимному имени, которое означало «Маленькое снежное перо». Он говорил тихим голосом, но настолько суровым, что Клеопатра задрожала и обрадовалась, что виновницей была не она.

«Это была всего лишь шутка, отец», — ответила Покахонтас. «Я не хотела никому навредить». Она опустила голову и ждала, пока он снова заговорит.

«Я не потерплю таких шуток в моей стране, — сказал он сердито, — запомни это».

Жестом руки и шепотом он отправил воинов Памунки в гостевой домик. Опечанчаноу, все еще злясь на насмешку, которую ему устроил ребенок, задержался, чтобы спросить:

«Ты не будешь ее наказывать?»

«Конечно, накажу», — ответил Поухатан. «Идите все в гостевой домик, я приду за вами. Уходи, Наутаукас, и отнеси туда мою трубку».

Теперь в домике остались одни великий вождь более тридцати племен и его дочь, которая все еще стояла с опущенной головой. Поухатан смотрел на нее с любопытством. Она ждала, пока он заговорит, но, видя, что он молчит, повернулась, посмотрела ему прямо в глаза и спросила:

«Отец, ты знаешь, как трудно быть девушкой? Наутаукас, мой брат, быстро бегают, но я бегаю быстрее его. Я могу стрелять так же точно, как он, хотя и не так далеко. Я могу обходиться без еды и питья так же долго, как и он. Я могу танцевать без усталости, когда он задыхается. Но Наутаукас станет великим воином, а я — ты велел мне помнить, что я индианка. Разве это не тяжело, отец? Зачем же ты дал мне сильные руки и ноги и дух, который не может успокоиться? Не вини меня, отец, потому что я должна смеяться, бегать и играть».

Говоря это, она опустилась на колени и обняла его ноги, а когда закончила говорить, она без страха улыбнулась ему в лицо.

Поухатан старался не поддаваться мольбам ребенка. Но он был вождем, который всегда выслушивал оправдания преступников, приведенных к нему, и судил их справедливо, хотя иногда и сурово. Этот его ребенок был ему так же дорог, как струящаяся река в летнюю жару. Если иногда брызги летели слишком высоко, разве он мог злиться?

И Покахонтас, видя, что его гнев улетучился, встала и прислонилась головой к его руке. Ей не нужно было говорить, что могущественный Поухатан не любил ни одну из своих жен и детей так, как любил ее. Тогда его рука погладила ее мягкие волосы и щеку, и она поняла, что ей прощено.

«Твой дядя очень зол», — сказал он.

«Если бы ты только мог его увидеть. Отец, когда свистела стрела», — и она весело засмеялась, вспомнив эту картину.

«Я обещал наказать тебя».

«Да, как пожелаешь». Но она говорила не так, как будто боялась.

«Слушай, что я тебе поручаю», — сказал он с притворной торжественностью. «Ты должна вышить для меня своими руками — ты, которая не заботишься о иголках индейских женщин, — платье из шкуры енота с перьями и кусочками драгоценных ракушек».

Покахонтас рассмеялась.

«Это не наказание. Это странно, но когда я делаю то, что мне не нравится, для тех, кого я люблю, я получаю от этого удовольствие. Я сошью для тебя такое платье, какого ты еще не видел. О! Я знаю, каким красивым оно будет. Я создам новые узоры, о которых ни одна индианка никогда и не мечтала. Но ты же не будешь на меня злиться, правда? Отец, правда?» — спросила она умоляющим тоном. «И если я когда-нибудь сделаю что-то, что тебе не понравится, а ты будешь носить это платье, которое я для тебя сошью, пусть оно будет знаком между нами, и когда я дотронусь до него, ты простишь меня и исполнишь мою просьбу?»

И Поухатан пообещал и улыбнулся ей, прежде чем отправиться в гостевой домик.

ГЛАВА II

ПОКАХОНТАС И ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ ЖРЕЦ

Через несколько месяцев наступил жаркий день, как это иногда бывает в начале весны. Солнце светило почти так же ярко, как если бы кукуруза уже высоко поднялась над землей, в которую ее только что посадили под песнопения и древние священные обряды и танцы. Маленькие листья блестели, как рыба чешуя, когда они нежно распускались на ореховых и хурмовых деревьях вокруг Верокомоко, а в лесу земля была покрыта цветами. Дети связывали их вместе и бросали как мячи туда-сюда или плели из них венки для волос; старые индианки искали среди них определенные корни и листья для красителей, чтобы окрасить ткань из травы, которую они пряли, называемую пемменау.

Мальчики играли в охотников, притворяясь, что их собаки — дикие звери, но медведи и волки не всегда понимали, какую роль им отводили, и, вместо того чтобы яростно набрасываться на своих маленьких хозяев, резвились и прыгали от радости. Старшие воины лежали перед своими хижинами, многие из них бездельничали на солнышке, другие занимались изготовлением стрел, прикрепляли рукоятки к каменным ножам или вязали сети для ловли крабов. Два раба, привезенные домой в плен военной группой, выдалбливали каноэ, которое поухатаны использовали вместо березовых каноэ, предпочитаемых другими племенами. Они срубили дуб, который, судя по кольцам, должен был быть желудем, когда Поухатан был еще младенцем, семьдесят лет назад. Они выжгли часть внешней и внутренней коры и теперь рубили сердцевину дерева острыми обсидиановыми топорами.

Женщины тоже были заняты на улице, хотя они болтали в группах так же оживленно, как будто их энергия расходовалась только на разговоры. Многие из них скребли оленью кожу, чтобы смягчить ее, прежде чем разрезать на одежду для себя или на мокасины для мужчин. Кое-где небольшие клубы дыма, которые, казалось, поднимались из-под земли, свидетельствовали о том, что под нагретыми камнями готовился ужин.

Покахонтас сидела на небольшом холме, возвышающемся над деревней. Как дочь вождя, она только в особых случаях и в качестве почетного гостя присоединялась к группам индейских женщин и девушек, болтающих перед вигвамами. Но сейчас она не была одинока в своем величии. Когда ей хотелось компании, она привыкла окружать себя несколькими младшими девушками из племени, которые слушались ее не столько потому, что она была дочерью уважаемого вождя, сколько потому, что у нее был такой характер, что было приятно выполнять ее желания и трудно ей противоречить. Клеопатра, ее младшая сестра, сидела рядом с ней и пыталась уговорить белку на ветке над ними спуститься и съесть из ее рук немного жареного кукурузного зерна.

На коленях Покахонтас лежала гладкая мантия из шкуры енота, расписанная широкой каймой. По краю мантии она вышивала глубокий узор из белых бусин, сделанных из морских ракушек. Корзина из тростника рядом с ней была полна других бусин, больших и маленьких, белых, красных, желтых и синих.

«Что означает твой узор, Покахонтас?» — спросила девушка, сидевшая рядом с ней. «Поскольку ни одна из наших матерей никогда не вышивала такого узора, у тебя наверняка есть для него какое-то значение». «Да», — согласилась рукодельница, — «он отличается от

всех других узоров, потому что мой отец отличается от всех других вождей. Он означает то, о чем я пою:

«Поухатан — могущественный вождь,

Пока течет река,

Пока небо держится,

Пока растет дуб,

Так долго будет известно его имя.

«Смотрите, эта линия — это река, эта прямая линия — дуб, а эта длинная волнистая линия — небо. Я делаю это для своего отца, потому что очень горжусь им».

«Но почему, Покахонтас, — спросила другая ее подруга, — ты не используешь больше красных бусин? Они так похожи на огонь, на кровь врага; почему ты используешь белые?»

Покахонтас на мгновение замерла с костяной иглой в руке, и на ее лице отразилось недоумение.

«Я не могу точно ответить тебе, Оленьи Глаза, потому что сама не знаю. Я люблю белые бусины так же, как люблю носить белую одежду или белый кроличьи уши зимой. В лесу я всегда собираю белые цветы, и из всех птиц я больше всего люблю белого дикого голубя, кроме белой чайки. И белые мягкие облака высоко в небе я люблю больше, чем красные и желтые, когда солнце ложится спать на западе. Но я не могу сказать, почему так».

Ближе к полудню день становился все жарче, и пальцы уставали от работы. В деревне мужчины прекратили свою деятельность и лежали, растянувшись в тени хижин; только женщины, готовящие обед, все еще были заняты.

«Пойдем к водопаду», — воскликнула Покахонтас, вдруг вскакивая. «Каждая из вас пойдите и попросите у своей матери немного еды и поспешите обратно сюда. Я отложу свою работу и буду ждать вас здесь».

Девушки помчались вниз по холму, а Покахонтас и Клеопатра отнесли одежду и корзину в свою хижину. Через несколько минут к ним присоединились их подруги, и все вместе, смеясь, побежали через лес.

Ручей, впадавший в большую реку внизу, был теперь по-прежнему широк, наполненный весенними водами. В миле от Верокомоко он падал с высоких скал, затем, стремительно несясь по пологому склону, бурлил над гладкими каменными плитами и образовывал под ними глубокий бассейн.

Девушки сбросили юбки и на мгновение замерли на берегу. Над ними в дубах пели пересмешники, испуганные их пронзительными молодыми голосами, а на голых ветвях платана, убитого молнией, двадцать енотов лежали, свернувшись калачиком, наслаждаясь солнцем.

Покахонтас первой прыгнула в ручей, но ее подруги быстро последовали за ней, смеясь, толкаясь и крича от первого холодного прикосновения воды. Только Клеопатра осталась стоять на берегу.

«Иди сюда, — позвала ее Покахонтас, — почему ты медлишь, ленивица?

«Я не пойду. Вода слишком холодная».

Клеопатра уже собиралась снова надеть юбку, когда ее сестра пробралась через ручей к ней и наполовину толкнула, наполовину потянула ее в бассейн, а затем на частично погруженные в воду скалы. Было много криков и возгласов, скольжения со скал в бассейн и карабканья из бассейна обратно на скалы. Вода теперь была приятно теплой, и ужин, который их ждал, был забыт в удовольствии от первой в этом сезоне купания.

Оленьи Глаза, пытаясь выбраться обратно на скалу, ухватилась за ногу Клеопатры, которая поскользнулась на покрытой мхом поверхности и упала назад в воду, ударившись головой о острый край. Она потеряла сознание и погрузилась в бассейн.

Едва она исчезла под водой, Покахонтас бросилась за ней и, нащупывая дно из мелкого гладкого песка, схватила сестру и вытащила ее на поверхность.

Затем, с помощью испуганных девушек, она подняла ее на берег, из раны на голове которой обильно текла кровь. После тщетных попыток остановить кровь влажным мхом, Покахонтас приказала:

«Спешите, как будто ирокезы идут, и нарежьте мне несколько крепких веток».

Они послушались ее, поспешно накинув на себя юбки, а затем каменными ножами отрезали ветки и связали их оленьими ремнями, которые оторвали от бахромы своих поясов. Сверху они положили ветки с листьями и подняли без сознания Клеопатру на эту импровизированную носилки. Несмотря на их протесты, Покахонтас настояла на том, чтобы взять один конец, а две самые сильные из ее подруг несли другой.

Они шли по лесу, теперь так же тихо, как раньше были шумны, но Покахонтас казалось, что ее сердце бьется так же громко, как военные барабаны памункеев.

Они были еще в нескольких минутах ходьбы от деревни, когда увидели Почина, знахаря, известного среди многих племен своим могущественным маниту, духом-хранителем, который позволял ему общаться с маниту духовного мира.

«Починс, о Починс, — воскликнула Покахонтас, — приди и помоги нам. Я боюсь, что моя сестра умирает, и что я убила ее. Она не хотела входить в воду, Починс, а я затащила ее, и теперь она порезала голову, и кровь течет из раны, и я не могу ее остановить».

Шаман не ответил, но наклонился со своего высокого роста и внимательно посмотрел на рану, затем взял конец носилок из рук Покахонтас, сказав:

«Я отнесу ее в мою молельню, которая находится неподалеку».

Даже тогда сквозь деревья они разглядели кору, покрывавшую хижину, в которую мало кто когда-либо входил. Девушки задрожали при этом виде, ибо ни одна из них не знала, какие таинственные ужасы могут поджидать их там. Тем не менее они последовали за Починсом, когда он отнес Клеопатру внутрь и положил ее на землю. Из глиняной чаши он взял некоторые травы и, смочив их, привязал листья к ране. Вскоре Покахонтас, присевшая рядом с сестрой, увидела, что кровь перестала течь. Но в маленьком теле, лежащем рядом, не было никаких признаков жизни. Руки и ноги были холодными, и хотя Покахонтас энергично растирала их, она не чувствовала в них тепла.

Шаман, однако, не обратил на нее внимания. Из другой чаши он достал погремушку из тыквы, а с крючка на одной из закругленных опор крыши снял ужасную маску, раскрашенную в алый цвет, и надел ее на лицо. Затем, отгоняя детей, он начал танцевать вокруг двух сестер и громко петь, тряся погремушкой так, что казалось, будто этот шум разбудит мертвого человека.

«Мое лекарство — могущественное лекарство», — воскликнул он своим естественным голосом Покахонтас. «Подожди немного, и ты увидишь, какие чудеса оно может творить».

И действительно, через несколько мгновений Покахонтас почувствовала, как в руке ее сестры запульсировала кровь, увидела, как задрожали ее веки и согрелись ноги. А когда крики и дребезжание погремушки стали еще громче и ужаснее, Клеопатра открыла глаза и с удивлением огляделась.

«Действительно, лекарство (магия) Починса могущественно, — воскликнул шаман с гордостью, откладывая маску и погремушку, — оно вернуло эту девушку из мертвых».

Покахонтас теперь нужно было успокоить ребенка, напуганного увиденным и услышанным. Она погладила ее по рукам и заговорила с ней, как с младенцем на спине:

«Не бойся, малышка, ничто злое не случится с тобой. Покахонтас будет охранять тебя. Она не закроет глаза, пока опасность будет рыскать вокруг. Не бойся, малышка».

И Клеопатра прижалась к ней, чувствуя себя в безопасности благодаря бесстрашию своей сестры.

К этому времени весть о несчастном случае разнеслась по деревне, и несколько индианских женщин во главе с матерью Клеопатры прибежали к хижине Починсов. Увидев, что Клеопатра может встать, они отнесли ее с собой. Другие девушки, когда волнение улеглось, вспомнили о своих пустых желудках и поспешили за ужином, который они оставили у водопада.

Покахонтас не пошла с ними. Она все еще сидела на земле рядом с шаманом, который был занят покраской маски, на которой стерлась краска.

«Шаман, — спросила она, — скажи мне, куда ушел маниту моей сестры, когда она лежала там мертвая?»

«В далекое путешествие, — ответил он, — поэтому мне пришлось так громко звать его, чтобы он услышал меня и вернулся».

«Кто научил тебя медицине?» — снова спросила она.

«Бобр, мой маниту, дочь Поухатана», — ответил он.

«А кто же научит меня? Как я могу научиться?»

«Тебе не нужны такие знания, поскольку ты не знахарь и не воин. Я, Починс, буду взывать к Оки, Великому Духу, когда тебе что-то понадобится: еда, одежда или вождь, который примет тебя в свою хижину».

«Но я хотела бы сделать это сама, Починс», — возразила она. «Ты не знаешь, как многое я хочу сделать сама. Позволь мне надеть твою маску и взять твою погремушку, просто чтобы посмотреть, каково это».

«Нет, нет, не трогай их», — воскликнул он, протягивая руку. «Бобр рассердится на нас и наложит на нас злое заклятие».

Починс не любил детей. Его достоинство было настолько велико, что он даже не замечал их, когда шел по деревне. Но жадный взгляд Покахонтас, казалось, вытягивал из него слова. Он начал рассказывать ей о многих днях и ночах, которые он провел в одиночестве, постившись, в молитвенном домике, пока не пришло к нему сообщение от Оки, какое-нибудь сообщение о урожае или успехе охоты. Покахонтас была настолько заинтересована, что задавала ему много вопросов.

«Расскажи мне о Мичабо, Мичабо, Великом Зайце», — уговаривала она, пересаживаясь на циновку, которую Починс расстелил для нее.

«Слушай же, дочь Поухатана», — начал он, изменив свой естественный голос на певучий, — «историю о Мичабо, как ее рассказывают в хижинах Поухатанов, Делаверов и тех племен, которые живут далеко за нашими лесами, там, где обитает Западный Ветер и где Солнце стремится к тьме.

Мичабо погрузился в воду, когда не было ни земли, ни зверей, ни мужчин, ни женщин, и он был одинок. Со дна он взял зернышко мелкого белого песка и бережно нес его в руке, поднимаясь вверх через темные воды. Он бросил его на волны, и оно не утонуло, а плавало, как маленький листок. Затем оно распространилось, кружась все шире и шире, как кольца, которые расширяются, когда бросаешь камень в тихое озеро, пока не стало таким большим, что быстрый молодой волк, хотя и бежал, пока не упал от старости, не смог добежать до его конца. Эта земля поднялась, покрытая деревьями, холмами, зверями, мужчинами и женщинами, и Мичабо, Великий Заяц, Дух Света, Великий Белый, охотился в лесах земли, изготавливал прочные сети для рыбалки и учил глупых людей, которые ничего не знали, как охотиться и ловить рыбу, чтобы они не умерли от голода.

Но Мичабо предстояли более великие дела, чем убийство тучного оленя или лов лосося в сети. Его отец был могущественным Западным Ветром, Нингабиуном, и он убил свою жену, мать Мичабо. Поэтому, когда бабушка Мичабо рассказала ему о злодеяниях его отца, Мичабо поднялся и воскликнул по всем четырем сторонам света: «Теперь я иду убить Западный Ветер, чтобы отомстить за смерть моей матери».

Наконец он нашел Нингабиуна на вершине высокой горы, с надутыми щеками и колышущимся головным убором. Сначала они мирно поговорили, и Западный Ветер сказал Мичабо, что только одна вещь во всем мире может причинить ему вред, и это черная скала.

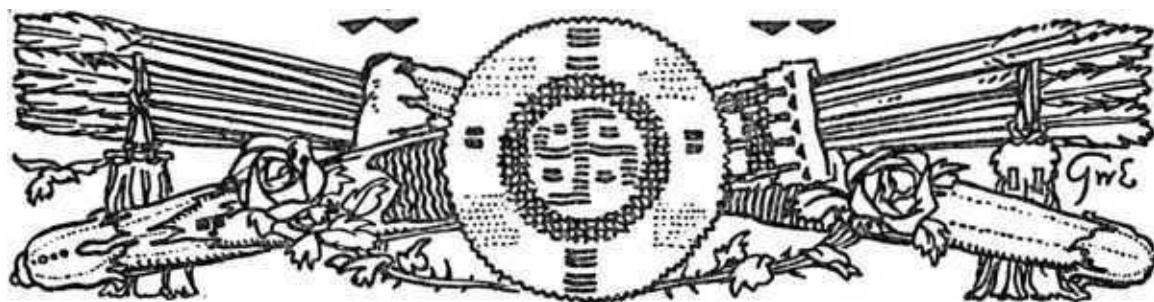
«Ты был причиной смерти моей матери?» — спросил Мичабо, сверкая глазами, и Нингабиун спокойно ответил: «Да».

Тогда Мичабо в ярости поднял кусок черного камня и ударил Нинабиуна со всей силы. Это был ужасный конфликт, которого еще никогда не видели; земля содрогнулась, и молнии сверкали по склонам горы. Сила Мичабо была настолько велика, что Западный Ветер был отброшен назад. Мичабо гнал его через горы и озера, через широкие реки, пока они оба не дошли до самого края света. Нингабиун боялся, что его сын собирается столкнуть его, и воскликнул:

«Постой, сын мой, ты не знаешь моей силы и того, что убить меня невозможно. Остановись, и я отдам тебе столько же силы, сколько я дал твоим братьям. Четыре части земного шара

принадлежат им, но ты можешь сделать больше, чем они, если будешь помогать людям на земле. Иди и твори добро, и твоя слава будет вечной».

«И Мичабо прекратил сражение и спустился, чтобы помочь нашим отцам в охоте, в совете и в молельне; но до сих пор большие утесы из черной скалы показывают, где Мичабо сражался со своим отцом, Западным Ветром».

ГЛАВА III

ПОЛНОЧЬ В ЛЕСУ

Наутауквас, сын Поухатана, возвращался ночью через лес к своему домику в Веровокомоко. Через плечо у него висел олень, которого он собирался убить. Его мать сказала ему:

- Твои гетры старые и поношенные, и ты знаешь, что удача приходит к охотнику в мокалинах и гетрах, сделанных из шкур, добытых им самим. Выйди и убей оленя, чтобы я мог смягчить его шкуру и сделать из нее покрывало для твоих ног".

Итак, Наутауквас взял свой лук и колчан со стрелами, и пока Покахонтас и Клеопатра резвились у водопада, он отыскал пруд, поверхность которого была почти вся покрыта душистыми водяными лилиями, и спрятался за кустом сумаха, терпеливо ожидая, пока олень не спустится один на водопой. Он израсходовал только одну стрелу, которая попала между широкими ветвистыми рогами; затем охотник вошел вброд в пруд, раздвигая листья кувшинок, и одним взмахом ножа положил конец сопротивляющемуся оленю. Теперь он нес ее домой и с нетерпением думал о вкусном мясе, которое она приготовит ему на следующий день. Не было никаких сомнений, что у него разыграется аппетит, поскольку весь день он ничего не ел. Ему было достаточно легко убить белку и зажарить ее, но Наутауквас, зная, что приучать себя к голоду - часть тренировки храбреца, часто добровольно подолгу голодал.

Ночь была темной, но теперь, когда взошла луна, длинные полосы света озарили лесные аллеи, обычно в это время лишенные подлеска. Наутауквас, глядя сквозь ветви на луну, подумал, что это скво солнца, и вспомнил странные истории, которые любили рассказывать о нем старые женщины.

Внезапно перед собой он увидел существо, танцующее по лунной дорожке, кружащееся и прыгающее, в то время как пара кроликов, испуганно пересекавших дорожку, юркнули в заросли кустов сассафраса неподалеку. Затем, словно успокоившись, они сидели спокойно, даже когда танцующая фигура приблизилась к ним. И Наутауквас услышал пение, хотя слова песни не доходили до его ушей. Он скользнул за дуб и стал наблюдать, как приближается танцовщица. Теперь, когда оно подошло ближе, он обнаружил, что это была молодая девушка; ее единственная одежда, юбка из белой оленьей кожи, колыхалась на крепких голых загорелых ногах, а ожерелье из белых ракушек позвякивало, когда она поворачивалась. В ветвях над головой несколько белок, пробудившись ото сна, расправили свои пушистые хвосты и начали щебетать, а сова-визгунья ухнула. В очертаниях было что-то знакомое, и поэтому Наутауквас не очень удивилась, когда, обернувшись, увидела лицо Покахонтас.

- Матоака, - крикнул он, выступая из тени, - что ты делаешь здесь один ночью?

Его сестра не закричала и не подпрыгнула от неожиданности. Она схватила брата за руку и нежно пожала ее.

"Это была такая прекрасная ночь, Наутауквас, - ответила она, - что я не могла спать в сторожке. Я часто прихожу сюда.

- А ты не боишься, сестренка? - спросил он нежно. - Не боишься диких зверей или наших врагов?

"Дикие животные меня не тронут. Однажды ночью я погладил медведицу с медвежатами, и она даже не зарычала".

Наутоквас не сомневался в ее словах. Он знал, что есть определенные люди, которых звери не тронут.

- И враги, - продолжила она, - не осмелились бы приблизиться так близко к деревне могущественного Поухатана.

"Я слышал, как ты пела, маленькое Белое Перышко; что это была за песня?"

"Я сочинила ее много лун назад, - ответила она, - и я всегда пою ее, когда танцую здесь по ночам. Тогда послушай, ты услышишь песню Матоаки, дочери Поухатана, которую Веровокомоко заставил петь в лесу".

И она медленно танцевала, имитируя головой и руками, телом и ногами слова своей песни.

Я сестра Утреннего Ветра,

И мы с ним будим ленивое Солнце.

Мы взъерошиваем пух спящих птиц,

И пусть наш смех звучит в ушах кроликов,

И гну саженцы, пока они не поцелуют мои ноги,

И высокая трава, пока ей не окажут почтение.

Я сестра бледного Лунного луча

Кто зовет меня, когда я засыпаю:

Приходи, посмотри, как я околдовал мир в белом.—

Его голос такой слабый, что никакое другое ухо не слышит.

И я крадусь из вигвама моего отца,

И из всего мира только я пробуждаюсь

И медведи, и дикие кошки, и хитрый енот

И олени, из чьих глаз смотрят души

О девах, которые умерли, так и не познав любви.

И тогда мы укорачиваем мир своими ногами

Это будит не эхо, а уханье рогатой совы

Тяжело думать, что таким образом наша бескрылая скорость

Почти во всем превосходит обитателей деревьев.

Закончив, она бросилась к его ногам и спросила:

- Тебе нравится моя песня, брат мой?

"Да, это новая песня, Матоака, и когда-нибудь ты должна будешь спеть ее для нашего отца. Но мне кажется, что ты отличаешься от других девушек. Они не хотят вставать со своих спальных циновок и в одиночку отправляться в лес".

- Возможно, у них внутри нет стрелы, как у меня.

Наутауквас уселся в развилке кизилового дерева и с интересом разглядывал свою сестру, стоявшую внизу.

"Стрела?" он спросил: "Что ты имеешь в виду?"

"Я думаю, - медленно проговорила она, - что внутри меня находится стрела — не из дерева и камня, а из стрелы маниту - как мне тебе это объяснить?" Я должен идти вперед на расстояния, на подвиги. Какой-то лук бросает меня вперед, и я не могу бездельничать в колчане. Я знаю, - продолжала она, теребя колчан у него за спиной, - как чувствует себя твоя собственная стрела после того, как ты тщательно изготовил ее из прочного дерева и привязал к ней наконечник ремешками. Он говорит сам себе: "Я счастлив здесь, леж в своей теплой постели на спине Наутаукваса". И затем, когда ты берешь его в руку и прикрепляешь к тетиве, он кричит: "Теперь я помчусь вперед; теперь я рассеку ветер; теперь я отправлюсь туда, куда еще не летала ни одна стрела; теперь я достигну того, для чего был создан!"

- Странные это мысли, сестренка, для служанки, - и Наутауквас погладил длинную косу, упавшую ему на колено.

"Я так счастлива, Наутауквас", - продолжала она. "Я люблю теплую хижину, тлеющие угли в центре, дым, поднимающийся к звездам, которые я вижу через отверстие надо мной. Мне нравится чувствовать, как ножки маленькой Клеопатры касаются моей головы, когда мы лежим там вместе. Но потом я чувствую стрелу внутри себя, бесшумно поднимаюсь на ноги и выползаю наружу, и если собаки слышат меня, я шепчу им, и они снова тихо ложатся. Я люблю Веровокомоко, но я тоже мечтаю уехать за пределы деревни, туда, где небо соприкасается с землей. Я люблю истории о зверях, которые рассказывают старые скво, но я хочу услышать храбрецов, когда они говорят о войне и засадах. Весна и сев кукурузы полны восторга, но я с нетерпением жду колошения кукурузы и опадания листьев".

Девушка говорила страстно. Так она никогда ни с кем не разговаривала. Она на мгновение замолчала, и не было слышно ни звука, кроме крика совы. Затем она повернулась, опустила на колени, поставив локти на колени своего брата, и спросила:

"Скажи мне, Наутауквас, скажи мне правду, раз уж ты не можешь говорить ничего другого; что за маниту есть во мне, что я подобен стремительной воде, потоку, который спешит вперед? Кем мне стать?"

"Нечто великое, Матоака", — ответил он. — "Я не знаю, воительница ли - такие были - принцесса, которая будет держать в своих руках многие племена, или пророчица; но я уверен, что стрела твоего маниту достигнет прекрасную дичь".

- Ах! - она глубоко вздохнула. - Я благодарю тебя за твои слова, Наутауквас, брат мой, и за то, что ты не подшутил надо мной.

"Почему кто-то должен смеяться над тобой? Нет ничего странного в том, что осина дрожит под дуновением ветра, и в том, что ты поддаешься влиянию духа, который находится внутри тебя, Матоака. Когда—нибудь...

Его прервал пронзительный крик из глубины леса. Он вскочил на ноги; вся мечтательность его позы и настроения исчезла; он вытащил стрелу из колчана и наложил ее на тетиву, готовый выстрелить. Возможно ли, задавался он вопросом, чтобы какой-нибудь военный отряд их врагов отважился пройти так близко от крепости Поухатана, не будучи остановленным в других деревнях, принадлежащих его народу? Покахонтас тоже была на ногах, склонив голову набок и внимательно прислушиваясь.

Снова раздался крик, затем Наутауквас ослабил лук, сказав:

- Это не человеческий крик. Это крик дикой кошки в агонии. Пойдем и посмотрим, что с ней.

Они быстро побежали к тому месту, откуда донесся звук. Снова раздался крик, указывающий им путь, а затем наступила тишина, пока они бежали в лунном свете, испещренном тенями деревьев.

Наутауквас внезапно остановился, так внезапно, что Покахонтас позади него не смогла остановиться достаточно быстро и упала на него, чуть не свалившись в овраг, который лежал внизу, но Наутауквас поймал ее на самом краю.

- Это там, внизу, - указал он. - Я думаю, там должна быть ловушка. Давайте спускаться очень осторожно.

Они карабкались вниз сквозь темноту, создаваемую нависающими кустами и скалами. Внизу свет не был затенен, и они увидели полосатое тело большой дикой кошки, попавшей в капкан.

- Смотрите, - взволнованно воскликнула Покахонтас, - вон в тех кустах еще один зверь. Должно быть, наше появление напугало его. Он пытался убить того, кто попал в ловушку, кто не может защититься".

- Это так, - согласился Наутауквас, готовясь застрелить зверя, который был на свободе, на случай, если он бросится на них. Но животное, очевидно, в ту ночь не испытывало желания встречаться с людьми и, ссутулившись, побрело вверх по склону оврага. Они могли видеть, что из большой раны на спине плененного животного текла кровь, а в лунном свете его глаза сверкали, как огонь.

- Бедное животное! - с сочувствием воскликнул Наутауквас. - Я бы освободил его, если бы он позволил мне прикоснуться к нему. Как бы то ни было, ему придется умереть с голоду, если его враг не вернется, чтобы прикончить его.

- Нет, - сказала Покахонтас, - в этом нет необходимости. Я освобожу его и перевяжу рану, если ты отрежешь полоску от своих штанов.

- Глупое дитя, - рассмеялся он. - Дикому зверю не нужны ни бальзам, ни тряпки для его ран. Если бы он мог самостоятельно добраться до безопасного места, он бы зализывал свою рану, пока она не заживет. Но он откусит тебе руку, если ты попытаешься прикоснуться к нему.

- Нет, Наутауквас, он не причинит мне вреда. Посмотри, каким тихим он станет.

Она опустила на колени так, чтобы дикая кошка не могла до нее дотянуться, и начала что-то шептать ей. Наутауквас не мог разобрать, что она сказала, но, к своему изумлению, увидел, как зверь перестал хлестать хвостом и как, казалось, расслабились его мышцы. Тем не менее юный храбрец схватил Покахонтас за руку и попытался оттащить ее.

- Никакой опасности нет, брат мой, - возразила она. - Не бойся. Разве ты не видел старого отца Ноумасса, когда пчелы роятся у него на шее и руках? Они никогда не жалят его. Он не может сказать тебе почему, и я не знаю, почему дикие звери не причинят мне вреда".

Итак, Наутауквас с ножом в руке и глубоко дыша, наблюдал, как Покахонтас, тихо произнося какие-то слова, подходила все ближе и ближе к дикой кошке. Вытащив нож из-за пояса, она начала разрезать ремни, удерживающие его. Одна лапа теперь была свободна, и все же зверь не пошевелился, чтобы прикоснуться к своему спасителю. Затем, когда другие ремни были ослаблены и оно освободилось, оно медленно и мучительно двинулось в лес, как будто там не было людей.

Наутауквас вздохнул с облегчением.

"Это чудесно, Матоака, но я прошу тебя, испытывай свою странную силу не слишком далеко. Я рад, что бедное животное сбежало. Мне нравится не видеть, как они страдают. Я стреляю и убиваю ради еды и шкур, но я убиваю сразу".

Теперь они снова поднялись по ущелью и двинулись в направлении Веровокомоко.

Ночь была уже далеко за горами, и Покахонтас становилась все сонливее и сонливее. Наутауквас, видя, что она почти заснула, взял ее за руку и заставил прислониться к нему. Когда они приблизились к тому месту, где он впервые увидел ее танцующей, они заметили человеческую фигуру, скорчившуюся на земле. Даже в лунном свете, который становился все более тусклым по мере приближения рассвета, он мог разглядеть, что это была старая скво. Покахонтас узнала старого Вансутиса, собирателя трав и корней.

"Что ты здесь делаешь, Вансутис?" спросила она.

- Он! маленькая принцесса! - воскликнула старуха, хмуро глядя на них. - и юные храбрые Наутауквы. Я ищу корни и листья при свете скво Солнца. Таково мое предназначение, и так будут крепче напитки, сваренные старым Вансутисом. Этой ночью я нашел много редких растений; возможно, мне повезло, потому что юная принцесса тоже была в лесу.

Все дети племени боялись старухи. Они рассказывали друг другу истории о том, как она могла превращать тех, кто ей не нравился, в собак, летучих мышей или черепах. И теперь даже Наутауквас вспомнил, как он убегал от нее, когда был маленьким. Выражение ее лица было таким уродливым и злобным, что Покахонтас, хотя и не испытывала к ней особого страха, не имела желания оставаться дольше и поэтому двинулась вперед.

- А что делает Покахонтас ночью в лесу? - спросил Вансутис. - Знает ли Поухатан, что она покинула его вигвам?

Покахонтас, хотя и часто охотно позволяла окружающим забывать о своем ранге, все же могла прекрасно осознавать это, когда хотела. Теперь ей не понравилось, что старая скво расспрашивает ее подобным образом, и она не ответила.

"О, эй! - воскликнул Вансутис. - Ты не отвечаешь мне. Ты гордишься своим положением и своей молодостью. И все же однажды ты станешь старой скво, как я, беззубой, со слабыми ногами, и жизнь станет для тебя обузой. Тогда ты не будешь такой гордой.

Покахонтас остановилась и снова обернулась.

- Нет, я не состарюсь. Я не позволю наступить дню, когда жизнь станет обузой. Ты не умеешь читать будущее, Вансутис. Я всегда буду таким же проворным, как сейчас.

- Думаешь ли ты отогнать старость каким-нибудь моим зельем, приготовленным из этих корней, которые я несу здесь, - узелок, слишком тяжелый для такой древней карги, как я, чтобы нести его на спине? У тебя не будет ни одного из них".

При этих словах манера Покахонтас изменилась. Наклонившись, она подняла сверток, засунула его в сетку, лежавшую на земле, и закинула на свои сильные плечи.

"Пойдем, Вансутис", - крикнула она. "Постарайся не сердить меня словами, и я отнесу твой сверток в твой вигвам. По правде говоря, это слишком тяжело для твоих старых костей.

Старуха недовольно хмыкнула, поднимаясь на ноги, затем все трое, один за другим, двинулись вперед. Им пришлось идти медленно, так как Вансутис мог только ковылять, и Наутауквас с сожалением увидел, что приближается рассвет. Теперь он боялся, что Покахонтас не сможет незаметно прокрасться обратно на свое место рядом с Клеопатрой и что ее будут ругать. Они пошли с Вансутис в ее вигвам, и Покахонтас уронила свой сверток. Наутауквас достал нож, отрезал заднюю часть оленя и положил ее в очаг скво.

"У нее нет сына, который охотился бы за ней", - сказал он в качестве объяснения, когда они с Покахонтас ушли без благодарности.

Вигвам Вансутиса находился на краю деревни. Подойдя ближе к хижинам, они услышали крики со всех сторон и увидели, как маленькие мальчики и юные храбрецы выбежали вперед, нетерпеливо озираясь по сторонам.

- Поторопимся! - воскликнула Покахонтас. - Интересно, что случилось, Наутауквас.

ГЛАВА IV

БРОСАЮ ВЫЗОВ

-Что случилось? - спросил я. Наутауквас окликнул Параханта, своего брата, когда догнал его, спешащего к реке.

"От гонца пришло известие, что одно из племен из деревень Чикахомини напало на отряд массавомеков и разгромило их. Даже сейчас они приближаются с пленными".

Проходя мимо своего вигвама, Наутауквас бросил тушу оленя, затем побежал дальше, чтобы присоединиться ко все увеличивающейся толпе храбрецов и детей на берегу реки.

Покахонтас тоже смешалась с толпой, и поэтому Клеопатра и скво в сторожке не заметили ее отсутствия, решив, когда увидели ее, что она, как и они, пробудилась ото сна на рассвете.

Уже почти рассвело. Далеко вниз по реке приближались шесть больших блиндажей. Но даже этого зрелища было недостаточно, чтобы заставить зрителей забыть о том факте, что солнце уже встает и его нужно встречать с обычной церемонией. Два вождя, в чьи обязанности это входило, достали из своих мешочков пригоршни сухого уповока (табака) и, отвернувшись друг от друга, обошли большой полукруг, разбрасывая уповок по земле, пока, когда они встретились, не образовалось коричневое кольцо. Внутри него храбрецы и скво поспешили рассестись. Подняв глаза и протянув руки, они приветствовали Солнце, которое вернулось к ним, чтобы согреть их поля и вытянуть молодую кукурузу.

К тому времени, когда утренняя церемония закончилась, блиндажи были почти у берега. Теперь с берега на лодки и с лодок на берег доносились громкие крики, и Покахонтас проскользнула в заросли кустарника на более высокую точку берега, откуда она могла в одиночестве наблюдать за высадкой. Она захлопала в ладоши, когда их друзья, рослые чикахомини, выпрыгнули на берег, по двадцать человек на каждую огромную шлюпку; и хотя ее достоинство не позволяло ей насмешливо, как это делала толпа, окликать трех пленников, находившихся в каждой лодке, она с нетерпением ожидала увидеть, какими чудовищами могут быть эти враги ее племени.

Восемнадцать массавомеков не были связаны; они вышли из блиндажей так твердо, как будто шли на пир, а не на пытки. Они принадлежали к народу ирокезов; и Покахонтас, которая слышала много историй об этой расе, всегда враждовавшей со своей собственной, заметила определенные различия в способах нанесения татуировок и форме головных уборов.

Победители и пленники, сопровождаемые толпой, прошли маршем к церемониальному домику, где их ожидал поухатан. Покахонтас проскользнула в и без того переполненное пространство, хотя одна из скво Поухатана попыталась ее остановить. Без дальнейшего сопротивления Чикахомини и Массавомеки она поднялась на помост, где сидел ее отец, и присела на циновку, расстеленную на возвышении у его ног, откуда могла наблюдать за всем происходящим.

Один из вождей чикахомини, чье лицо, как она помнила, она видела на больших осенних празднествах, заговорил первым:

"Повхатан, правитель двухсот деревень и повелитель тридцати племен, правящий от соленой воды до западных лесов, мы пришли рассказать тебе, как мы преследовали твоих врагов, массавомеков, которые два месяца назад убили в засаде группу наших молодых людей, охотившихся на оленей. У Великого болота (Мрачного болота Виргинии) мы наткнулись на них, и хотя они, как медведи, пытались спрятаться в его укромных местах, о чудо! Я, Водяной Змей, выследил их, и я со своими воинами напал на них, и теперь их больше нет.

По всей ложе слышался ропот согласия. Только пленники, по-видимому, так же не слышали рассказа Водяного Змея, как если бы они все еще прятались в твердых Великого Болота.

"Там, где мы сражались, - продолжал оратор, махнув рукой на юго-запад, - белые цветы ползучих растений стали малиновыми, а над головой кружили голодные канюки. Многие скво массавомеке сидят сегодня ночью в одиноком вигваме; многие из них потеряли отца, который учил их натягивать лук. Мы убили их всех, Великий Вервенс, всех, кроме этих пленников, которых мы привели к тебе".

На этот раз более громкие крики одобрения вознаградили речь Водяного Змея, которая не прекращалась до тех пор, пока не стало видно, что Поухатан намерен это подтвердить. Он не встал и никак не изменил своего положения, и голос его был низким и размеренным.

"У дерева много ветвей, но ствол только один. Глубоко в землю уходят его корни, чтобы питать каждую веточку и лист. Я, Вахунсунакук, вождь поухатанов и многих племен, являюсь стволом, и одна из моих многочисленных ветвей - ветвь чикахомини, которая очень близка моему сердцу. Мои дети преуспели, и поухатан благодарит их за их храбрые поступки. Теперь ваши юные храбрецы могут отправиться на охоту целыми и невредимыми и привезти мясо для пиршества и шкуры для выделки своим скво.

Он сделал паузу, и все взгляды его людей в ложе были устремлены на него с тем же вопросом.

"Мои дети спрашивают меня: "Что нам делать с этими пленниками?" и я отвечаю: сначала накорми их, чтобы они не говорили, что поухатаны жадны и не отдают чужакам. Затем, когда они насытятся, пусть бросят вызов".

Он махнул рукой в знак того, что закончил говорить, и радостная весть была сообщена из сторожки нетерпеливой толпе снаружи. Покахонтас знала так же хорошо, как если бы могла видеть их, что скво спешат приготовить еду, и со своего низкого сиденья она могла видеть между ног храбрецов перед собой, как несколько мальчиков лежали на животах, пытаясь пролезть в вигвам, чтобы самым услышать происходящие интересные вещи и понаблюдать, проявляют ли пленники какие-либо признаки страха.

Теперь Поухатан отдал приказ, и все расселись на земле или на циновках в ряд лицом к нему. Затем вошли скво, неся большие деревянные и сплетенные из травы блюда с едой. Были горячие лепешки из маиса, дикie индейки и жирные еноты. Пленников обслужили первыми, и никто из них не отказался. Они не позволили бы своим врагам поверить, что страх перед грядущей судьбой может испортить им аппетит. Итак, бросив первый кусок мяса в огонь в качестве подношения Оки, они с жадностью принялись за еду.

Покахонтас заметила, что одна из них, сидевшая ближе всех к началу, была ненамного старше ее самой. Он был слишком молод, чтобы быть храбрецом; возможно, подумала она,

он сбежал из дома и последовал за военным отрядом, как, как она слышала, поступали мальчики в ее собственном племени. Ей стало интересно, сожалеет ли он теперь о том, что его жажда приключений сделала его первую тропу войны последней.

После пира скво раздавали им пучки индюшачьих перьев, чтобы они вытирали ими свои жирные пальцы, и во всем обращались с пленниками с той преувеличенной вежливостью, которая была обычной по отношению к тем, кого собирались пытать.

Затем Поухатан поднялся и, предшествуемый и сопровождаемый несколькими из пятидесяти вооруженных охранников, отобранных из самых высоких мужчин тридцати его племен, прошел по центру вигвама и вышел на солнечный свет. Покахонтас последовала за ним и, оказавшись на улице, побежала рассказать любопытной Клеопатре обо всем, чему она была свидетельницей.

"Почему ты должна была все это видеть?" - спросила ее ревнивая сестра Покахонтас, "в то время как у меня ничего не было, кроме криков?"

"Потому что, - засмеялась Покахонтас, дергая сестру за длинные волосы, - потому что мои две ноги подвели меня. Ты слишком боязлив, мышонок.

Перед церемониальным домиком простиралось открытое пространство, используемое для игр и подвигов в беге и стрельбе в цель. Теперь Поухатан, его стражник и сыновья уселись на твердой красной земле, которая поднималась небольшим холмиком на высоту нескольких футов с одной стороны вигвама. Затем другие вожди заняли свои места позади них, стоя или сидя; скво столпились среди них, а мальчики принялись искать ветки одинокого орехового дерева, единственного дерева в пределах Веровокомоко. Они с тоской смотрели на косую крышу большого вигвама. Несомненно, это была выгодная точка зрения, но Поухатан внушал большой страх оборотням, и они не осмеливались рисковать его гневом.

Покахонтас, которая раздумывала, где бы ей себя проявить, заметила завистливые взгляды, которые они бросали в ее сторону. Ее не остановил их сдерживающий страх, поэтому, подбежав к противоположной стороне вигвама, она взобралась на него, найдя опору в коре, и вскоре удобно свернулась калачиком, обхватив колени руками, чтобы ничего не пропустить из этого зрелища.

Теперь она увидела, как два длинных ряда молодых воинов, один из которых состоял из поухатанов, другой - из чикахомины, шагают по открытому пространству под ней и образуют полосу голых, разрисованных человеческих стен. В руках они держали пучки свежего зеленого тростника, острые, как ножи, или тяжелые дубинки из дуба, или каменные томагавки. Какое-то мгновение они стояли неподвижно, словно были всего лишь зрителями какой-то драмы, разыгрываемой другими.

Покахонтас узнала большинство из них: Черную Стрелу, чье ухо оторвал медведь; Прыгающего Осетра, который повесил на пояс два скальпа, прежде чем вожди объявили его достаточно взрослым, чтобы быть храбрым; ее собственного кузена, Белую Сову, самого великолепно татуированного из всех; и Нансамондского молодого вождя, который носил живую змею в качестве серьги в разрезе уха.

Затем Поухатан подал сигнал, и пленников повели вперед. Они знали, что их ожидало; вероятно, каждый из них, за исключением маленького мальчика, сам обрек других на ту же участь, которая теперь должна была постигнуть их. Они не роптали; такова была судьба

войны. Распевая триумфальные песни, высмеивающие всех своих врагов, они бросились бежать по ужасной дороге смерти. Удары сыпались на них градом - по шее, по голове, по рукам, даже по ногам от сутулых противников. Удары наносились с обеих сторон так быстро, что иногда двое падали на одно и то же место почти одновременно.

Покахонтас с интересом отметила, что мальчик был последним в роду и вел себя так же храбро, как и остальные.

Когда они добрались до конца ряда, спасения уже не было — никуда им больше не деться. Они отскочили назад так стремительно, что казалось, каждый избежал удара, направленного в себя, только для того, чтобы получить удар, предназначенный его товарищу впереди.

У Покахонтас возникло странное чувство, когда она посмотрела на них сверху вниз и увидела кровь, хлещущую из сотен ран. Она подумала, что, возможно, это из-за жаркого солнца ее немного подташнивает. Ее глаза следили за мальчиком, и когда он подошел ближе, она заметила, что силы его почти на исходе. Еще несколько ударов прикончили бы его. Некоторые из его старших уже упали на землю, и если после немилосердных побоев они все еще не могли подняться, томагавк вышибал им мозги.

К своему удивлению, Покахонтас обнаружила, что ей хочется, чтобы мальчик не упал, а спасся каким-нибудь чудесным образом. Какая неправильная мысль! она сказала себе: "разве он не был врагом ее племени?" И все же она не могла не закрыть глаза, когда увидела Черную Стрелу, наносящую страшный удар по его голове. Она не знала, что с собой делать. Она вдруг начала думать о раненой дикой кошке, которую они с Наутауквасом пожалели ночью. Но никто никогда не должен жалеть врага. Из чего она была сделана?

Когда она снова открыла глаза, то услышала женский крик и увидела скво, мчавшуюся в конец шеренги, туда, где удар Черной Стрелы свалил мальчика с ног. Это был старый Вансутис.

- Я требую мальчика, - задыхаясь, произнесла она. - Я требую его по нашему древнему праву. Прекратите, храбрецы, и отдайте его мне.

Ошеломленные храбрецы опустили руки вдоль туловища, а тяжело дышащие, истекающие кровью пленники, которые еще не упали, на мгновение задержали дыхание.

- Я требую, чтобы этого мальчика, - снова громко крикнула старуха, поворачиваясь к Поухатану, - усыновили как сына. Много попанов (зим) и периодов посева прошло с тех пор, как были убиты мои сыновья. Теперь Вансутис стара и немощна, и ей нужен маленький сын, чтобы охотиться для нее. По нашему древнему обычаю этот пленник мой.

Молодые воины возмутились, что у них отняли одну из жертв, но старшие вожди на холме несколько мгновений спорили, а затем вынесли свое решение: право старой женщины требовать мальчика не вызывало сомнений. Поэтому Поухатан послал двух своих стражников забрать его и отнести в вигвам Вансутиса.

Покахонтас внезапно снова почувствовала себя непринужденно. Да, она ничего не могла с этим поделать, сказала она себе, но она была рада, что мальчика не избили до полусмерти. Как только его унесли, "перчатка" началась снова. Но Покахонтас уже устала от этого. Она знала, что это будет продолжаться до тех пор, пока все пленники не будут мертвы. Она соскользнула с задней стены вигвама и, ведомая любопытством, направилась к вигваму

Вансутиса. Это было на окраине деревни, и до того, как прибыла медленная процессия из двух охранников, старухи и мальчика, Покахонтас спряталась за замшелой скалой, из этого укрытия ей открывался вид прямо на вход в вигвам.

Она наблюдала, как охранники осторожно положили потерявшего сознание мальчика, а Вансутис, опустившись на колени, раздувала тлеющие угли под дымовым отверстием, пока они не вспыхнули. Затем она увидела, как старуха взяла горшок с водой, нагрела ее и бросила в нее травы. Этим настоем она промыла раны, а затем помазала их маслом, приготовленным из желудей. И пока она работала, она молилась, призывая Оки исцелить ее сына, сделать его сильным, чтобы он мог позаботиться о ее старости.

Покахонтас так хотелось узнать, жив ли мальчик, что она подползла поближе к вигваму, и когда он наконец открыл глаза, они смотрели поверх очага и скорчившейся Вансутис прямо в глаза Покахонтас. Она увидела, что он пришел в себя, и приложила пальцы к губам. Она не хотела, чтобы Вансутис знал, что за ней наблюдали. Прикосновение морщинистых пальцев уже было нежным, как у матери, и Покахонтас была уверена, что она воспротивится любому вторжению. Теперь, когда она увидела все, что можно было увидеть, она ускользнула.

Побродив по лесу, чтобы собрать жимолость для венка, она вернулась в деревню. На открытом пространстве больше не было толпы; все пленники были мертвы, а зрители разошлись по своим ломам. Только несколько мальчиков играли в "Пробей перчатку", некоторые ивовыми прутьями били тех, кого выбирали по жребию, чтобы пробежать между ними. Девушка, подражая старой Вансутис, бросилась вперед и назвала одного из бегунов сыном.

Несколько дней спустя, когда юный массавомеке пришел в себя, были проведены церемонии, посвященные его принятию в члены племени повхатан, великого народа алгонкинов. Другие мальчики его возраста смотрели на него с завистью. Разве он не доказал свою доблесть на тропе войны и под пытками, пока они всего лишь играли с плампитами? Они повсюду следовали за ним, стремясь выполнить его приказ, каждый старался превзойти своих товарищей в спорте, когда он смотрел на них. И у всех старейшин нашлись добрые слова о Когте Орла, и Вансутис была так горда, что теперь часто забывала говорить о злом врачевании.

Покахонтас задавалась вопросом, нравится ли Орлиному Когтю его новая жизнь, и однажды, когда она бежала по лесу, она наткнулась на него. Он опустился на колени, чтобы посмотреть сквозь заросли на стаю индеек, в которых собирался выстрелить, но его лук без дела лежал у его ног, и она увидела, что его глаза, казалось, смотрят на что-то вдалеке.

"Что ты видишь, сын Вансутиса?" спросила она.

Он вздрогнул, но ничего не ответил.

- Говори, Орлиный Коготь, - нетерпеливо сказала она. - Дочь Поухатана не имеет обыкновения ждать ответа.

Он увидел, что это было то же самое лицо, которое он видел, заглядывая в сторожку в тот момент, когда пришел в сознание.

"Я вижу заходящее солнце. Принцесса многих племен, солнце, которое движется к горам в деревню, откуда я пришел".

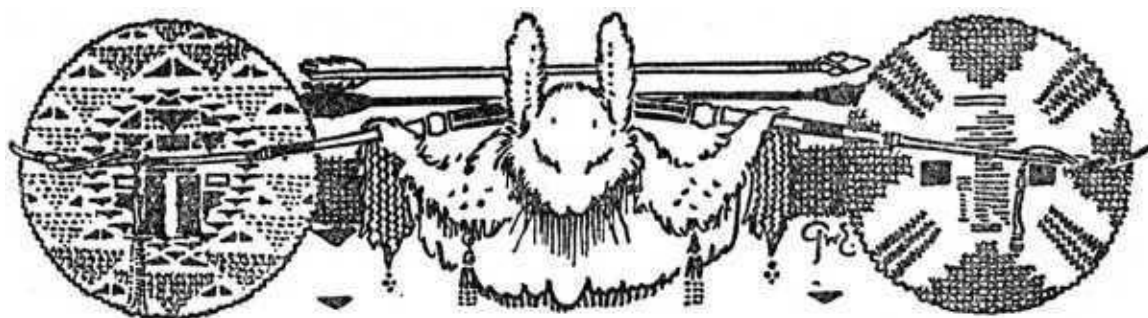
- Но теперь ты один из нас, - возразила она.

- Да, я сын старого Вансутиса, и я верен своей новой матери и своему новому народу. И все же. Принцесса, я каждый день отправляю с восходом солнца послание в вигвам, где оплакивают Когтя-Орла. Возможно, оно дойдет до них.

- Расскажи мне о горах и обычаях народа твоего отца. Я жажду узнать о странном народе и других обычаях.

- Нет, принцесса, я не буду говорить о них. Ты никогда не прощалась со своими сородичами навсегда. Я бы забыл, а не помнил".

И Покахонтас, хотя это был почти первый раз, когда кто-то отказался ей повиноваться, не рассердилась. Возвращаясь домой, она была слишком занята, размышляя, как бы все выглядело, если бы она никогда больше не увидела Веровокомоко и свой собственный народ.

ГЛАВА V

ВЕЛИКИЕ ПТИЦЫ

Опечанчаноу, брат Вахунсунакука, поухатана, отправил в Веровокомоко лодку, полную лучших глубоководных устриц и крабов. Великий верованс вернул благодарность своему брату, и подносчики его подарков уже собирались уходить, когда Покахонтас вбежала в вигвам своего отца, едва дыша от нетерпения.

- Отец, - воскликнула она, -молю тебя, даруй мне это удовольствие. Стало тепло, и я и мои девушки тоскуем по прохладному воздуху, который витает над соленой водой. Поэтому, умоляю тебя, позволь нам на несколько дней погостить у моего дяди".

Паухатан ответил не сразу. Ему не нравилось, что его любимое дитя покидает его. Но она, видя, что он в нерешительности, начала умолять, шептать ему на ухо слова любви и гладить его по волосам, пока он не дал своего согласия. Затем Покахонтас побежала за своей длинной накидкой и лучшей ниткой бус и позвала служанок, которые должны были сопровождать ее. Они сели в лодку вместе с людьми ее дяди, и их быстро повезли вниз по реке.

В Кекоутане их приняли с большими церемониями, поскольку Покахонтас знала, что ей причитается и как, когда это было необходимо, сменить свои детские манеры на более достойные. Опечанчано любезно поприветствовал ее.

- Ты простил меня, мой дядя? - спросил я. когда они уселись за угощение вкуснейшей рыбешкой, которую она всегда выпрашивала, когда приходила к нему в гости, и бифштексами из медвежатины, она спросила: "Ты простил стрелу, которую я выпустила в тебя прошлым днем?"

- Я не запомню ничего неприятного против тебя, маленькая родственница, - ответил он, выпивая свою чашку орехового молока.

- Право, мне стыдно за свою глупость, - продолжала его племянница. - Тогда я была всего лишь ребенком.

- А сейчас?— это было всего несколько лун назад.

"Но посмотри, как я расту, как кукуруза после ливня. Скоро скажут, что я готова к поклонникам".

- И кого же ты выберешь, Покахонтас?

- Я не знаю. У меня пока нет мыслей на этот счет.

"О чем же тогда ты думаешь?"

— Обо всем: о цветах и зверях, танцах и играх, о войнах и церемониях, о новом сыне старого Вансутиса, о новом луке Наутаукваса, об ожерельях и серьгах, о старых историях и новых песнях - и о завтрашнем купании.

"Не бойся, что ты еще не оставила свое детство позади", - сказал ее дядя.

Затем, когда огонь погас и голос рассказчицы стал сонным, Покахонтас заснула, положив руку на медвежонка, которого забрали у его мертвой матери и который прижимался к человеку, лежавшему ближе всех к огню.

Опечанчаноу не испытывал такой глубокой привязанности к детям, какую Поухатан проявлял к своим сыновьям и дочерям. Он был таким же храбрым бойцом, но не таким великим мирным лидером, как Вахунсунакук. Его раздражало, что он должен уступать своему брату и подчиняться его приказам; и все же он знал, что только благодаря единству между различными племенами морского побережья они могут быть в безопасности от своих общих врагов, ирокезов. Его тщеславие было очень велико, и он почувствовал себя задетым насмешками, которые Покахонтас навлекла на него. Если бы она приехала с визитом раньше, он, конечно, не принял бы ее так любезно. Но теперь произошли другие странные события и требовалось обдумать более важные дела, а он был слишком мудрым вождем, чтобы долго беспокоиться из-за детских шалостей. Кроме того, он узнал из своих собственных наблюдений и из уст других, что его брат дорожил ею больше, чем кем-либо из своих скво или детей. Таким образом, политика, а также его врожденное гостеприимство диктовали радушный прием.

Утром, после того как они поели, Опечанчано предложил отправить Покахонтас и ее служанок на каноэ туда, где мыс выдается в океан, чтобы они могли увидеть самые высокие волны, но Покахонтас отказалась.

"Нет, дядя, - сказала она, - но мои девушки никогда не видели моря. Они домоседы, и я бы не стал слишком сильно пугать их видом водных гор. Не заботьтесь о нас, разве что попросите кого-нибудь снабдить нас едой, которую мы возьмем с собой. Я знаю дорогу к ровному пляжу, где мы сможем развлечься.

Так что Опечанчано, обрадованный тем, что они сбились с его рук, позволил ей проявить волю.

Город находился в миле от открытой воды, и девушки отправились в путь с большим запасом сушеного мяса, развешанного в корзинах из ивняка за спиной. Некоторые юные храбрецы смотрели им вслед, когда они уходили, и спорили, кого из них они хотели бы выбрать в качестве скво, когда подрастут.

Покахонтас вела их сквозь кусты шиповника и сумаха, а кое-где попадались высокие сосны, нижние ветви которых были высоко над их головами. Все они были в самом веселом расположении духа: это был день, созданный для удовольствий, и им было наплевать на все на свете. Они пели на ходу и подшучивали друг над другом, сама Покахонтас никуда не убегала.

"Медведь, твой товарищ по постели, поцарапал тебя?" - спросил один. "и ты превзошел его, потому что сегодня утром его не было видно возле сторожки".

"Возможно, - предположил другой, - это был не настоящий медвежонок, а какой-нибудь злой маниту".

Девушки восхитительно содрогнулись от такой возможности.

"Ерунда, - крикнула в ответ Покахонтас, - он был достаточно реален; вот след от одного когтя на моей ноге. Кроме того, я не верю, что злой маниту может обладать такой силой в такой прекрасный день, как этот. Оки, должно быть, приказал им улетать.

Внезапно тропинка повернула, и перед ними засияло серебряное зеркало моря.

- Смотрите! - воскликнула Покахонтас, и тогда Красное Крыло, ее ближайшая спутница, плашмя упала на землю, зарывшись лицом в песок. Остальные стояли и смотрели на новый водный мир, раскинувшийся перед ними, погруженные в благоговейное молчание. Постепенно их любопытство взяло верх над страхом, и они начали задавать вопросы:

"На сколько лиг оно тянется, Покахонтас?" — "Могут ли военные каноэ найти по нему дорогу?" — "Из его глубин достают хороших устриц?" - спросила Оленеглазка, над аппетитом которой всегда подшучивали.

Покахонтас ответила так хорошо, как только смогла, но для нее, которая до этого несколько раз видела великую воду, это было почти такой же загадкой, как и для ее товарищей. Но сегодня она приветствовала его как старого друга. Ей не терпелось броситься в мелкую рябь волн у своих ног.

- Давай, - крикнула она, - поторопимся. Какой чудесной для наших разгоряченных тел будет его свежесть". И, подбежав к нему, она сбросила юбку, мокасины и ожерелье и бросилась в море.

Хотя ее спутники привыкли плавать с того дня, как их матери бросили их младенцами в реку, чтобы закалить, они никогда не были там, где по обе стороны от них не было защищающих берегов, и они боялись следовать за Покахонтас в эту неизвестность. Но постепенно ее очевидная безопасность и восторг пересилили их осторожность, и вскоре они почувствовали себя как дома на ласковых волнах.

Почти час они играли в свои водные игры, гоняясь друг за другом и ныряя, наперегонки и плавая под поверхностью. Затем они проголодались и вспомнили о еде, ожидающей своего приготовления. Но когда они снова оказались на берегу и собирались развести костер, чтобы разогреть мясо, Покахонтас велела им подождать.

- Вот, - сказала она, - еда посвежее. Посмотри, что нам оставил прилив.

К своему великому удивлению, девушки, которые не знали, что море отступило, увидели, что пока они купались, вода обнажила песок, оставив на нем маленькие лужицы. Стоя в одном из них, Покахонтас наклонилась и провела рукой по грязи, вытащив краба с мягким панцирем.

"Смотри, - воскликнула она, - здесь их сотни для нашего ужина, но будь осторожен и держи их так, чтобы они не пощипали тебя".

И ее служанки, смеясь и визжа, вскоре съели больше крабов, чем могли съесть. Они нашли на пляже щепки и сушеные морские водоросли, которые подожгли, вращая заостренную палочку в деревянном углублении, которое принесли вместе со своей едой. Поев, они лениво растянулись на песке и разговаривали, пока один за другим не начали задремывать.

Покахонтас прошла немного дальше по пляжу, собирая прекрасные ракушки из прозрачного золота и серебра, из которых ей нравилось делать ожерелья. Она нашла несколько штук, и так как их было больше, чем она могла удержать в руках, она села нанизывать их на кусочек травы угря, пока не смогла перевязать их на сухожильную нить. Закончив, она легла спиной на песчаную гряду и стала наблюдать за чайками, которые пролетали над ней, время от времени ныряя в волны, чтобы вытащить рыбу. Вдалеке над волнами кружила стая морских свиней, их черные плавники то исчезали из виду, то появлялись снова с такой

регулярностью, словно они двигались под какую-то морскую музыку. Покахонтас задавалась вопросом, откуда они взялись и куда направляются они и чайки. Как восхитительно было так быстро и легко перемещаться по воде или воздуху. Но она и не думала им завидовать. Разве она не была такой же проворной, как они, в своей стихии? Она прижала руку к теплему песку, как ей нравилось это ощущение; она вытянула обнаженную ступню туда, где ее могли омочить маленькие волны. Как она любила плеск воды! Внутри нее бурлили чувства, любовь ко всему живому.

Сейчас в мире было очень тихо; солнце лишь немного поднялось над зенитом. Тишину нарушали только крики чаек и мягкий плеск волн. Было бы приятно спать здесь, как спали ее товарищи, но если бы она заснула, то упустила бы ощущение своего наслаждения.

И все же, хотя она намеревалась не засыпать, когда посмотрела в сторону моря, она была уверена, что, должно быть, заснула и видит самый странный из снов. Ибо нигде, кроме как в стране грез, никто никогда не видел такого зрелища, которое, казалось, выделялось на фоне горизонта. Три огромные птицы, которых, несомненно, создал какой-то шаман с помощью могущественного лекарства, такие большие, что почти касались небес, скользили по волнам, расправив белые крылья. Один из них, гораздо крупнее остальных, двигался быстрее, чем они.

Но никогда, ни во сне, ни в жизни, таких птиц не было, и маленькая Покахонтас, вскочив на ноги, стояла, разинув рот от ужаса.

- Значит, я, должно быть, околдована! - громко воскликнула она. - Какое-то злое снадобье подействовало на меня.

- Позвала она, и в ее голосе прозвучали нотки, разбудившие спящих дев, как боевой барабан разбудил их отцов.

- Что ты видишь? - с тревогой спросила она.

-О! Покахонтас, мы не знаем, - в ужасе ответили они, сгрудившись вокруг нее. - Ответь *ты* нам. Что это за странные существа, которые несутся по волнам? Откуда они взялись — с края света?

Покахонтас, бесстрашная, была напугана. Она бросила еще один взгляд в сторону моря, а затем, повернувшись, в ужас бросилась наутек. Ее служанки, которые никогда не видели ее такой, усилили ее испуг к своему собственному, и ни одна не остановилась, пока они не добрались до хижины в Кекоутане.

Увидев испуганных детей, скво выбежали на улицу и попытались успокоить их, но так и не смогли добиться объяснения того, что их так напугало. Наконец Опечанчаноу вышел, и когда Покахонтас попыталась рассказать ему о том, что она видела, его лицо стало суровым.

"Это то, чего я боялся", - сказал он другому вождю. "Итак, слово, пришедшее с верхнего мыса, оказалось правдой. Это чудо не предвещает ничего хорошего".

Он начал торопливо отдавать приказы; шлюпка была доставлена на посадочную площадку, и он без особых церемоний пригласил Покахонтас и ее служанок войти.

- Я пошлю гонца в Веровокомоко с новостями для моего брата, - крикнул он ей, когда лодку спустили на реку. - он быстрее доберется до деревни по суше, чем по реке. Прощай, Матоака".

И Покахонтас, хотя ей очень хотелось расспросить его о том, что он слышал и чего боялся, все же радовалась, что она на пути к своему народу, в свой дом, где никогда не было таких странных зрелищ, какие она только что увидела.

ГЛАВА VI

ИСКУШЕНИЕ ДЖОНА СМИТА

"Дискавери", "Годспид" и "Сьюзен Констант" после почти пяти месяцев метаний по морям теперь стояли на якоре в широком устье реки Джеймс, которую верные английские авантюристы называли в честь своего короля. Белые паруса, которые так пугали индийских дев, теперь хлопали на мачтах, полностью заслужив их безделье. На борту все еще продолжалась дискуссия о наилучшем положении города, который они спроектировали как первое постоянное английское поселение в Америке — в Вингандакоа, как называлась земля до того, как ей было дано название Вирджиния в честь королевы Елизаветы, "королевы-девственницы".

Экспедиция отправилась из Англии в декабре позапрошлого года (1606). Среди тех, кто заполнил три корабля, были люди, уже ставшие опытными исследователями, и другие, которые никогда не удалялись от своего родного острова ни на день плавания.

Среди первых был Бартоломью Госнольд, который впервые отправился в странное путешествие по новому свету около пяти лет назад. Он высадился далеко к северу от реки, где сейчас стояли корабли, — на более холодном и суровом берегу. Там он открыл Кейп-Код и Мартас-Винъярд и дал им названия. Кристофер Ньюпорт тоже раньше плывал в западных водах, но дальше к югу. Он был врагом испанцев, где бы ни встречал их, и оставил после себя ужасное имя на испанском континенте, ибо разве не он разграбил четыре их города в Индии и потопил двадцать испанских галеонов? И еще был Джон Смит, который за свои двадцать семь лет участвовал в стольких битвах, что многие седобородые солдаты не смогли бы закончить его рассказы об осадах, игре на мечах, тюремном заключении и чудесных побегах. И там было много других людей, которых надежда на наживу или любовь к приключениям перенесли через Атлантику. Они слышали странную историю о потерянной колонии на острове Роанок, об английских мужчинах и женщинах, убитых, несомненно, индейцами, хотя об их судьбе так и не было известно ни слова, но страх перед подобной участью не удержал их от поездки.

Необходимо было учесть множество моментов: поселение должно было находиться недалеко от побережья, чтобы корабли из дома могли добраться до него с наименьшей возможной задержкой, но при этом вдали от побережья на случай набегов испанцев.

Опять же, место должно быть благоприятным для здоровья и довольно легко защищаемым, поскольку нападение местных жителей на колонистов, когда они впервые высадились на мысе, который они называли Генри в честь юного принца Уэльского, дало им почувствовать, чего им, возможно, следует ожидать. Слух об этой битве дошел до Опечанчано при Кекоутане.

На носу *"Дискавери"* стоял человек, который не обращал внимания на споры, происходившие у него за спиной. Он был невысокого роста, но крепко сложен, и даже вида его спины было бы достаточно, чтобы доказать, что он человек, привыкший к активной жизни. Однако определить его возраст было не так-то просто. Длинная борода и усы скрывали рот, а от носа вниз тянулись глубокие морщины, которые, возможно, были отмечены годами. И все же лоб у него был высокий, широкий и без морщин, волосы густые, брови темные и высокие. Это было умное, энергичное лицо человека, который за свои короткие двадцать восемь лет

повидал больше, чем любой седовласый восьмидесятилетний житель его родного Линкольншира. Он держал подзорную трубу и, стоя у поручня, медленно двигал ею, пока не направил во все стороны. Он осмотрел реку и оба берега, насколько хватало глаз, и теперь она упиралась в остров чуть выше, недалеко от правого берега реки, получившей новое название.

Моряк, проталкиваясь сквозь толпу у дверей каюты, подошел к человеку на носу.

- Капитан Смит, - сказал он, - капитан Ньюпорт просил меня передать, что Совет собирается привести к присяге в кают-компании и что он желает вашего присутствия там.

Джон Смит повернулся и медленно побрел на корму, гадая, что будет решено в течение следующего часа. Мог ли он, ощущавший в себе необычайную силу организовывать и командовать людьми, получить этот чудесный шанс, какой еще никогда не выпадал ни одному англичанину, прочно посадить на новой земле семя великой колонии? С ранней юности его дни были посвящены приключениям. Он принадлежал к той расе англичан, которые первыми обнаружили, насколько малы границы их маленького острова, и которые весело отправились на поиски новых миров для своих амбиций и энергии. Рейли, Дрейк, сэр Мартин Фробишер, сэр Хамфри Гилберт, сэр Ричард Гренвилл и Джон Смит были разведчиками, посланными гением Англии, чтобы обнаружить пути, по которым она должна была послать своих сыновей. Смелые, бесстрашные, неутомимые, часто жестокие, а иногда добрые и стойкие, они отправлялись в новые моря и земли в поисках Северо-Западного прохода, или чтобы "подпалить бороду королю Испании", или найти легендарные сокровища Новой Индии — и все же все они бессознательно служили гению своей расы, закладывая основы новых миров. Возможно, из всех них Смит наиболее ясно видел ценность поселения в Виргинии, и столь же ясно он осознавал, что зависть и алчность многих его товарищей-колонистов серьезно угрожали бы его росту и даже самому существованию.

Хотя ни один из любопытных глаз, обращенных на него, когда он медленно шел к форштевню, не заметил ни малейшего следа эмоций на его серьезном лице, он был поглощен надеждой, что его, возможно, выберут возглавить великую работу. И все же он боялся, зная, что на протяжении всего долгого путешествия, почти с того момента, как они отплыли из Англии, его враги, завидовавшие его славе и его власти над людьми, стремились подорвать ее и оклеветать его доброе имя. Какую ложь они распространили по трем кораблям о мятеже, который, как говорили, он провоцировал, пока не был отдан приказ, сделавший его фактически пленником до конца путешествия. Но вскоре он выяснит, намерены ли они проигнорировать его и пройти мимо.

"МЫ ВЫБИРАЕМ СЕГОДНЯ", - ВОСКЛИКНУЛ ОН

Войдя в маленькую каюту, он увидел сидящих вдоль транца в креслах с широкими подлокотниками капитана Кристофера Ньюпорта, Бартоломью Госнольда, Эдварда Вингфилда, Джона Рэтклиффа, Джона Мартина и Джорджа Кендалла. Они приветствовали Смита, когда он вошел, как и другие джентльмены, прислонившиеся к переборкам, но без особой сердечности, и он хорошо знал, что они говорили о нем еще до того, как он вошел. Он молча занял свое место.

Эти люди составляли Совет, который был определен в секретных инструкциях, данных им при отплытии, и открылся после того, как они прошли между мысами Карла и Генриха. И теперь именно этот Совет, согласно своему праву, должен был избрать своего президента на предстоящий год. Теперь Смит был уверен, что из-за их враждебности к нему они уже определили между собой, какими будут их голоса, пока он будет без хижины. Форма, однако, была составлена, и результат торжественно объявлен: Вингфилд должен был стать первым президентом Колонии, а Смит обнаружил, что его кандидатура даже не упоминается на самом маленьком посту. Остальные по большей части улыбались от удовольствия, ожидая

увидеть его разочарование, но он ничем этого не показал. Вместо этого он поднялся на ноги и сказал:

- Капитан Ньюпорт и джентльмены Совета, позвольте мне предложить в качестве названия этой новой колонии имя нашего милостивого государя короля Якова.

Здесь, наконец, они должны были последовать его примеру, и все вскочили на ноги и закричали: "Пусть будет Джеймстаун!"

Затем снова началось обсуждение места, которое следовало выбрать для их поселения. Были те, кто хотел найти место поближе к заливу; один выступал за изучение других рек поблизости, Апаматука, Нансамонда, Чикахомини, Паманки, как называли их индейцы, прежде чем принять решение; но Ньюпорт, стремившийся вернуться в Англию, не соглашался.

"Мы выбираем сегодня", - воскликнул он, с грохотом опустив кулак на стол.

Рассматривался остров, который Смит рассматривал в свою подзорную трубу. Он был большим, ровным и не слишком далеко от моря, что говорило в его пользу. Большинство высказалось за это, и остальные, наконец, вернулись к своей точке зрения. Смит не выдвигал никаких предложений. Он знал, что все, что он отстаивал, было бы отклонено. Когда его спросили, что он думает об острове, его ответ: "Это достойно всяческих похвал", - все еще оставлял слушателей в сомнениях относительно его реального выбора.

- Теперь, когда мы окрестили младенца до того, как он появился на свет, - сказал капитан Ньюпорт, вставая, - давайте сойдем на берег и приступим к работе по разметке места нашего Джеймстауна.

Все покинули корабль, за исключением нескольких матросов, которые остались на страже. После продолжительного обсуждения Совет выбрал места для дома правительства, для церкви, для склада, в то время как ремесленники, не теряя времени, занялись вырубкой деревьев и расчисткой мест для временных палаток. Вопрос о форте не поднимался, однако Смит, чьи военные познания показали ему, насколько уязвим остров, не высказал никаких предложений по его укреплению.

Он брел в одиночестве сквозь заросли цветущих лиан, в которых носились перепуганные пересмешники и соколята, к ближайшей к берегу материка стороне острова.

- Здесь, - сказал он, произнося слова вслух, как научился делать, когда был в плену у татар, чтобы не забывать звучание собственного языка, - здесь, с этой стороны, должна быть укрепленная стена с несколькими мощными кулевыми. Смотровая вышка на этом углу и, протянувшийся с севера на юг, прочный частокол — который с бдительными часовыми защитит от нападения разве что с воды. Если я...

Затем он остановился, нахмутив брови. Его разочарование было сильным, его гордость была задета за живое. Никогда бы он не покинул Англию, никогда бы не связал свою судьбу с новой колонией, если бы знал, как ему придется страдать от ревности, интриг и пренебрежения. Пока он стоял, вглядываясь в более глубокие заросли на противоположном берегу, его мысли были заняты принятием решений на свое будущее.

"Почему я должен оставаться здесь, - громко воскликнул он, - чтобы на меня не обращали внимания, когда есть много английских кораблей, которые были бы рады видеть меня на своей юте, много отрядов йоменов, которые были бы рады, если бы я командовал ими? Я не

из тех людей, которые привыкли всегда выполнять приказы. Я создан, чтобы *отдавать* их. Мир велик, и этот остров не обязательно должен быть моей тюрьмой. Я поплыву обратно на "Дискавери" и буду в поисках новых приключений".

Шорох в кустах позади него заставил его быстро обернуться. Там стояли Дикон, Хью и Хоб, трое мужчин, приехавших из его родной части страны, с которыми во время долгого путешествия он часто был рад поболтать об их домах и людях, которых они все знали.

"Капитан, - заговорил Дикон, - мы пошли следом, чтобы поговорить с тобой по секрету. Говорят, тебе не дали места в Совете. Разве это не правда?"

- Да, - спокойно ответил Смит.

- Это грязный трюк! - воскликнул Хью, и его товарищи вторили ему. - Грязный трюк, но что ты собираешься делать теперь?

- Что вы хотите, чтобы я сделал, ребята? - с любопытством спросил Смит.

Дикон снова выступил с речью, остальные одобрительно закивали в знак одобрения его слов.

"Мы твои друзья, капитан, и доброжелатели. Мы пришли в эту странную страну, чтобы разбогатеть благодаря твоему приходу. Мы чувствовали себя в безопасности рядом с человеком, который уже много путешествовал и знал все о диковинных обычаях странных людей, чернокожих и здешних краснокожих. Теперь, если так будет, ты не будешь иметь права голоса в управлении тем, что мы будем обмануты и не будем знать, что может с нами случиться. Есть много других, которые думают так же, как мы, не только такие рабочие, как мы, но и многие джентльмены, которые мало верят в них, поскольку были поставлены на высокие посты. Теперь я говорю тебе, позволь нам троим отправиться к тем, кого мы знаем как дружественных тебе, и мы поговорим с ними тайно, и мы соберемся завтра на одном конце этого острова, и там мы все останемся, пока они не согласятся назначить тебя Президентом. И если дойдет до драки, тем лучше. Что скажешь, капитан?"

Смит ответил не сразу. Дружелюбие этих людей глубоко тронуло его как раз в тот момент, когда он страдал от оказанного ему обращения. Он знал, что они говорили правду; было много колонистов, которые проявили к нему дружелюбие и которые были бы готовы поддержать его. Более того, он чувствовал в себе силу использовать их, заставить следовать его указаниям, в чем Вингфилду никогда не удавалось преуспеть. Он поддался искушению согласиться не столько ради личного удовлетворения, сколько из-за осознания того, что его лидерство принесет пользу колонии, как не принесло бы пользы никому из его собратьев-авантюристов. Он не был тщеславным человеком, но обладал необычными способностями.

- Если бы мы были достаточно сильны, чтобы захватить часть припасов и одно из судов, вы позволили бы мне увести вас на какой-нибудь другой наш собственный остров, мужчины? - спросил он и тут же увидел в своем воображении возможности такого шага.

- Есть, есть. Капитан, - закричали все трое, - и мы тоже будем достаточно сильны, не бойтесь, - добавил Хью.

Искушение у Джона Смита было сильным, и он ходил взад и вперед, взвешивая этот вопрос. Каким вниманием, в конце концов, он был обязан тем, кто с ним не считался? Он не боялся неудачи; он благополучно прошел через слишком много опасностей, чтобы не быть

уверенным. Он сомневался только в первом шаге. Он видел, что люди теряют терпение, но ничего не сказал. Внезапно стрела просвистела рядом с его ухом и упала к его ногам.

- Дикари! - воскликнул Дикон.

Смит взгляделся в лес за водой, и ему показалось, что он видит наполовину скрытую березой обнаженную фигуру.

"Давайте вернемся и предупредим Совет", - сказал он, поворачиваясь в ту сторону, откуда пришел. "Я едва ли думаю, что они нападут на нас, особенно если мы останемся вместе".

Он постоял еще мгновение, погруженный в свои мысли. Потом сказал:

- Именно так, Дикон, *если мы останемся вместе!* Нет, не хмурься, Хью. Выбрось из головы все, о чем мы говорили последние полчаса, как я выброшу это из своей. Мы должны держаться вместе, мужчины, здесь, в этом новом мире. Вы трое поддерживаете меня, потому что мы все соседи и родились в Линкольншире; но здесь, в этой глуши, мы все соседи, англичане по происхождению, как и в более крупном графстве. Сейчас, когда вокруг нас дикари, не время думать о наших собственных мелких неприятностях. Мы должны забыть о них и держаться вместе для общего блага. Вы обещаете, мужчины?"

- Раз уж ты так решил, капитан, - ответил Дикон.

- Я за или против, как тебе будет угодно, - сказал Хью, - но я был бы рад, если бы ты предпочел драться, а не целоваться.

И Хоб, который до сих пор не произнес ни слова собственного изобретения, торжественно произнес:

- Я не буду болтать. Капитан, как близко ты был к драке.

Когда они вернулись на место будущего Джеймстауна, Смит, который решил поступать так, как ему казалось правильным, независимо от того, какой прием получит его совет, рассказал президенту Уингфилду о спрятанном лучнике и предупредил его об опасности для тех, кто может оторваться от своих товарищей. Но члены Совета, независимо от того, были ли они обязаны Смигу даже советом, или на них повлияло дружеское отношение индейцев поначалу, которое теперь только начинало меняться, отказывались верить, что дикари намеревались досаждать им, и отказывались признать необходимость возведения частокола или принятия других мер предосторожности против них.

С каждым днем работа по расчистке земли и установке палаток продвигалась, по-видимому, быстрее, чем накануне, поскольку результаты были более заметны. Каждый был так утомлен стесненной жизнью на борту корабля в течение стольких недель, что был рад растянуться на земле или на импровизированных кроватях. Смит, чтобы подать пример некоторым джентльменам, которые стояли, скрестив руки на груди, и наблюдали за работой механиков, энергично размахивал топором и молотком. Тем не менее, он был очень недоволен тем, как с ним по-прежнему обращались, и с готовностью воспользовался возможностью покинуть остров.

Вместе с капитаном Ньюпортом и двадцатью другими он отправился в одной из корабельных шлюпок исследовать верхнюю часть реки. Они отсутствовали несколько дней, после того как поднялись по реке Джеймс до грейт-фоллс близ Поухаты, деревни Поухатан недалеко от нынешнего города Ричмонд. Затем они вернулись в Джеймстаун.

По прибытии их встретили печальной новостью о том, что за время их отсутствия индейцы убили мальчика и ранили семнадцать колонистов. К счастью, выстрел, произведенный с одного из кораблей, так напугал дикарей, что они убежали в лес. Теперь Совет был вынужден признать необходимость некоторой защиты и приказал всем прекратить работы над всем остальным до тех пор, пока не будет построен прочный частокол и грубый форт.

Наступил июнь. Внезапно, ко всеобщему изумлению, индейцы приблизились и знаками показали, что они желают вступить в дружеские отношения с белыми людьми. Они выпрыгивали из своих лодок и ощупывали одежду колонистов, их оружие и еду, проявляя ко всему большое любопытство. На следующий день, возможно, потому, что Совет увидел безрассудность своих подозрений или осознал ценность военного опыта и знаний Смита, его полузаточению, длившемуся с начала путешествия, был положен конец. Теперь, когда все казалось мирным снаружи и внутри, в знак благодарности и братских чувств друг к другу, все колонисты вместе причастились, преклонив колени во временном сарае, покрытом куском парусины, который служил церковью.

Затем седьмого июня они стояли на берегу реки, серьезно глядя, со многими сомнениями и страхами в сердцах, на *"Дискавери"*, отплывавшую в Англию, увозя капитана Ньюпорта и оставляя их одних в Вирджинии.

ГЛАВА VII

ДРАКА НА БОЛОТЕ

В Веровокомоко не проходило и дня без новых слухов о белых пришельцах и их любопытных привычках.

Памунки с верхушек раскачивающихся деревьев по обоим берегам жадно наблюдали за действиями колонистов, а гонцы сообщали о каждом движении как Опечанчаноу в Кекоутане, так и Повхатану в его деревне. Любопытство и ужас были в равной степени уравновешены в умах красных людей. Что означало это пришествие с восходящего солнца существ, пути которых не мог постичь ни один человек? Были ли они богами, наслаждающимися заколдованной жизнью, против которых не могли помочь ни лук, ни шаманские снадобья? По поводу костров совета в каждой деревне это обсуждалось. Старые вожди, мудрые в традициях своего народа, говорили о пророчествах, которые предсказывали приход героев с лицами, бледными, как вода на рассвете, которые научат племена хорошей медицине и принесут обильный урожай и богатую охоту. Другие вспоминали смутные слухи, которые доходили издалека, с Юга, от племен, даже названия которых были неизвестны, о других бледнолицых (испанских колонистах в Вест-Индии), которые принесли огонь и борьбу на мирные, счастливые острова летних морей, которые, подобно ужасным, могущественным демонам, распространяют вокруг себя смерть и странные болезни.

Затем до советов дошла утешительная весть о смерти белого мальчика, убитого стрелой памунки. "Значит, они все-таки были смертными", - сказали вожди и, сидя вокруг костра, уже спокойнее курили свои трубки. Человек не мог знать, какое действие против богов было правильным; но поскольку это были всего лишь люди, которые могли испытывать голод, жажду и быть ранеными, им надлежало спланировать, какие меры следует принять против них.

Многие вожди настаивали на немедленных шагах.

"Вырвать молодое деревце дуба легко, - сказал один из них, - тогда как кто может вырвать с корнем взрослое дерево?"

Наутауквас, сын Поухатана, был одним из самых жаждущих действий. Он завоевал себе имя великого храбреца и могучего охотника, хотя был еще так молод. Много скальпов висело на коньке его вигвама, и много медведей и диких кошек он убил с большим риском для своей жизни. Теперь у него был новый способ отличиться — выйти навстречу опасностям, которые он даже не мог предвидеть. Какую магию использовали эти бледнолицые незнакомцы, чтобы защитить себя, было неизвестно; поэтому, если он и его группа одолеют их и сотрут все следы их короткого пребывания, это будет сказкой для зимних очагов и песней для певцов храбрых подвигов, пока существует его нация.

-Отпусти меня, отец мой, - взмолился он. "Ты, который сам покорил тридцать племен, не завидуй этой славе своему сыну".

- Подождите! - был единственный ответ Паухатана.

Шаманы и жрецы посоветовали нам поступить именно так. Они еще не поняли намерений Оки в отношении этих новоприбывших, хотя и поднялись на вершину красных песчаных холмов в Уттамуссаке, где стояли три великие святые ложи, наполненные изображениями, и они постились и молились, чтобы Оки открыл им то, чего он желал. Повхатан, несмотря на свои годы, почувствовал побуждение к действию, и его сердце подпрыгнуло, когда его любимый сын озвучил свои собственные желания. Он страстно желал вступить на тропу войны, проскользнуть через лес, шпионить за чужаками, осмелившимися обосноваться в его владениях, а затем напасть на них, устрояя своим ужасным боевым кличем, как он устрашал стольких своих врагов. И все же он пока не осмеливался этого сделать: он был не только великим военным вождем, но и лидером своего народа в мирное время. Оки еще ничего не сказал. Возможно, люди со странными лицами и странными языками сами признали бы его верховную власть, и, возможно, не было бы необходимости жертвовать ради них жизнями его молодых людей.

Обо всем этом он думал, когда просил Наутаукваса подождать; но не было никого, кто прочел бы его мысли, и в то же время никого, кто осмелился бы послушаться его.

Когда Наутауквас вышел из отцовского домика, он взял свой лук и колчан и отправился в лес на охоту. В своем разочаровании он испытывал ненависть к большому количеству слов и жажде поступков. Он быстро бежал и уже добрался до места, где, как он был уверен, найдет стаю диких индеек, когда увидел впереди Покахонтас. Она тоже спешила, очевидно, выполняя какое-то поглощавшее ее дело, потому что не остановилась, чтобы посмотреть на птиц или сорвать цветы, как делала обычно.

"Матоака, - позвал он, - куда ты идешь?"

- Чтобы снова увидеть знакомцев и их больших белых птиц, которых я видел из Кекоутана, Брат. Я не могу успокоиться из-за своего нетерпения узнать, на что они похожи поблизости".

"Разве ты не слышал слова нашего отца, что никто не должен приближаться к острову, где находятся чужеземцы?" он спросил.

- Мой отец имеет в виду не меня, - гордо ответила она. - Как ты знаешь, он разрешает мне многое из того, что запрещено другим.

- Но не это, сестренка. Только что он запретил мне идти туда. Он твердо решил; не искушай его гнева. Даже при том, что он очень любит тебя, если ты слушаешься его приказа в этом вопросе, он обойдется с тобой сурово. Повернись со мной, Матоака, и ты поможешь мне стрелять.

Покахонтас не хотелось отказываться от своей давно запланированной экспедиции, но она позволила себя уговорить. Она вспомнила, что Поухатан в тот самый день приказал избить одну из своих скво до тех пор, пока она не оказалась на пороге смерти. Более того, было большой радостью поохотиться с наутауквами и посмотреть, кто из них собьет больше индеек. Они были нужны скво, которые жаловались, что воины обленились и не снабжают их мясом.

В то время как двое детей Поухатана пополняли битком набитую кладовую в Веровокомоко, в Джеймстауне ощущалась настоящая нехватка еды. Запасов, многие из которых после долгого путешествия были заплесневелыми и почти несъедобными, с каждым днем становилось все меньше. В реке водилась рыба, но колонистам надоело придерживаться

того, что они называли "постной диетой", и в своих мечтах они жевали сочную вырезку из жирной английской говядины. Сначала их ближайшие соседи-индейцы были рады обменять маис и оленину на удивительные предметы, ослепительные и диковинные; но теперь, то ли из-за весточки, присланной Повхатаном, то ли по другим причинам, они больше не приходили с провизией для обмена. Джон Смит, видя, что припасы были первой необходимостью для колонии, предпринял несколько экспедиций вверх по разным рекам в поисках их. Торгуясь, уговаривая, применяя силу, он каждый раз умудрялся обновлять склад. И снова он был почти пуст, и над ним нависла угроза голода.

Необходимо было немедленно что-то предпринять, и Совет погрузился в обсуждение этого серьезного вопроса. Капитан Джон Смит подождал, пока остальные выскажутся и не будет предложено ничего практического, затем он встал и начал:

- Господа члены Совета, остается сделать только одно. Поскольку наша кладовая сама себя не наполнит, кто-то должен снова отправиться на поиски еды. Дайте мне двух человек и одну из корабельных шлюпок, и я отправлюсь на север, вверх по той реке, которую индейцы называют Чикахомини, и, с Божьей помощью, привезу провизию для всех нас и заключу какой-нибудь постоянный договор с дикарями, чтобы они снабжали нас, пока не вырастет наш урожай".

Президент Уингфилд согласился с требованием Смита. Баржа была подготовлена с запасом бус и других блестящих изделий из киосков Чипсайда, и Смит отправился в путь с добрыми пожеланиями бледнолицых колонистов.

После того, как они достигли того, что показалось Смиту подходящим местом для торговли, он взял двух человек, Робинсона и Эмери, и двух дружелюбных туземцев в каноэ и отправился исследовать реку дальше, приказав остальным ждать его там, где он их оставил, и ни в коем случае не приближаться к берегу.

Он был рад оказаться подальше от шума жалующихся людей в Джеймстауне, многие из которых были больны и раздражительны из-за отсутствия надлежащего питания, а некоторые, будучи джентльменами, не хотели трудиться, но жаловались, что не могут жить как джентльмены дома. В этой экспедиции он был с друзьями, хотя и не знал, какие враги могут скрываться на берегу; и он понял, что со временем туземцы становятся все менее дружелюбными и начинают терять свой первый страх перед белыми людьми. Но он не боялся за себя; он столкнулся со слишком многими опасностями в своей полной приключений жизни, чтобы вообразить о грядущих.

Пока они гребли вверх по Чикахомини, мужчины заговорили о старых временах в Англии, о тех временах, когда они еще не мечтали попытать счастья в новом свете, но Смит велел им замолчать, чтобы он мог прислушиваться к малейшему звуку, указывающему на близость человеческого жилья.

- Подружись как можно скорее с медниками, капитан, - прошептал Робинсон, - потому что я ужасно голоден и не могу дождаться, пока ты обменяешь эту дрянь на хорошую еду.

- Затяните пояса потуже, ребята, - мрачно посоветовал капитан. - Если я правильно понимаю все, что мне говорят, индейцы могут побить самых набожных христиан во время поста. Это одна из добродетелей, которой мы можем у них научиться".

Они держались середины реки, чтобы быть в безопасности от любых стрел, которые могли быть выпущены в них с берега; но после многих часов такой осторожности. Смит решил

немного исследовать местность на суше. Его опытному глазу некая небольшая бухта показалась настолько подходящей для стоянки каноэ, что он был уверен, что неподалеку находится индейская деревня.

- Снова входи в реку, - приказал он, ступив на берег, - и жди меня там.

Джон Смит направился в лес, готовый к дружбе или войне, поскольку не знал нрава туземцев тех краев. Внезапно, когда он вышел на открытое пространство, где от холма до реки тянулось болото, двести визжащих дикарей бросились на него, яростно пуская стрелы во все стороны.

- Значит, война! - громко крикнул Смит, и когда один молодой храбрец, шедший впереди остальных, остановился, чтобы прицелиться, он прыгнул вперед и поймал его. Срывая с себя пояс. Смит привязал изумленного индейца к левой руке, чтобы использовать его как живой щит. Защищенный таким образом, он выстрелил из пистолета, и пуля, попав в грудь пожилого вождя, мгновенно убила его. На мгновение странная судьба, постигшая их предводителя, остановила натиск, в то время как его товарищи наклонились один за другим, чтобы осмотреть рану, нанесенную демоническим оружием. Эта передышка дала Смиту время выхватить свой меч и, вращая им вокруг себя, он удерживал своих врагов на расстоянии. Возможно, ему удалось бы защищаться таким образом еще какое-то время, потому что дикари перестали стрелять, не будучи уверенным, что их стрелы не окажут воздействия на неуязвимое тело, но внезапно он почувствовал новую опасность. Болотистая почва, на которой он стоял, размякла под его весом и весом его живого щита, и теперь он чувствовал, что погружается все глубже и глубже в трясину, пока не погрузился по пояс. И все же индейцы, несомненно, опасаясь, что в его власти есть какое-то другое странное оружие или зловредные снадобья, не бросились вперед, чтобы напасть на него.

День был ужасно холодным, и стоячая вода пробрала его до костей. Его зубы начали стучать от холода, а не от страха. Он почти с чувством облегчения увидел, что индейцы направились к нему. Осторожно ступая своими легкими ногами в мокасины, они постепенно окружили его, и двое, схватив его, пока другие развязывали связанного храбреца, подняли его с раскисшей земли за руки.

Теперь он был пленником, и не в первый раз в своей жизни. Он знал, что борьбой ничего не добьешься, и встретил их без малейших признаков страха. Они привели его к костру, который пылал неподалеку на более твердой земле, где сидел вождь, который, как он узнал, был веровансом Опечанчаноу.

По его команде стражники расступились, и огромный воин медленно обошел вокруг Смита, осматривая его с головы до ног.

Наступила пауза, которая, как знал англичанин, могла быть нарушена приказом пытать и убить его. Он не понимал их нерешительности, но намеревался, во всяком случае, воспользоваться этим. Он должен привлечь внимание вождя гигантов, стоявшего перед ним. Он медленно вытащил из кармана тяжелые серебряные часы и поднес их к собственному уху.

Никогда еще Опечанчано и его люди не испытывали такого благоговейного трепета перед неизвестным. Насколько они могли судить, этот маленький шарик в руке белого человека мог содержать лекарство более смертоносное, чем в его пистолете. Они стояли, как дети во время грозы, не зная, когда и куда может ударить молния.

Но ничего ужасного не произошло. Тогда любопытство Опечанчаному разгорелось, и он протянул руку за часами. Смит, улыбаясь, поднес его к вождю на ладони, а затем приложил к уху вождя, сказав на языке памунки: "Слушай". Опечанчаному подпрыгнул от изумления и закричал:

- Дух! Дух! У него в плену дух!

Затем один за другим похитители толпились вперед, чтобы посмотреть на "металлическую черепашу, в которой есть дух", и многие издавали возгласы изумления.

Чтобы усилить это чувство благоговения и продлить отсрочку, хотя он и не знал, на что вообще мог надеяться. Смит снова пошарил в кармане и достал свой дорожный компас. Он был сделан из слоновой кости, и Опечанчаному сказал, что дрожащая стрелка - это другой дух.

Но внезапно, без предупреждения, двое молодых воинов, которые, очевидно, решили раз и навсегда выяснить, уязвим этот незнакомец или нет, схватили Смита и, быстро подтащив его к дереву, накинули на него веревку из оленьего ремня, крепко затянув ее. Затем они натянули стрелы и прицелились ему в сердце. "Через секунду все будет кончено, - подумал Смит, - жизнь, приключения, мои амбиции и мои неприятности".

Затем Опечанчано крикнул храбрецам, держа в руках компас. Разочарованно нахмурившись, молодые люди отпустили своего пленника, и Смит понял, что именно любопытство вождя снова спасло ему жизнь. С помощью тех индийских слов, которые он знал, и с дополнительной помощью знаков он попытался объяснить их употребление.

- Смотри, - сказал он, указывая, - вон там, на севере, откуда приходит попанов, зима; а там, позади нас, лежит кохаттайо, лето. Я поворачиваюсь таким образом, и вот, дух в игле любит север, и ничто не удержит его от этого".

Когда все посмотрели на компас, Опечанчаному снова взял его в руку, держа осторожно, как держал бы папузу, если бы скво отдала его на его попечение. Это было что-то драгоценное, и он хотел сохранить это, но не знал, что это может с ним сделать. Во всяком случае, было бы неплохо взять с собой человека, который действительно это понимал.

"Пойдем, - сказал он, - раз ты можешь понимать наши слова, пойдем и поешь в вигваме Памунки".

И Смит, не подозревая, когда его может постигнуть смерть, последовал за ним. В тот день они устроили ему пир, и полуголодный англичанин от души поел впервые с тех пор, как его нога ступила в новый свет. По крайней мере, теперь он набрался сил, чтобы мужественно переносить все, что могло его ожидать. На следующий день ему было приказано сопровождать их, и они много часов быстро и уверенно шли через лес к Орапико. Возможно, посланцы Опечанчаному ошибочно сообщили ему, что Поухатан находится в той деревне, которую он чаще всего посещал после Веровокомоко; но по прибытии туда они обнаружили вигвамы пустыми, за исключением огромной сокровищницы, полной вампума, шкур и покон, драгоценной красной краски, используемой для раскрашивания тела. Это место охраняли священники, и пока Опечанчано разговаривал с ними. Смит восхитился изображениями дракона, медведя, леопарда и великана в человеческом обличье, которые украшали четыре угла сокровищницы.

Очевидно, священники давали вероотступникам какой-то совет. Смиту стало интересно, приносят ли дикари человеческие жертвы своему Оки и уготована ли ему такая судьба. Но ночь там прошла спокойно; следующий день мы провели в походе, а следующую ночь провели в другой деревне. Повсюду он был объектом величайшего интереса: храбрецы, скво и дети толпились вокруг него, теребили его одежду, дергали за бороду и задавали ему вопросы. Англичанин наблюдал за ними с таким же интересом. Он заметил, что мужчины были одеты только в одну одежду - леггинсы и мокасины, сшитые из цельного куска, и как они были раскрашены в яркие цвета, на многих были символы или грубые изображения какого-то животного, которое, как он узнал, было их "лекарством". Он наблюдал за женщинами, которые вышивали и готовили, дубили и красили шкуры, бранили и ласкали своих детей. Он увидел, что их вигвамы были легкими, но прочными и хорошо подходили для их обитателей. Многие юноши и девушки напоминали ему оленей стремительностью своих движений и гибкостью тел.

После многих дней путешествия, в течение которых, как полагал Смит, они часто возвращались по своим следам, однажды днем они оказались на окраине деревни, более крупной, чем любая из тех, в которые они когда-либо заходили. Лаяли собаки и кричали дети, когда они приблизились к частоколу, со всех сторон сбегались мужчины и женщины.

"Конечно, - подумал Смит, - нас ждут. Никогда в английской деревне я не видел, чтобы савояр с дрессированным медведем вызывал больше волнения, чем здешний капитан Джон Смит".

ГЛАВА VIII

ПОКАХОНТАС БРОСАЕТ ВЫЗОВ ПОУХАТАНУ

- Принцесса Покахонтас! - воскликнул Орлиный Коготь, взволнованно указывая на окраину деревни. - Смотри, вон идут твой дядя и его люди, ведя с собой белого пленника.

Покахонтас, которая несколько мгновений назад прыгнула с качелей из виноградной лозы, где она бездельничала, чтобы заглянуть в кошель Орлиного Когтя на удачу, которую принесла ему охота, теперь побежала за сыном старого Вансутиса, который спешил к собирающейся толпе. Никогда за всю свою жизнь она ничего не желала так сильно, как сейчас, увидеть этого незнакомца.

- Как он выглядит? - спросил я. задыхаясь, она позвала мальчика, шедшего впереди, но ее собственная быстрота ответила на вопрос, потому что вскоре она поравнялась с процессией. Там, идя позади своего дяди, свободная и, по-видимому, беззаботная, она увидела белого человека. Ее глаза пожирали каждую деталь его внешности. Она была почти разочарована, обнаружив, что у него только одна голова и два глаза, как и у всего остального в ее мире. Но его бородатость, столь неизвестная среди ее народа, его молодость, которая проявлялась скорее в его фигуре и походке, чем в обветренных чертах лица, его суконная куртка и кожаные сапоги, но, прежде всего, странный оттенок его лица и рук были достаточно новы, чтобы удовлетворить ее.

Смит обратил внимание на индийскую девушку, которой уже шел тринадцатый год, ростом выше среднего. В своих странствиях по деревням Памунки он видел много молодых девушек и скво, но ни одна из них не показалась ему такой хорошо сложенной и с такими четкими чертами лица, как эта девушка, которая так пристально смотрела на него. Когда Опечанчано, увидев ее, сделал жест узнавания, Смит понял, что она, должно быть, имеет какое-то особое право на отличие, поскольку, как он заметил, для начальника было необычно замечать кого-либо рядом с собой, будучи занятым тем, что можно было бы назвать официальным долгом. Он также был уверен, что теперь его странствия подошли к концу. В других городах, через которые он проезжал, он слышал, как люди говорили о Веровокомоко и о великом веровансе, который правил там, наводящем ужас правителе тридцати племен. Эта большая деревня, которую он знал, должно быть, была резиденцией главы Повхатанской конфедерации, и его вот-вот должны были привести к нему. "Что будет потом", - думал он, спокойно проходя сквозь толпу, которая с любопытством смотрела на него.

И это тоже было то, о чем думала Покахонтас: что бы ее отец сделал с этим человеком? Поможет ли ему в его бедственном положении его странное лекарство, о котором много говорили те, кто отважился побывать в Джеймстауне? В последнее время она слышала много разговоров о необходимости избавиться от всех белых лиц, которые осмелились прийти и построить себе дома на земле, принадлежавшей ее народу с начала мира. Это был первый шанс, который представился ее отцу, разобраться с незваными гостями. Она решила увидеть и услышать все, что должно было произойти, поэтому поспешила в церемониальную ложу, где, как она была уверена, найдет своего отца, и вошла в нее, не встречая сопротивления охраны.

Оказавшись внутри, она поняла, что прихода незнакомца ожидали; вероятно, Опечанчаноу послал вперед гонцов, которых она случайно не увидела. Все вожди собрались там в ожидании, и там же сидела королева Аппаматука, правительница союзного племени. Она заметила, что ее отец стоит в центре приподнятого помоста в другом конце вигвама, одетый в свой самый дорогой халат из енотовой шкуры, тот самый, который она вышила для него. Все вожди были раскрашены, как и скво, их плечи и лица были испещрены драгоценным красным цветом поконе. Она пожалела, что у нее не было времени надеть свою новую юбку из белой оленьей кожи и свое лучшее ожерелье из белых бусин, поскольку это был такой торжественный случай. По другую сторону от Поухатана сидела одна из его скво, а ее братья и дяди Опитчапан и Катано присели на корточки прямо перед ним. Сама она стояла у стены, ближайшей к матери своей сестры Клеопатры. Она пожалела, что не попыталась привести с собой Когтя-Орла. Как бы ему было интересно; но было маловероятно, что сейчас ему удастся миновать охрану, поскольку там было так много старших, которых пришлось исключить из-за нехватки места.

Пока она все еще оглядывалась по сторонам, чтобы посмотреть, кто же эти счастливые зрители, вход в сторожку был затемнен, и все смельчаки разразились громкими криками, когда вошел Опечанчано, сопровождаемый своим пленником.

Паухатан сидел молча, пока Смит не встал прямо перед ним, а затем заговорил:

"Мы ждали много дней и ночей, чтобы увидеть тебя, путник из-за моря".

Смит, подняв на него глаза, увидел прекрасно сложенного мужчину лет шестидесяти, с седеющими волосами и властным видом. Он улыбнулся про себя странной игре своего воображения, но облик этого дикого вождя, это врожденное достоинство человека, сознающего свою силу, он видел только в одном человеке — доброй королеве Бесс!

"Я тоже слышал много голосов, которые рассказывали о твоём могуществе, великий вождь", - ответил он, медленно и отчетливо произнося незнакомые слова.

Затем в последовавшей паузе королева Аппаматука вышла вперед и протянула Смицу миску с водой, в которой он мог вымыть руки. Покахонтас нетерпеливо наклонилась вперед, чтобы посмотреть, не смое ли вода немного краски с его рук, оставив их такого же цвета, как у нее самой, ибо не могло ли быть, спросила она Когтя Орла, что эти незнакомцы были только *выкрашены* в белый цвет? Но даже после того, как Смит вытер пальцы о перья индейки, которые протянула ему королева, они остались того же оттенка, что и его лицо.

По команде Наутаукваса рабы начали приносить еду для пира, который предшествовал любому важному обсуждению. Врагу, будь то самый злейший из людей или членов племени, никогда нельзя отказывать в гостеприимстве. Корзины и тыквенные кувшины были наполнены осетриной, индейкой, олениной, маисовым хлебом, ягодами и кореньями различных видов, а также земляными чашками с молоком павкохиккора, приготовленным из грецких орехов. Поухатан жестом пригласил Смита сесть на циновку у костра, и, взяв первый кусок оленины, верующий бросил его в огонь в качестве обычного жертвоприношения Оки. Затем его снова обслужили, а после него каждое блюдо предлагалось заключенному.

Пока продолжалось пиршество, разговоров было немного. Покахонтас, которая ничего не ела, не заметила движения незнакомца.

"По крайней мере, - подумала она, - он живет едой, как и мы". И она наблюдала, не запутается ли он мясом в бороде.

Наконец все наелись досыта, и собаки рычали и дрались из-за объедков, пока их не прогнали из сторожки. Затем Поухатан начал допрашивать своего пленника.

- Ты король? - спросил я.

"Нет, господин, - ответил англичанин, когда понял вопрос. - Я всего лишь служу тому, кто правит многими тысячами храбрецов".

"Почему ты оставил его?"

Смит собирался ответить, что они ищут новые земли, чтобы увеличить владения его суверена, но понял, что сейчас неподходящий момент для такого заявления.

"Мы намеревались смирить врагов нашего короля, испанцев", - ответил он, и в этом не было неправды, потому что колонизация Вирджинии имела одной из своих целей уничтожение испанских поселений в Новом Свете.

- А почему вы сошли на берег на моей земле и построили себе домики на моем острове?

- Потому что мы устали от постоянных ударов волн и нуждались в свежей пище.

По крайней мере, на мгновение Поухатан, казалось, удовлетворился этим объяснением. Его любопытство к привычкам этих незнакомцев было почти таким же острым, как у его дочери.

"Расскажи мне о своих обычаях", - приказал он. "Почему ты носишь такие одежды? Почему у тебя волосы на губах? Ты поклоняешься Оки? Насколько могущественны твои знахари? И как ты можешь строить такие большие каноэ с крыльями?"

Смит попытался удовлетворить его. Он подробно рассказал о могуществе короля Якова, хотя, по его мнению, этот правитель не мог сравниться по царственному достоинству с этим дикарем; о храбрости колонистов, о чудесных шелковых одеждах и драгоценностях, которые носили мужчины и женщины его страны. И, помня о своем христианском долге, он попытался объяснить этому язычнику тайны христианской веры, но обнаружил, что его словарный запас не соответствует этому требованию. Он видел, что производит впечатление на своих слушателей; чем больше они благоговеют перед его силой, тем больше шансов, что они побоятся причинить ему вред. Опечанчано заговорил со своим братом, рассказав ему о часах и компасе. Поухатан нетерпеливо схватил их, повертел в руках снова и снова и поднес к уху, слушая, как Смит объясняет их использование.

"Я бы хотел узнать об этих странных тростниках, которые ты носишь и которые несут в себе смерть", - снова приказал вервольф. "Какая магия служит тебе? Не мог бы кто-нибудь из наших шаманов или храбрецов заставить его тоже повиноваться ему?"

"ДАВАЙ БУДЕМ ДРУЗЬЯМИ И СОЮЗНИКАМИ, О ПОУХАТАН"

Смит знал, что страх индейцев перед оружием белого человека был величайшей защитой колонии. Поэтому он ответил:

- Если милорд соблаговолит прибыть в Джеймстаун, как мы называем этот остров, поскольку не знаем, каким именем вы его называете, он сам увидит пушки не менее мощные, чем эта у меня, - и он указал на свой пистолет, - поскольку ты сильнее меньших наших возможностей.

Этот ответ странно взволновал Поухатана. Он быстро заговорил словами, которых Смит не мог разобрать, с несколькими вождями, стоявшими перед ним. Затем, снова повернувшись к Смицу и заговорив тоном, в котором уже не было любопытства, а был холод и суровость, он спросил:

- Как скоро вы снова отправитесь на своих каноэ в свою страну?

Теперь следовало ответить на вопрос, которого так боялся Смит. В том, что он должен был сказать, была опасность, но, возможно, была и надежда развеять страхи дикарей. В любом случае, ложь была бесполезна, даже если бы он был в состоянии ее произнести.

"Широка земля, о могущественный царь, эта земля твоя, и прекрасна земля, где достаточно пищи и места для многих племен. Подумай о своих врагах, которые живут к северу и западу от тебя, которые завидуют твоим кукурузным полям и твоим охотничьим угодьям. Разве тебе не будет выгодно, когда мы, которым ты подаришь или, возможно, если тебе так больше понравится, *продадим* небольшой остров и несколько полей на материке, присоединимся к тебе и твоим храбрецам на тропе войны против твоих врагов, и когда мы уничтожим их для тебя нашими ружьями? Давай будем друзьями и союзниками, о Поухатан. Я буду говорить откровенно, как подобает говорить с великим вождем: эта земля нравится нам, и мы с радостью остались бы в ней жить".

Англичанин не мог прочесть по бесстрастному лицу вэроэнса, что тот думает об этом предложении — первой попытке колонистов объяснить свое присутствие во владениях индейцев. Но крики, раздавшиеся со всех сторон вигвама, которые последовали за этим, показали ему, что другие вожди были сильно возбуждены его словами. Последовало долгое совещание: первой заговорила Повхатан, затем многолетний жрец, которого выслушали с большим вниманием, затем одна из пожилых скво высказала свое мнение, которое, казалось, совпадало и с мнением храбрецов. Смит, зная, что решается его судьба, попытался уловить их смысл, но они говорили так быстро, что он понимал только отдельные фразы. Наконец, однако, Поухатан махнул рукой, призывая к тишине, и отдал команду.

Это был смертный приговор. Все взгляды были обращены на Смита. Что ж, они должны увидеть, как англичанин встретил смерть. Он улыбнулся, как будто они принесли ему хорошие новости. Если бы только его смерть могла спасти колонию, это было бы действительно долгожданным сообщением. Не то чтобы он не любил жизнь, но он был одной из тех душ, для которых честолубие, дело, поиск дороже жизни. И из-за самой своей слабости, из-за своей зависимости от него колония стала похожа на ребенка, которого он должен защищать.

Покахонтас, выслушав вердикт своего отца, почувствовала в своем сердце ту же странную слабость, которую она испытала, когда Коготь Орла проходил испытание. И, увидев улыбку англичанина, она поняла, что он храбрый человек, и почему-то почувствовала к нему жалость. Ей было жаль и себя тоже. Он мог бы рассказать ей много новых историй о землях и людях, гораздо более интересных, чем о Мичабо, Большом Зайце. С каким нетерпением она слушала бы его! Ее отец был мудрым вождем, и он правильно сделал, что испугался, как она слышала, он говорил своим вождям, присутствия на его земле этих белых людей с их чудесными лекарствами; но почему он должен убить этого их вождя, почему не держать его всегда в плену?

Она увидела, что рабы, не теряя времени, выполнили данный им приказ - они втащили два больших камня, которыми не пользовались уже много лун. Они были расставлены на открытом пространстве перед Поухатан, и она точно знала, что должно последовать.

Был ли какой-нибудь возможный путь к спасению? Джон Смит спросил себя. Если бы в его пистолете был только один заряд, он бы выстрелил в вэроэнса и, воспользовавшись суматохой, бросился сквозь толпу к выходу из сторожки. Но она была пуста. Бесполезно бороться, подумал он; он видел людей, которые встречали смерть так невежливо, и не собирался становиться одним из них. Поэтому, когда по быстрому слову Повхатана двое

молодых храбрецов схватили его, он не оказал никакого сопротивления. Они повалили его на землю, затем приподняли его голову о камни, в то время как другой дикарь с каменным топором в руке шагнул вперед и встал рядом с ним.

"Что ж, - подумал Джон Смит, - жизнь кончена; я прошел много миль, чтобы прийти к этому концу. Что будет с Джеймстауном? По крайней мере, я их не подвел. Теперь я рад этому".

Он увидел, как Повхатан наклонился вперед и подал знак; затем раскрашенное красной краской лицо его палача злобно уставилось на него, и он увидел опускающийся томагавк и инстинктивно закрыл глаза.

Но он *не* опустил. После, как ему показалось, целого часа ожидания он снова открыл глаза, чтобы посмотреть, почему это затянулось. Мужчина, который все еще держал его в воздухе, нетерпеливо поглядывал в сторону ограждения, у ног которого стояла на коленях молодая девушка, которую Смит заметил у частокола. Ребенок умолял сохранить ему жизнь, он мог это видеть. Были ли тогда эти дикари знакомы с жалостью, и какая причина была у нее испытывать ее к нему?

Но верующий не захотел слушать ее мольбы и сердито приказал ей убираться прочь. Его голос был ужасающим, и другие скво, опасаясь, что его гнев может выплеснуться на девочку, попытались усадить ее на сиденье рядом с собой. Поухатан кивнул палачу, чтобы тот подчинился его приказу.

Со связанной Покахонтас бросилась поперек тела Смита, обхватила его голову руками и прижалась своей головой к его голове. Томагавк остановился всего в нескольких сантиметрах от ее черных волос, так близко, что индеец, державший его, едва мог дышать, опасаясь, что он мог ранить дочь Поухатана.

На мгновение всем встревоженным зрителям показалось, что повелитель, разъяренный таким неповиновением, вот-вот прикажет обрушить удар на обе головы. Наступила тишина, и те, кто находился в задней части вигвама, подались вперед, чтобы не пропустить того, что должно было произойти. Затем заговорил Поухатан:

"Встань, Матоака! и не смей вмешиваться в мое правосудие!"

- Нет, отец, - воскликнула Покахонтас, поднимая голову, в то время как ее руки все еще обнимали шею Смита, защищая его, - я забираю этого человека у тебя. Как Вансутис усыновил Когтя-Орла, так и я приму этого бледнолицего в наше племя.

Все сразу заговорили: "Она желает тщеславного!" — "У нее есть право". — "Если он выживет, как мы будем в безопасности?" — "С тех пор как наши предки жили на этой земле, было ли это разрешено нашим женщинам!"

Паухатан строго сказал:

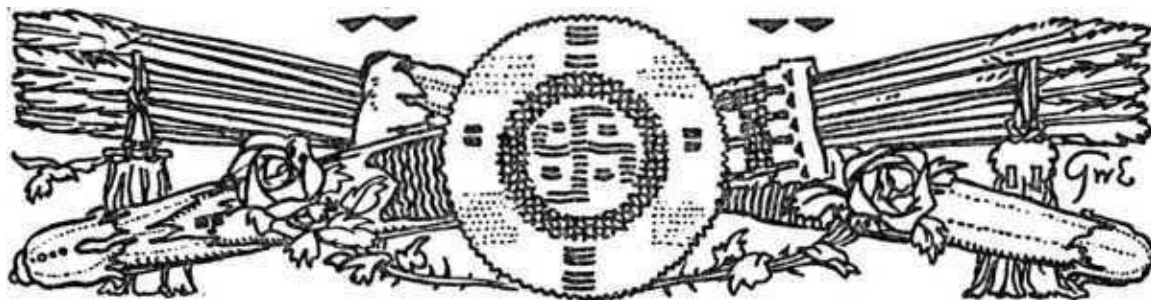
- Ты всерьез претендуешь на него, Матоака?

- Да, мой отец. Я заявляю на него права. Не убивай его. Позволь ему жить среди нас, и он сделает тебе топорики, а колокольчики, бусы и другие медные штучки вылепит для меня.

Смотри, я сшил это одеяние, чтобы напомнить тебе о твоей любви ко мне, я прошу тебя об этом".

"Да будет так", - ответил Поухатан.

Покахонтас поднялась на ноги и, взяв Смита за руку, подняла его, ошеломленная его внезапным избавлением и не понимая, как оно произошло.

ГЛАВА IX

ТЮРЕМЩИК СМИТА

На следующее утро Орлиный Коготь, проходя перед сторожкой, отведенной заключенному, увидел Покахонтас, сидящую на земле перед ней.

"Что ты здесь делаешь?" он спросил: "а где стража?"

- Я отправила их спать, как только Солнце вернулось к нам, - ответила она, глядя на высокого юношу рядом с ней. - Я сам могу позаботиться о нем в течение дня.

- Ты уже видел его? Скажи мне, какой он. Вчера я видел его всего минуту.

- Он все еще спит. Я заглянул в щель в коре, покрывающей это место, и увидел, что он лежит там во всех этих странных одеждах. Я с нетерпением жду его пробуждения; есть так много вопросов, которые я хотел бы ему задать".

- Дай мне тоже взглянуть, - взмолился мальчик.

Покахонтас кивнула и грациозным жестом указала на вход в домик. Ей нравилось оказывать услуги, и Поухатан иногда улыбался, отмечая, насколько его собственная манера оказывать их была похожа на манеру его дочери.

С той же осторожностью, с какой он крался за оленем в чаще, Орлиный Коготь передвигался на четвереньках по земле внутри вигвама. Лежа на животе, он пристально смотрел на англичанина. Прошлой ночью он слышал, как в деревне рассказывали подробности его спасения, произошедшего в церемониальном вигваме. Те, кто рассказал ему, разделились в своих мнениях; одни рассматривали решение Поухатана как угрозу для всех них, а другие отвергали идею о том, что этих бледнолицых должны бояться такие воины, как поухатаны. Коготь Орла, однако, не поколебался в своей вере: каждый из белых чужаков должен быть уничтожен как можно быстрее. Его преданность принятому племени была так велика, как если бы его предки всегда заседали у костров совета. Он сожалел, что Покахонтас, как бы она ни была ему угодна, убедила своего отца спасти жизнь первому из бледнолицых, попавшему в его власть. Он был уверен, что сам Поухатан теперь сожалеет о том, что поддался привязанности и древнему обычаю, и что он был бы рад увидеть своего врага мертвым, чтобы весть, донесенная до его соплеменников, послужила предупреждением об участи, которая ожидала их всех.

Предположим тогда, — мелькнула у него в голове мысль, — что он, Орлиный Коготь, воплотит это желание в реальность! Поухатан никогда бы не наказал того, кто совершил это деяние.

Он подполз еще ближе к спящему человеку, отстегивая нож у него за поясом. В сторожке не было слышно ни звука, только тихое мурлыканье Покахонтас снаружи; и все же что-то, какое-то чувство опасности, пробудило англичанина. Сквозь полуприкрытые веки он едва различал медленно приближающееся красное тело и красную землю, по которой оно двигалось. Но когда мальчик подошел достаточно близко, чтобы коснуться его вытянутой рукой. Смит широко раскрыл глаза. Он не пошевелился, не вскрикнул, хотя и увидел нож в длинных тонких пальцах; все, что он сделал, это сурово уставился в лицо мальчика.

Орлиный Коготь попытался нанести удар, но под взглядом этих бесстрашных глаз он не мог пошевелить рукой.

Так же медленно, как и пришел, он пополз обратно ко входу, не в силах оторвать головы от человека, который наблюдал за ним. Только когда он снова оказался на воздухе, он почувствовал, что может сделать глубокий вдох.

- Он хорошо спит, - вот и все, что он заметил.

- И, несомненно, он такой же хороший едок и будет голоден, когда проснется. Не остановишься ли ты у нашего вигвама, Орлиный Коготь, и не прикажешь ли принести мне еды для него?

Он сделал, как она просила, и вскоре после этого прибыли скво с глиняными блюдами, наполненными хлебом и мясом. Они жадно заглядывали в щели, пока Покахонтас не приказала им убираться. Услышав шум внутри сторожки, она уже собиралась отнести еду внутрь, когда ко входу подошел Смит.

Он был поражен, увидев, какого часового они поставили охранять его. Он ожидал обнаружить, что его неожиданный гость будет ждать снаружи, чтобы получить еще один шанс в своей жизни, и предпочел ускорить этот момент. Однако он понял, что эта девушка была бы такой же умелой тюремщицей, как и десяток храбрецов. Если бы он мечтал сбежать, найти дорогу обратно в Джеймстаун без проводников и даже без компаса, ее крик привлек бы к ней на помощь всю деревню. Он узнал своего вчерашнего спасителя и низко поклонился, этот поклон предназначался принцессе и его защитнику. Покахонтас, хотя европейское приветствие было для нее таким же странным, как для него индийские обычаи, чувствовала уверенность, что его церемонность была призвана оказать ей честь, и приняла его серьезно и любезно.

- Вот тебе еда, Белый вождь, - сказала она, кладя ее на циновку, которую расстелила на земле. - садись и ешь.

"Добро пожаловать, - ответил он, - но сначала выслушайте меня. У меня нет слов на твоём языке, маленькая принцесса, чтобы заплатить тебе за твой великий дар, и хотя моих слов было так же много, как песчинок у воды, их все равно было слишком мало, чтобы предложить тебе.

"Подарки вождям, - ответила она с достоинством, унаследованным от отца, - никогда не окупят королевских привилегий".

Смит не мог удержаться от улыбки, услышав высокопарность речи девочки, поскольку, несмотря на ее рост, он понял, что ей совсем немного лет.

- И все же, - продолжала она, усаживаясь, - мне приятно принимать твою благодарность.

Теперь она отбросила свой взрослый вид, и ее любопытные взгляды были взглядами ребенка, которым она и была. Она нежно прикоснулась пальцами к рукаву его камзола, запятнанному болотом, в котором он был схвачен и разорван шиповником в лесах, через которые его вели.

"Это хорошее английское сукно, - заметил он, - выдержавшее такую бурю, и я благословляю овец, на спинах которых оно выросло".

"Что это за звери?" - спросила она, и Смит попытался объяснить различные способы использования и внешний вид саутдаунских стад.

— Твои жены сшили тебе одежду, когда ты убил этого... этого нового зверя?

- У меня нет скво, маленькая принцесса.

- Я рада, - вздохнула она.

"И почему?"

- Я не знаю, - она наморщила лоб, пытаясь разобраться в собственных чувствах. "Возможно, это потому, что теперь ты не будешь тосковать по ней и покидать нас".

- Но я скоро должен уехать отсюда, маленькая девочка; мои люди в Джеймстауне ждут меня.

Он сказал это для того, чтобы попытаться понять, каковы были намерения Поухатана по отношению к нему. Теперь, когда его жизнь была спасена, он думал о своей свободе.

- Ты не уйдешь! - закричала она, вскакивая. - Ты принадлежишь мне, и я хочу сохранить тебя, чтобы ты мог рассказывать мне истории о мире за пределами восхода солнца и создавать для нас новые лекарства. Ты не пойдешь".

- Да будет так, - сказал Смит тоном, который он постарался сделать как можно более бесстрастным. Он вздохнул про себя, подумав о своих товарищах в Джеймстауне, больных, умирающих с голоду, и теперь, несомненно, считающих его мертвым. Возможно, если он подождет, то найдет какой-нибудь способ связаться с ними. Тем временем политика, так же как и склонности, побуждали его подружиться с этой нетерпеливой маленькой дикаркой.

Теперь, когда он не пытался возражать ей, Покахонтас снова опустилась рядом с ним. Там уже собралась публика: храбрецы, скво и дети толпились вокруг, наблюдая, как ест бледнолицый. Со времени своего пленения Смит понял, какое значение индейцы придают бесстрастному поведению, поэтому он продолжал отрезать кусочки оленины и жевать их, уделяя окружающим так мало внимания, как это мог бы проявлять сам король Яков, когда он в торжественной обстановке ужинал в Гилдхолле. Если бы не присутствие Покахонтас, чьи права на пленницу все уважали, они подошли бы еще ближе. Как бы то ни было, один мальчик проскользнул за ее спину и дернул Смита за бороду. Покахонтас отослала его и сказала в оправдание:

- Не сердись, он хотел только узнать, быстро ли это было.

Она разделяла детское любопытство по поводу бороды. "Не может ли это быть, - подумала она, - своего рода украшением, которое он надевает, когда выходит на тропу войны, как ее народ надевает по особым случаям раскрашенные маски?"

Смит, улыбаясь, подергал себя за бороду обеими руками, и его аудитория разразилась смехом. Казалось, они умели ценить шутку, и он был рад видеть, что они настроены по отношению к нему дружелюбно, по крайней мере, в данный момент. Один из мужчин постарше указал на карман своей куртки и спросил, что у него там. Компас и часы исчезли, но Смит покопался в их недрах в надежде найти что-нибудь забытое, что могло бы их заинтересовать. Он достал карандаш и маленькую записную книжку. Он написал несколько слов и протянул их Покахонтас со словами:

- Это следы от лекарств. Если бы кто-нибудь отвез их в Джеймстаун, они поговорили бы там с моими людьми, и они услышали бы, что я говорю в Веровокомоко".

Покахонтас покачала головой, как и те, кому она передавала листок. Незнакомец мог бы совершить много чудесных вещей, но это утверждение выходило за пределы силы даже величайшего шамана.

Однако Смит, решив заставить ее думать о возможности его возвращения в Джеймстаун, продолжил:

- По правде говоря, для меня это возможно. Принцесса, и если бы ты согласилась сопровождать меня туда, я мог бы показать тебе еще более странные чудеса.

- Нет, - сердито воскликнула она, - ты никогда не пойдешь туда. Ты мой, и я могу делать все, что захочу. Разве это не так?" - обратилась она к окружавшим ее людям.

Все они одобрительно закричали, подтверждая веру Смита в то, что его судьба была передана в руки девушки. Подобное случалось с ним не в первый раз; однажды в его жизни тюремщицей была женщина, и он снова решил дожидаться своего часа. Он, как мог, ответил на многочисленные вопросы, которые ему задавали, о количестве дней, которые он провел с памунки, о своем пленении и о том, почему он отделился от своих товарищей. В свою очередь, он расспрашивал их об урожае, времени и способе посадки, а также о луне созревания кукурузы; но индейцы ясно показали, что им больше нравится спрашивать, чем отвечать.

По мере приближения дня толпа начала уменьшаться. Пленник непременно оказывался там, когда они хотели понаблюдать за ним, и там предстояло заняться охотой и приготовлением пищи, и уже несколько мальчиков отправились играть в свою всегда увлекательную игру - подбрасывать в воздух отвесные камни. Наконец с заключенным осталась только Покахонтас.

Смит огляделся, прикидывая, каковы были бы шансы на спасение, если бы он предпринял внезапный рывок, но вид нескольких храбрецов в хижине не более чем в сотне футов от него, занятых заточкой наконечников для стрел, заставил его снова успокоиться.

- Расскажи мне, Белый вождь, - сказала Покахонтас, раскуривая трубку, которую она набила табаком, и теперь передавала ее Смицу, - расскажи мне о себе и своем народе. Вы действительно похожи на нас; вы умираете, как мы, или ваше лекарство может сохранить вас навсегда, как Оки? Можете ли вы по своему желанию превращаться в животное? Если так, я бы тоже хотел знать, как это сделать.

Смит критически оглядел девушку, сидевшую на циновке рядом с ним. Он никогда не видел девушки, дух которой так стремился к жизни. В ее жажде чудес он распознал нечто сродни своей собственной любви к приключениям и желанию исследовать новые земли и пробовать новые способы. Она не могла переплыть океан в поисках их, как это сделал он — он был ее великим приключением, понял он, олицетворенной книгой странных историй, чтобы воспламенить ее воображение, как его самого в детстве волновали истории о королевстве пресвитера Иоанна, Эльдорадо, Испанском Майне и затерянной колонии Роли. Табак, который он научился курить, живя у Памунки, успокоил его; непосредственной опасности ему не грозило; теплое солнце было приятным, а ясноглазая девушка рядом с ним вызывала сочувствие. Он всегда любил поговорить, пережить живописные события, которыми были заполнены его двадцать восемь лет, и теперь позволил себе бежать дальше,

снова видя мысленным взором лица и сцены многих стран, ни одна из которых, однако, не была более странной, чем его нынешнее окружение. Единственной трудностью был его недостаточный словарный запас; но его ум был быстрым и цепким, и каждое новое слово, однажды уловленное, приходило по его приказу. Кроме того, Покахонтас была умным слушателем; она догадывалась о многом, чего он не мог выразить, и помогала ему жестами и фразами.

- Принцесса, - начал он, но она перебила:

- Зови меня Покахонтас, как и мой народ. Возможно, когда-нибудь я назову тебе свое другое имя.

- Тогда, Покахонтас, - медленно повторил он, запечатлевая это имя в своей памяти, - я буду повиноваться тебе. Мы всего лишь люди, как и твои сородичи, подверженные холоду и голоду, болезням и смерти. И все же, как Бог, наш Оки, сильнее вашего Оки, так и наша сила и наша медицина превосходят силы могущественного Повхатана и его шаманов. Ты просишь рассказов о земле, откуда я пришел. Их так много, что, подобно листьям в лесу, я не могу их сосчитать. Если бы мы сидели здесь, пока ты не превратилась в сморщенную старую каргу, как вон та, - и он указал на старого Вансутиса, который ковылял мимо, - я не смог бы рассказать и половины из них. Поэтому, если тебе угодно, я расскажу тебе о некоторых вещах, которые затронули твоего пленника.

Покахонтас одобрительно кивнула.

"Наша земля, прекрасная Англия, расположенная в штормовом море, представляет собой могущественное королевство, находящееся во многих-многих днях пути по водам. Там все мужчины и женщины такие же белые или белее, чем я, сейчас такой измученный непогодой, как, впрочем, и жители многих других королевств, расположенных ближе к восходу солнца. Наша земля, которой сейчас правит король, властвующий над сотнями племен, несколько лет назад находилась под властью могущественной принцессы.

- Она была хорошенькой? - спросила Покахонтас.

Смит колебался. Очарование, которое когда-то витало вокруг "Доброй королевы Бесс", застилая глаза ее верноподданным, после ее смерти несколько развеялось. Он подумал о худощавом лице, песочного цвета волосах, длинном носе, маленьких глазках — но затем ему представилась она такой, какой его мальчишеские глаза впервые увидели ее: правительница верхом на белом коне перед войском, собранным для встречи с армадой, которую Испания посылала сокрушить ее королевство.

"Она не была красавицей, - ответил он, - но была настоящей повелительницей мужчин!"

Он задумчиво затаился, затем продолжил:

"Я родился несколько лет назад в части нашего острова, называемой Линкольншир, где местность низменная и болотистая, местами похожая на то болото, куда твой дядя взял меня в плен. И все же я люблю эту землю, хотя она стала слишком мала для меня, и когда я стал достаточно взрослым, чтобы стать храбрецом, у меня зачесались руки сражаться с нашими врагами. Итак, я вышел на тропу войны против наших врагов во Франции и Нидерландах. Затем, когда я сражался много лун и приобрел славу воина, я почувствовал страстное желание вернуться в свой собственный дом. Я пробыл там некоторое время, затем снова отправился в путь и долго путешествовал по стране под названием Италия, а позже

поступил на службу к великому вервольфу, императору Рудольфу, чтобы сражаться на его стороне против племен его врагов, турок. Я не могу объяснить тебе, принцесса, насколько их пути отличаются от наших; возможно, их пути были ближе к твоему пониманию, поскольку они не поддаются милосердию и берут к себе много женщин; но оставим это в покое. Я сражался с ними упорно и часто, и однажды перед двумя армиями, которые прекратили свое сражение, чтобы быть свидетелями, я убил трех их великих бойцов, за что император разрешил мне носить оружие с тремя турецкими головами - то есть, как если бы один из твоих родственников пришел к своему одеянию три скальпа убитых им врагов. Но вскоре после этого я был взят в плен этими турками и продан в рабство".

- Ах! - глубоко вздохнула Покахонтас. Впервые в жизни она была сыта приключениями по горло.

"Я была отдана в рабство другой принцессе — Трагабицанде — в городе Константинополе; затем меня отправили в Татарию, где со мной самым жестоким образом обращались. Однажды я напал на Башау из Нолбритов, который плохо обращался со мной, и я убил его. Я облачился в его одежды и убежал в пустыню, и, наконец, после многих странных приключений я снова добрался до страны, где у меня были друзья. Затем...

- Расскажи мне о принцессе, - перебила Покахонтас. - С тобой она тоже плохо обращалась?

"Нет, по правде говоря, она была сама доброта ко мне", - ответил Смит, и глаза его загорелись при воспоминании о турецкой леди, которая помогла ему. "Она была очень красива, в прекрасных нарядах и богатых драгоценностях, - добавил он, думая заинтересовать девушку описанием ее наряда, - и я очень благодарен ей".

- Она была красивее меня? - спросила Покахонтас, сердито сдвинув брови.

"Она была совсем другой", - ответил развеселившийся англичанин. Вряд ли он мог считать этих дикарей настоящими людьми, которых можно было сравнить даже с турками; и все же он не хотел задевать чувства того, кто так много для него сделал. "Она была взрослой женщиной, - добавил он, - и поэтому не стоит сравнивать ее с ребенком, которым ты являешься".

"Я не ребенок. Я женщина!" - закричала Покахонтас, в ярости вскакивая и вихрем устремляясь к лесу.

Джон Смит в смятении посмотрел ей вслед. Если он настроил против себя своего единственного друга, то действительно ли он в печальном положении!

ГЛАВА X

ДОМИК В ЛЕСУ

Ни в тот день, ни на следующий Смит не разговаривал с Покахонтас. Правда заключалась в том, что она пришла в сопровождении скво и детей, которые горели желанием послужить виночерпиями, чтобы поближе понаблюдать за бледнолицым. Но она поставила еду рядом с ним и не стала задерживаться.

К середине второго дня Смит обнаружил, что представляет собой все меньший интерес. Все в Веровокомоко приходили посмотреть на него, и старшие вожди сидели и разговаривали с ним; но англичанин не мог узнать, каково их мнение относительно его прихода или его будущего. Теперь, казалось, происходило что-то такое, что привлекло внимание храбрецов, собравшихся перед длинным вигвамом. Было ли это как-то связано с его собственной судьбой, гадал пленник. Дети тоже нашли себе занятие поинтереснее. Он видел, как они, их маленькие красные тела, блестящие на солнце, играли с собаками или притворялись военным отрядом, пробирающимся через враждебную страну. Смит скучал по тому, как они выглядывали из-за двери его вигвама, наполовину удивленные, наполовину испуганные, когда он пытался завести друзей.

Он лениво прислонился к стене вигвама, наблюдая за двумя скво неподалеку, которые дубили оленью шкуру и нарезали ее полосками для ниток. Придет ли когда-нибудь снова время, думал он, когда он увидит белую женщину, шьющую или прядущую?

Он увидел, как Покахонтас вышла из своего домика, но вместо того, чтобы направиться в его сторону, она побежала к вигвамам, которые окаймляли лес, и вскоре скрылась из виду. Он не мог видеть, что молодой индеец, пораженный, увидев ее в этой непривычной части деревни, пошел ей навстречу.

- Вансутис у своего очага? - спросила Покахонтас.

"Так и есть", - ответил Орлиный Коготь и пошел рядом с ней, не сказав больше ни слова.

Сердце Покахонтас билось немного быстрее, чем обычно. Вансутис все еще вызывала чувство благоговения и дискомфорта в отважном ребенке; она не могла не испытывать своего рода ужас в ее присутствии. Тем не менее теперь она пришла по собственной воле, чтобы попросить старуху о помощи.

Орлиный Коготь, хотя он скорее откусил бы себе язык, чем признался в своем любопытстве, больше всего на свете хотел узнать, что привело дочь Поухатана в вигвам его приемной матери. Он вошел туда вместе с Покахонтас и притворился, что занят натягиванием луков, чтобы иметь предлог остаться.

"Вансутис, - обратилась Покахонтас, стоя на солнечном свету у входа, к пожилой женщине, которая сидела и курила в самой темной части сторожки, - ты обладаешь знанием всех трав на полях и в лесах, тех, что вредят, и тех, что помогают. Разве это не так?"

Морщинистая скво подняла глаза с натянутой улыбкой на губах и сказала:

- И вот принцесса Покахонтас приходит к старому Вансутису за приворотным зельем.

— Нет, - сердито воскликнула девушка, подходя ближе, - не так; я хочу от тебя совсем другого - трав, которые заставят мужчину забыть.

- Одна и та же трава для обоих, - отрезала скво. - Для кого ты будешь ее заваривать, для своего приемного сына, ты, которая не скво и слишком молода, чтобы иметь сына? У меня нет такой травы, дева, а если бы и была, думаешь, я не дал бы ее выпить Когтю Орла? Поговори с ней, сынок, и скажи ей, если мужчина когда-нибудь забудет.

Покахонтас бросила на него вопросительный взгляд, и юный храбрец ответил на него:

"Мои мысли - великие и быстрые путешественники, Покахонтас; они совершают долгие путешествия назад, к народу моих отца и матери. Они бродят по старым тропам в лесах и встречают старых друзей у догорающих лагерных костров. И все же, когда, подобно усталым охотникам, которые весь день искали дичь, они возвращаются ночью в свой вигвам, так и я возвращаюсь в благодарность Вансутису. Ибо она не пыталась помешать им идти старыми тропами, так же как не привязывала мои ноги к столбу своего вигвама, чтобы они не сбились с пути".

- А если бы она не оставила тебя на свободе, - спросила Покахонтас, - что бы ты сделал? Каким-то образом неволя и мысль о пленниках внезапно вызвали у девушки чрезвычайный интерес.

"Я не знаю, принцесса, - ответил мальчик после минутного раздумья, - но если бы мои отец и мать не были мертвы, я уверен, что попытался бы сбежать к ним, даже если бы твой отец расставил всю свою охрану вокруг деревни. Но их больше не было, и наш вигвам вдалеке был пуст; и поэтому мое сердце находит покой в новом доме, и я с радостью повинуюсь новой матери".

"Неужели так трудно забыть старую сторожку и другие способы?" - задумалась девушка. "Мне кажется, что каждый день среди незнакомых людей был бы началом новой жизни, что было бы приятно сознавать, что я не мог предвидеть, что произойдет до наступления ночи. Почему, - спросила она, жадно глядя и на старуху, и на мальчика, - почему этот бледнолицый хочет вернуться на остров, где они болеют и голодают, в то время как здесь у него еды в избытке?"

"Подожди, пока ты сам не окажешься среди чужаков, вдали от своего народа", - строго крикнула Вансутис, а затем повернулась спиной к молодым людям и начала что-то бормотать.

"Так у тебя нет напитка забвения, чтобы угостить меня?" - спросила Покахонтас, колеблясь у входа, к которому она ретировалась; но старуха не ответила; и Покахонтас медленно пошла прочь, размышляя на ходу, в то время как Орлиный Коготь с луком в руке смотрела ей вслед.

Уже стемнело, и Джон Смит, у которого от долгого сидения затекли ноги, растянулся у костра в своем вигваме, в который он подбросил несколько веток, так что угли, тлевшие весь день, теперь ярко разгорелись. Веселый треск был желанным, ему казалось, что он говорит по-английски о доме и уюте, а не о языческом жаргоне, к которому он волей-неволей прислушивался в течение нескольких недель. Это был не только товарищ, но и защита. Пока он пылал, его могли схватить и предать смерти, но, по крайней мере, он должен был видеть своих врагов. Он скучал по Покахонтас ради нее самой, а не только потому, что ее отсутствие плохо сказывалось на его безопасности. Благодарность была не единственной причиной его интереса к ней: она казалась ему самым свободным, ярчайшим

существом, которое он когда-либо встречал, такой же частью дикой природы, как белка или птица. Как и все культурные англичане своего времени, он прочел много книг и стихотворений о пастушках в Аркадии и принцессах зачарованных королевств; но никогда еще ни один писатель, даже великий Спенсер или сэр Филип Сидни, не представлял себе в их устах столь свободного, дикого и лесного создания, как эта интересная индианка.

Его размышления были прерваны появлением двух индейцев. "Мы пришли, - сказали они, - по приказу Повхатана, чтобы отвести тебя в его хижину в лесу".

Он не знал, что может означать этот приказ, но был рад, что, будь что будет, монотонность его заточения была нарушена. Он быстро поднялся и последовал за ними через деревню, над каждым домиком которой виднелись призрачные струйки дыма, поднимающиеся из центра к темному небу. В некоторых вигвамах он мог видеть костер и сидящие вокруг него семьи, которые ели перед тем, как лечь спать. Затем они оставили частокол Веровокомоко позади и вышли в лес, к хижине, такой же большой, как та, в которую его впервые привели перед Поухатаном.

Этот, однако, был устроен по-другому. Он был разделен на две части, разделенные темными матами, которые не пропускали свет. В комнату поменьше, если можно так ее назвать. Смит провели, и там двое индейцев, разворошив огонь и подбросив свежих поленьев, оставили его одного.

Однако вскоре Смит вообразил себя единственным обитателем сторожки. Приглушенный звук шагов, даже при том, что они двигались тихо, выдавал присутствие нескольких человек по другую сторону коврика. Его уши, его единственные часовые, сообщили, что невидимые враги расселись, а затем, после короткого молчания, он услышал голос, начавший низкое, странное пение. Он не мог разобрать слов, но по монотонному позвякиванию погремушки и шагам, которые, казалось, двигались в каком-то танце круг за кругом из одной части комнаты в другую, Смит был уверен, что это шаман начинает петь для какой-то священной церемонии. Затем один за другим разные голоса присоединились к ним, издавая отвратительные вопли, и земля задрожала от шарканья множества ног. Этих звуков было достаточно, чтобы ужаснуть самое стойкое сердце, и Смит не сомневался, что их песня была ликованием по поводу его приближающейся смерти. Возможно, Поухатан, подумал он, только притворился, что удовлетворил просьбу своей дочери, с самого начала планируя покончить с ним, и когда мальчику, который, несомненно, был послан им, это не удалось, он, вероятно, решил убить его здесь. Или, возможно, Покахонтас, теперь разгневанная на него, отказалась от своих притязаний на его жизнь и предоставила его мести своего отца.

Шум становился все громче и более дьявольским по своему характеру, и англичанин увидел, как угол мата начал колебаться, выпячиваться, как будто человек бился об него головой, чтобы поднять его. Затем он увидел, как она поднялась, и внутрь вошло существо, более отвратительное, чем Смит когда-либо мечтал о существовании. Выкрашенный во все красное, с черной татуировкой на груди, без одежды, кроме набедренной повязки и гигантского головного убора из перьев, раковин и бус, он выпрямился во весь свой огромный рост. Ужасная маска, искажавшая человеческие черты, закрывала лицо, а аптечка из шкуры выдры висела у него за спиной и свисала с одной руки, как украшение на высохшей руке врага, давным-давно мертвого. По его росту и, несмотря на маску, Смит узнал поухатана и гордо выпрямился, чтобы встретить свою судьбу.

За их спиной теперь толпились другие храбрецы и вожди, всего двести человек, и все в масках, которые делали их такими же устрашающими, подумал Джон Смит, как полчище дьяволов из ада.

К его удивлению, они не набросились на него, и в их визге ему показалось, что он даже различил слово "друг". Повхатан, единственный из всех, подошел к нему и сказал:

"Не бойся, сын мой; мы пришли не для того, чтобы причинить тебе вред. Церемония, которую ты слышал, заключалась в том, чтобы призвать Оки в свидетели дружбы, в которой мы поклялись тебе. Отныне мы и ты принадлежим к одному племени. Ты больше не пленник, но волен приходить и уходить, как твои братья здесь, да, даже возвращаться к своим товарищам на острове, если ты того пожелаешь. Когда ты прибудешь туда, пришли мне две из тех огромных пушек, которые извергают огонь и смерть, чтобы мое имя стало еще большим ужасом для моих врагов, и пришли мне также точильный камень, такой, о каком ты мне рассказывал, чтобы мои женщины могли использовать его для измельчения маиса. Я не напрасно прошу этих даров. Великий вождь всегда дарит подарки взамен. Поэтому я отдаю тебе в собственность землю под названием Капахосик, где ты можешь жить и построить себе хижину и взять женщину, чтобы она возделывала за тебя твои поля. Более того, я, поухатан, я, Вахунсунакук, с этого дня буду считать тебя своим собственным сыном".

Во время этой речи Смиту было трудно не выдать своего удивления. Сначала пришло облегчение, когда он узнал, что его не убьют немедленно, а затем чудесная новость о том, что он свободен и может отправиться в Джеймстаун. И если бы поухатан и его народ поклялись ему в дружбе, разве это не означало бы, что через него колония должна быть спасена? Ему страстно хотелось узнать, что привело к такой внезапной перемене в его судьбе, но он не мог спросить. Столь же величественно, как и у взорванса, — что так не соответствовало его внешности, — и самыми лучшими словами, какие были у него в распоряжении, он выразил свою благодарность.

"Я благодарю тебя, великий Повхатан, за твои добрые слова и хорошие новости, которые ты принес мне. По правде говоря, если ты будешь для меня отцом, я буду для тебя сыном, и между Веровокомоко и Джеймстауном воцарится мир. Если ты пошлешь со мной людей, которые покажут мне дорогу, они вернутся с подарками для тебя".

Повхатан отдал определенные приказы, и двенадцать человек выступили вперед, сняли свои жертвенные маски и объявили, что готовы сопровождать бледнолицего. Смит и представить себе не мог, что сможет уехать в ту ночь, но ему так не терпелось уехать, что он, не теряя времени, попрощался.

Они углубились в лес, который поначалу не был густым, и вдоль его опушки тянулись поляны, где летом росла кукуруза. Затем деревья стали ближе друг к другу, и Смит показалось, что между ними нет тропинки, но его проводники быстро шагали вперед, не колеблясь, хотя ночь была темной. Шестеро индейцев шли перед ним и шестеро позади. Разговоров не было, только слабый звук сапог англичанина и его спотыкание о стволы или камни нарушали тишину. Вероятность того, что враг подойдет так близко к лагерю поухатан, была невелика, тем не менее индейцы соблюдали обычную осторожность.

Для Джона Смита было что-то призрачное в этой ночной поездке по незнакомой стране с незнакомыми мужчинами. Он не мог не задаваться вопросом, правильно ли он понял все,

что сказал Поухатан, или осмелился ли он поверить, что тот имел в виду то, что сказал, или же он не планировал убить его в пустыне, вдали от любого голоса, говорящего в его пользу. Даже при том, что сам верованец действовал добросовестно, не могли ли другие вожди составить заговор, чтобы положить конец белому человеку, чей приход и пребывание были настолько непостижимы для них? Несмотря на эти мысли, он продолжал идти, по-видимому, так же беззаботно, как если бы прогуливался по кингз-хайвей недалеко от своего линкольнширского дома.

Крик какого-то животного, возможно, дикой кошки, заставил маленькую компанию поспешно остановиться и шепотом посовещаться. Смит знал, что звук действительно мог исходить от какого-нибудь зверя; с другой стороны, это мог быть либо сигнал, поданный врагами поухатанов, либо призыв другого отряда их племени, готового присоединиться к ним. В последнем случае это не сулило ему ничего хорошего. Он сжал в руке каменный нож, который ему удалось припрятать в Веровокомоко. Он не мог расслышать, о чем говорили индейцы, но они, очевидно, спорили. Затем, когда они, казалось, пришли к какому-то решению, они снова двинулись в путь.

Хотя лес был таким мрачным. Глаза Смита немного привыкли к темноте, и он начал различать различные оттенки темноты. Раз или два ему показалось, что он видит сбоку от них еще одну фигуру,двигающуюся или останавливающуюся, когда они останавливались, но когда он пристально взгляделся, то не смог различить ничего, кроме ствола какого-то большого дерева.

Они шли все дальше и дальше, осмеиваемые совами и козодоями, переходили ручьи по бревенчатым мостикам, переходили вброд другие, когда холодная вода при неосторожном шаге брызгала ему в лицо. Наконец чернота сменилась серостью, в которой он смог различить пальцы своей руки. Близился рассвет. Почему, подумал англичанин, они так долго откладывали нанесение удара? Если они собирались убить его, он надеялся, что это будет сделано быстро. Призрачная фигура, которая сопровождала их после привала по зову дикой кошки, должна была вскоре начать действовать. Даже храбрый человек должен желать, чтобы такая ночь, как эта, поскорее закончилась.

Затем мир перед ним, казалось, стал шире и светлее. Между деревьями стало больше пространства, а фигуры индейцев казались размытым рисунком. Была ли это звезда, сияющая перед ними, тот свет, который становился все ярче и ярче?

- Джеймстаун! - выкрикнул он на своем родном языке. - Джеймстаун! Это Джеймстаун! Хвала Господу!"

Индейцы собрались вокруг него и начали жадно расспрашивать. Раздаст ли он им всем подарки; будет ли у них оружие, чтобы унести его с собой?

Когда они стояли небольшой кучкой, каждая личность в которой становилась все более отчетливой, к ним сзади подбежал молодой человек.

"Орлиный коготь!" - воскликнули они.

Мальчик вложил в руки изумленного Смита ожерелье из белых ракушек, которое, как он помнил, носила Покахонтас.

- Принцесса Покахонтас шлет тебе привет, - сказал он, - и прощается с тобой на сегодня, поскольку она снова увидела тебя в безопасности среди твоего народа. Его собственный хмурый вид противоречил доброте послания.

Итак, Джон Смит знал, что Покахонтас сопровождала его в лесу и что если смерть была рядом с ним той ночью, то именно она отвела ее от него.

ГЛАВА XI

ПОКАХОНТАС ПОСЕЩАЕТ ДЖЕЙМСТАУН

"Мы благополучно вернули белого верованса его племени", - сказал Копотон, один из проводников, когда они приблизились к дамбе, ведущей на остров Джеймстаун.

- Несомненно, - заметил Смит, - поскольку именно так приказал Поухатан.

Это была его политика — политика, делавшая честь голове человека, который, несмотря на свои знания мира, был еще так молод, — никогда не высказывать никаких подозрений в добросовестности индейцев.

- Теперь, когда мы привели тебя туда, - продолжал Копотоне, который, со своей стороны, не собирался выдавать никаких секретов прошедшей ночи, - не исполнишь ли ты свое обещание и не отдашь ли нам ружья и точильный камень?

"Вы должны отнести своему хозяину все, что сможете унести", - ответил Смит, сердце которого учащенно забилося при виде видневшихся перед ним хижин и форта, очертания которых с каждым мгновением становились все отчетливее по мере того, как светлел день. Он ответил на оклик часового, который, убедившись, что уши и глаза его не выдают, выбежал и схватил за руки того, кого он никогда не думал снова увидеть живым.

- Капитан! - воскликнул он. - Но это действительно счастливый день, когда ты вернулся к нам, и не потому, что некоторые из них там, - и он многозначительно указал на здание правительства, - подумают иначе.

Индейцы тем временем с жадным любопытством оглядывались по сторонам, проходя через частокол в форт. Это было всего лишь жалкое сооружение, если судить по европейским военным стандартам, и абсолютно бесполезное, если бы ему пришлось выдерживать артиллерийскую осаду. Но для дикарей это была внушительная крепость, сами законы ее строительства были им неизвестны, даже строительный раствор между бревнами - вещество, о котором они не имели ни малейшего представления. Оказавшись на другой стороне бастиона, они увидели развевающийся английский флаг. Они приняли это за своего рода одобрение, и поступок Смита подтвердил их мнение, поскольку, сняв шляпу, он восхищенно помахал ею в сторону символа всего, что теперь было ему вдвойне дорого.

Но именно ружья привлекли главное внимание свирепых посетителей. Их было четверо, все они были направлены в сторону леса, железные кулеврины с Розой Тюдоров и эмблемой Скорой помощи (Элизабет Реджина), отлитыми над их бриджами.

- Это те самые огненные трубки, о которых мы слышали? - нетерпеливо спросил Копотон, страстно желая пощупать их, но не осмеливаясь из страха перед неизвестной магией.

- Да, - ответил Смит, - у тебя хватит сил дотащить одного до Веровокомоко?

Индейцы оценивающе оглядели их, прикидывая, смогут ли они протащить их через лес.

- Подожги спичку к этой, Дикон, - скомандовал Смит с мрачной улыбкой. "Нам надлежит хорошенько напугать этого моего сопровождающего, иначе они попытались бы утащить одного из моих железных питомцев сюда, в незнакомую конуру".

Дикон взял трутницу, лежавшую на скамье рядом с ним, и через мгновение под пристальными взглядами собравшихся зажег огонек и поднес его к полотну у казенной части. Раздалась вспышка, затем громкий хлопок, и индейцы, как будто их действительно ударили, упали на землю, где и оставались до тех пор, пока постепенно не убедились, что они невредимы.

"Если бы вы были впереди, а не сзади, вы были бы убиты", - торжественно произнес Смит, желая поразить их ужасами магии белого человека.

Индейцы вскочили на ноги, и, хотя они ничего не сказали и не попытались убежать, Джон Смит знал, что они напуганы так, как никогда в жизни.

- Пойдем, - сказал он, направляясь из форта в город. - Поскольку вы находите наше оружие слишком тяжелым и слишком шумным, я поищу более подходящие подарки для Поухатана и для вас.

Колонисты, разбуженные пушечным выстрелом, выбежали из своих дверей, чтобы посмотреть, что произошло. Они едва могли поверить своим глазам, и только после того, как Смит окликнул их по имени и расспросил о событиях, произошедших в Джеймстауне после его отъезда, они убедились, что это он сам. Все они были худыми и изможденными и жадно смотрели на корзины с едой, которые несли индейцы. Большинство из них приветствовали Смита с искренним удовольствием; были и такие, кто нахмурился при виде него, кто едва кивнул в знак приветствия, кто угрюмо ответил ему и кто разбился по двое или по трое, чтобы быстро поговорить, когда он проходил мимо.

Смит направился к складу и, попросив индейцев подождать снаружи, вошел внутрь и убедил ответственного за склад разрешить ему взять несколько предметов. Когда он вышел, его руки были полны разноцветных тряпок и бус, стальных ножей и всевозможных безделушек. Индейцы дали ему опорожнить свои корзины, и он наполнил их подарками, вернувшись за железными горшками и котелками из блестящей меди. Он велел им отнести их в Повхатан. Каждому из своих проводников он дал что-то от себя. Затем, медленно выговаривая слова, он сказал Копотону:

"Кехатен Покахонтас патиакаг ниугх танкс манотиенс нир маумовчик роуренок андоугх (попроси Покахонтас принести сюда две маленькие корзиночки, а я дам ей белые бусины, чтобы сделать ей ожерелье)".

Он бы с радостью отправил благодарственное послание за ее заботу о нем той ночью, но подумал, что лучше этого не делать, поскольку она, возможно, не хотела, чтобы стало известно, что она последовала за ним.

"Молись, чтобы она поскорее навестила нас", - добавил он, прощаясь со своими гидами, чье стремление показать свои сокровища дома было даже больше, чем их любопытство увидеть другие чудеса.

Убедившись, что они благополучно вышли за пределы палисейдс, Смит остановился, чтобы узнать по именам, нет ли тех людей, которые не вышли его поприветствовать.

"О! Ральф, он умер и похоронен", - ответили они; и о другом: "Кристофер? Он исхудал от сильной слабости. А Робин скончался неделю назад с квартальной лихорадкой. Это земля не для белых людей.

- Но ты выглядишь бодрым. Капитан, - заметил один из джентльменов, прислоняясь к двери, чтобы не упасть. - Держу пари, смерть, с которой ты столкнулся, была не от голода.

Тогда Смит узнал в полной мере печальную историю о том, что пережила колония за время его отсутствия: нехватка продовольствия и болезни унесли почти половину колонистов, а те, что остались, были слабы и обескуражены. Смерть забрала как его врагов, так и друзей, но тем, кто раньше был против него, во время его отсутствия довелось увидеть, как с его уходом жизнь и мужество Джеймстауна угасли. Есть люди — и их большинство, — которыми кто-то должен руководить, и в лице Смита эти искатели приключений увидели настоящего лидера мужчин.

Пока Смит расспрашивал и подбадривал приунывших, президент Уингфилд вышел из своего дома, направляясь в Дом правительства. Смит приподнял шляпу и отвесил отважный поклон, отдавая честь если не человеку, то, по крайней мере, должности, которую он представлял.

- Итак, ты вернулся. Капитан Смит, - холодно сказал Президент. - Мне кажется, тебе повезло не так уж плохо, возможно, лучше, чем большинству из нас. Ты привез провизию, которую обещал? Мы ожидали ее с некоторым беспокойством. Но сначала скажи мне, где ты оставил Робинсона и Эмери, ибо жизни наших товарищей, какими бы скромными они ни были, для нас дороже, чем даже остро необходимая провизия.

Теперь Смиту было известно, что президент Уингфилд знал, как и все остальные люди в колонии, что Робинсон и Эмери мертвы; остальные уже обсудили с ним их судьбу. Поэтому он понял, что у президента была определенная политика, когда он публично задавал ему такой вопрос.

"Вы, должно быть, слышали, сэр, что они мертвы", - ответил он. "Бедные ребята! Неповиновение стало их концом. Если бы они только последовали моему приказу, они вернулись бы живыми в Джеймстаун много дней назад; но им пришлось высадиться на берег, вместо того чтобы плыть по течению, как я им приказал, и они были убиты дикарями после того, как я был схвачен".

"На это легко ответить, капитан Смит", - торжественно заметил Уингфилд и, повернув голову через плечо, чтобы заговорить, на ходу добавил: "Сегодня Совету потребуются их жизни от твоих рук. Проследи, чтобы ты присутствовал в Доме правительства сегодня в три часа дня по часам, чтобы ответить на их вопросы".

"Так вот каков их следующий шаг", - заметил Смит своему другу Гаю, многообещающему юноше, когда они вместе уходили. "Они обвинят меня в убийстве и попытаются повесить или отправить обратно в Англию в цепях. Но юная принцесса спасла меня от смерти не для того, чтобы я пришел к такому концу, друг."

И пока они шли к его дому, он рассказал историю своего пленения и строил планы, как расправиться с теми, кто пытался причинить ему вред.

Члены совета, со своей стороны, не были единодушны в выборе курса. Некоторые выступали за то, чтобы поместить его под охрану - они не упоминали слово "тюремное заключение", — до тех пор, пока не прибудет корабль и он не вернется с ним в Англию. Другие, которые, возможно, сомневались в собственной способности управлять поселением, были готовы признать, что недооценили его, и предположили, что, по крайней мере, ему лучше дать шанс помочь им; а другие робкие члены, увидев теплоту оказанного ему

приветствия, посоветовали, что было бы разумнее не торопиться с какими-либо действиями, которые вызвали бы недовольство большинства колонистов. Так случилось, что Смит встретил трехчасовое собрание подобно тигру, у которого выпустили когти.

В последующие дни его дух воодушевления, готовность, с которой он подставлял плечо везде, где требовалась помощь, его смелость в противостоянии тем, кто объединился против него, полностью изменили облик Джеймстауна. Джентльмены, которые отказывались брать в руки топор, лопату или мастерок каменщика из-за своего аристократизма, были пристыжены его примером.

"Когда Адам углубился, а Ева пролетела

Кто же тогда был этот джентльмен?

- потребовал он и с силой ударил топором по какому-то древнему ореховому дереву.

Но хотя он наслаждался победой над своими врагами и сознанием того, что его возвращение, привезенная им провизия и вдохновение от его мужества и активности принесли большую пользу его товарищам, тем не менее временами он испытывал чувство одиночества. Он подумал о Покахонтас и задался вопросом, не приедет ли она в Джеймстаун.

Именно в зимний день Покахонтас впервые посетила колонию. Хотя им, возможно, не хватало большинства предметов первой необходимости, недостатка в топливе не было. На открытом пространстве, где двум улицам суждено было в будущем пересечься, пылал огромный костер. На нескольких тлеющих углях, вытащенных из центра пламени, разогревался котелок со смолой, и его хозяева, ожидая, пока его содержимое растает, разогревали небольшой кусочек вяленой осетрины. Вокруг костра сидели Джон Смит и несколько джентльменов. Он показывал им на приблизительной карте направление, в котором, по его мнению, должен был расширяться город, когда новому притоку колонистов понадобится убежище. Плотники трудились над домом в нескольких футах от них, но удары их молотков звучали не так громко, как положено, когда люди с надеждой строят новое жилье; в их руках почти не осталось силы.

Когда Смит поднял глаза от своей карты, чтобы указать, где должна проходить определенная линия, он увидел стоящего перед ним молодого индейца, который принес ему приветствие Покахонтас после ночного путешествия по лесу и который, как он теперь понял, был тем самым свирепым юношей, покушавшимся на его жизнь в Веровокомое.

Орлиный Коготь заговорил:

"Слава белым людям, принцесса Покахонтас прислала меня сообщить тебе, что она приехала навестить тебя. И теперь она и ее служанки ждут тебя в крепости.

- Добро пожаловать! - воскликнул Смит, вскакивая. Затем он крикнул по-английски: "Придите, друзья, и помогите мне принять дочь Поухатана, которая спасла меня, рискуя собственной жизнью. Окажите ей сердечный английский прием".

"Я ПОВЕДУ ПРИНЦЕССУ"

Колонистов не нужно было уговаривать. Им не терпелось увидеть, как выглядит индийская принцесса. Но Смит опередил их всех и при виде яркого девичьего личика протянул к ней руки, как сделал бы с английской девушкой, которую хорошо знал.

- Ах! маленький друг, - сказал он ласково, - ты больше не будешь сердиться на меня. Как сильно ты хочешь, чтобы я был обязан тебе, Покахонтас, своей жизнью, своей свободой, своим возвращением домой, а теперь и этим удовольствием?

Покахонтас только улыбнулась. Затем Смит повернулся и помахал рукой людям, которые следовали за ним.

- Они, мои товарищи, тоже были бы тебе благодарны, если бы говорили на твоём языке.

Шляпы кавалеров и кепи рабочих были сняты, и Покахонтас с большим достоинством отвечала на их любезность.

- Давайте покажем нашим гостям наш город, - предложил Смит, - хотя в нем пока нет дворцов и базаров, полных великолепных одежд. Я поведу принцессу; позаботься о ее девах и юных храбрецах. Когда они шли по тропинке от форта к единственной улице Джеймстауна, он спросил: "Скажи мне, мой маленький тюремщик, как получилось, что Повхатан освободил меня? С тех пор я каждый день задавался этим вопросом и не могу понять. Ты одержал над ним верх, не так ли?"

- Да, - ответила девушка. "Сначала я разозлился на тебя, потом мое сердце, хотя я и не хотел прислушиваться к нему, заставило меня пожалеть тебя вдали от твоего народа, точно так же, как я пожалел дикую кошку, которую выпустил из капкана. Сначала мой отец не слушался меня, но я умоляла и убеждала его, говоря ему, что твоя дружба для нас была бы подобна высокому приливу, который накрывает острые скалы, по которым мы могли бы безопасно переплыть".

- Но что означали песни и танцы в лесной хижине, Матоака?

- Это была церемония усыновления. Теперь ты сын Поухатана и мой брат. Тебя приняли в наше племя, и таковы были древние обряды нашего народа.

"А во время путешествия по лесу ты боялся за мою безопасность, раз шел за мной всю дорогу?"

Но Покахонтас не ответила. Она не сказала ему, что все еще сомневалась в своем отце и что не уверена, какие инструкции он дал людям, которым было приказано вести бледнолицего.

- Ты подобна Богу Солнца, - сказал Смит с искренним чувством, - могущественна спасать и благословлять, сестренка, с тех пор как я стал твоим братом. И как человек не может отплатить Богу Солнца за все его благословения, так и я не могу отплатить тебе за все, что ты сделал для меня".

Покахонтас уже собиралась ответить, когда внезапно расхохоталась при виде открывшегося перед ней зрелища. Двое мужчин, которые катили бочку с мукой со склада к своему собственному дому, выпустили ее из ослабевших пальцев. Она подкатилась к одному из плотников, который стоял к ней спиной, и, ударившись о его голени, заставила его растянуться на земле. Несомненно, это было забавное зрелище, и она была не единственной, кого это позабавило. Но мужчина не встал.

- Почему он не встает? - спросила Покахонтас. - Он не может быть серьезно ранен таким легким ударом этой штуковины странной формы.

- Боюсь, он слишком ослабел от недостатка пищи, - серьезно ответил Смит.

"Неужели ему нечего есть?" - спросила девушка с широко раскрытыми от удивления глазами. Затем, как будто ей только что пришла в голову странная мысль: "Неужели здесь нет еды для всех?" Должен ли и ты, брат мой, ограничивать себя?"

- По правде говоря, сестренка, наших пайков совсем немного, и если в ближайшее время не придет корабль из Англии с припасами, боюсь, их станет еще меньше.

- Нет! - решительно воскликнула она, трясая головой так, что ее длинные косы закачались взад-вперед. - Ты не умрешь с голоду, пока в Веровокомоко всего вдоволь. Этой же ночью я сама пришлю тебе провизию. Мне больно здесь, - и она положила руку на сердце, - думать, что ты должен страдать.

Как раз в этот момент президент Уингфилд и несколько должностных лиц Совета, услышав новость о визите Покахонтас, подошли к ним. Они понимали, что присутствие среди них этого ребенка, любимой дочери могущественного индейского вождя, было важным событием. Они не совсем знали, чего ожидать. Смутные представления о какой-нибудь восточной царственной красоте, такой как царица Савская или Семирамида, заставили их искать некое царственное величие в осанке и одеяниях, и они были ошеломлены, увидев это стройное юное создание, одежда которого, по мнению некоторых из них, была неподходящей. Тем не менее, вскоре они обнаружили, что, хотя на ней не было ни королевского пурпура, ни драгоценностей, она держалась с достоинством, которое было одновременно девичьим и царственным. Они поспешно надели свои лучшие воротнички и жабо и в глазах неискушенной индианки выглядели храбро, хотя и странно. Она выслушала их приветственные слова и ответила на них в интерпретации Смита. Но все это время она разглядывала каждую деталь их костюмов.

"Мы должны сделать ей подарки", - предложил один из членов совета, словно обнаружив идею, которая никому другому не приходила в голову, и послал слугу принести кое-какие безделушки, которые они привезли с целью обмена с дикарями.

Покахонтас забыла о своем достоинстве при виде них и восторженно захлопала в ладоши, когда Смит накинул ей на голову длинную цепочку из белых и голубых бус. Ее удовольствие было еще больше, когда он поднял маленькое зеркальце, и она впервые увидела свое лицо, отраженное в чем-либо, кроме лесного пруда.

- Это тоже для меня? - спросил я. - нетерпеливо спросила она и прижала его к груди, когда тот был вложен ей в руку, а затем вгляделась в него с одной стороны и с другой, не уставая знакомиться с собственными чертами.

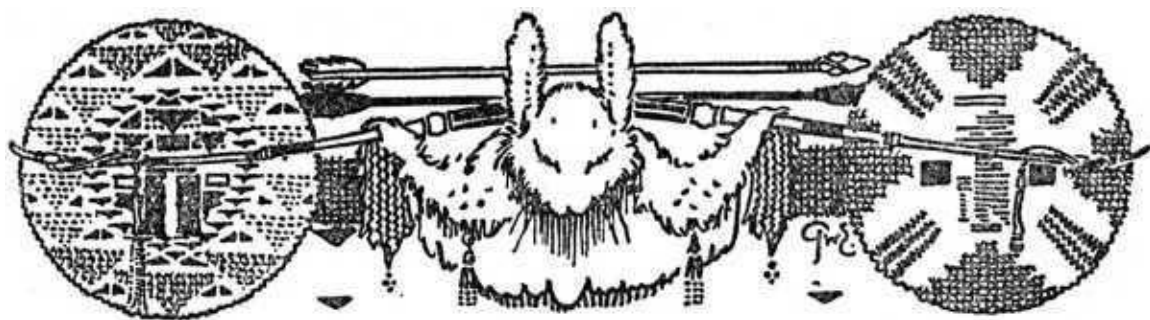
Другие девы и Орлиный Коготь тоже получили подарки, но менее эффектные. Смит зашел в свой маленький домик и, порывшись в морском сундуке, достал серебряный браслет, который надел на руку Покахонтас, сказав:

"Это должно всегда напоминать Матоаке, что она моя сестра, а я ее брат".

Покахонтас казалось, что она не способна больше получать какие-либо новые впечатления. Это было так, словно ее разум был сосудом, до краев наполненным водой, который не мог вместить больше ни капли. Подобно белке, которой дали больше орехов, чем она может съесть за один раз, и которая спешит спрятать их подальше, ее инстинкт побуждал ее страстно желать убрать свои сокровища туда, где она могла бы посмотреть на них в одиночестве.

- Я возвращаюсь в дом моего отца, - сказала она и больше не произносила ни слова, пока они не добрались до форта. Затем, когда Смит увидел маленький отряд за частоколом, она окликнула его:

"Брат, я не забуду. Этой ночью я пришлю тебе еды. Я очень доволен твоим незнакомым городом и обязательно приеду сюда снова".

ГЛАВА XII

ПОСОЛ ПОВХАТАНА

Покахонтас сдержала свое слово. В тот же вечер, как только она показала свои сокровища Повхатану и его завистливым скво и поделилась своими впечатлениями о городе и вигвамах бледнолицых, она занялась тем, что собрала корзины с кукурузой, кусками вяленой оленины и медвежатины и отправила их с посыльными "своему брату" в Джеймстаун.

В последующие дни, хотя она играла со своими сестрами, хотя охотилась с Наутауквасом в лесу, хотя слушала по ночам, сидя на коленях у отца перед огнем, рассказы о военных подвигах своего племени или о странном превращении храбрецов в зверей и духов, ее мысли уносились к острову белого человека, ко многим его чудесам, которые она едва успела попробовать. Прикосновение браслета к ее руке напоминало о том, кто его подарил, и она снова мысленно видела его глаза, такие добрые, когда они улыбались ей, и такие суровые в другое время.

Она также подумала о мужчине, которого, как она видела, перевернуло возле бочки, — о том, как медленно он поднимался. Она знала, что существует такая вещь, как голод, потому что иногда союзные племена поухатанов, чьи урожаи были неурожайными или чьи храбрецы были ленивыми охотниками, приходили просить еды из большого хранилища в Поухате. Но сама она никогда раньше не видела, чтобы кто-нибудь падал в обморок из-за еды, и ей стало больно, когда она подумала о изобилии в Веровокомоко, где даже собаки не голодали, и о том, что неподалеку есть люди, которым приходится обходиться без еды. Ее отец не возражал, когда день или два спустя она сказала ему, что хотела бы отвезти еще один запас провизии белым людям.

"Да будет так", - кивнул Поухатан. "Твоего пленника будут кормить, пока не прибудет большое каноэ, которое, по его словам, уже в пути. Он говорит — хотя это большая глупость, поскольку он не может видеть так далеко, — что в конце этой луны она благополучно поднимется над водами. Но до дня его прибытия, когда бы это ни случилось, ты можешь отправлять или переносить им наши излишки. И послушай, Матоака, - прошептал он, чтобы не услышали скво, - ты умен не по годам, поэтому постарайся научиться кое-чему из магии белого человека. Бывают времена, когда хитрость лисы стоит больше, чем когти медведя".

Итак, каждые три-четыре дня Покахонтас приносила еду Смиту для его собственных нужд и нужд его товарищей. Иногда в сопровождении своей сестры или служанок она отправлялась ночью в Джеймстаун, и, наполовину смеясь, наполовину испугавшись, они ставили корзины перед фортом и убегали, как пугливые олени, обратно в лес, прежде чем часовой открывал ворота в частокое в ответ на их зов. Иногда в сопровождении Орлиного Когтя она прогуливалась по улицам Джеймстауна, приветствуя то с девичьим достоинством, то с улыбками его обитателей, чьи худые лица просияли при виде нее. Она стала для них символом надежды в новом мире, которую они почти потеряли; они радовались, видя ее не только из-за ее дарований, но и из-за нее самой.

Они научили ее произносить вслед за ними несколько слов, таких как "Добрый день", "еда" и "капитан", имея в виду Смита; и обладание этим новым и странным умением было ей почти так же дорого, как бусы или браслет. Остров для нее был волшебным местом. Залп орудия на закате из форта пробудил в ней больше восторга, чем ярость грозы; и самым странным

лекарством из всех была способность белых людей передавать свои желания другим на расстоянии с помощью маленьких пометок на клочках бумаги.

Однажды днем, придя сюда в сопровождении Клеопатры, она обнаружила, что улицы и дома Джеймстауна опустели. Пока они бродили вокруг, гадая, что случилось с бледнолицыми, они слышали звуки голосов, доносившиеся из грубого сарая за их пределами. Казалось, они не разговаривали и не визжали, а пели в каком-то ритме, какого она никогда не слышала. Две девушки тихо последовали за звуком к сараю. Он был сделан из дерева, открыт по бокам и покрыт сверху куском парусины. Притаившись за кустами сумаха, все еще держа в руках свои алые факелы, девушки с изумлением наблюдали за происходящим, сами оставаясь невидимыми. Солнце садилось за их спинами, а также за спинами колонистов, которые все смотрели на восток. Затем Покахонтас прошептала своей сестре:

- Видишь ли, Клеопатра, они, должно быть, боготворят своего Оки. Вон тот мужчина, весь в белом, перед ними, должно быть, шаман.

Острое любопытство удерживало ее там, хотя Клеопатра в испуге дергала ее за юбку, шепча мольбы убираться, пока на них не обрушилось какое-нибудь страшное лекарство. Она увидела, как все они, когда пение прекратилось, опустили на колени на голую землю, и слышала, как они повторяют какое-то заклинание, которое, она была уверена, должно обладать огромной силой, судя по твердости тона, которым они все его произносили. Она подумала, что их Оки, должно быть, очень могущественный; и когда она сидела там на корточках, скрытый свидетель этой вечерней службы, к ней пришло убеждение, что ее отец, если бы захотел, и даже со всеми своими племенами, никогда не смог бы победить эту горстку решительных людей.

Она боялась, что "ее брат" может рассердиться на нее за то, что она присутствовала на церемониях, которые, возможно, были запрещены женщинам или представителям других племен; поэтому, к большому облегчению Клеопатры, они ускользнули, оставив в форте провизию, которую несли на своих сильных молодых спинах.

Несколько дней спустя из Опечанчаноу пришло известие, что большое каноэ, которого с таким нетерпением ожидали незнакомцы, было замечено в Кекоутане и теперь плывет вверх по реке. Поухатан был поражен, потому что это был тот самый день, когда белый капитан предсказал его прибытие. Поистине, человека, который мог видеть так далеко сквозь волны большой воды, следовало опасаться. И с того дня wegowance прониклись глубоким уважением к Джону Смит и его способностям.

Теперь, когда корабль привез провизию, в помощи Веровокомоко на какое-то время не было необходимости. Но только на время. Однажды, когда Смит водил Покахонтас по кораблю, чтобы показать ей чудеса этого чудовищного каноэ, он попросил ее, чтобы ее люди еще раз привезли еду в Джеймстаун.

ВИРДЖИНИЯ В 1606 ГОДУ —С КАРТЫ КАПИТАНА ДЖОНА СМИТА

"Матросы капитана Ньюпорта, - объяснил он, - остаются здесь слишком долго и съедают большую часть припасов, предназначенных для нас. Странная мания овладела ими, сестренка; они помешаны на золоте. Они верят, что в здешних ручьях полно пыли, которую они и наши люди из Джеймстауна ценят больше, чем саму жизнь. Это для них больше, чем твой драгоценный покон, и, как ты видишь, они покидают свой корабль и проводят дни, просеивая песок. Если они в ближайшее время не уйдут, ни у кого из нас не останется ничего полезного для рта".

"Ты не будешь нуждаться, брат", - пообещала Покахонтас, и на следующий день пришли индейцы с большими запасами провизии. Эти Кузнецы теперь покупали у них бусы, посуду и цветные ткани. Но президент и Совет, завидуя растущему значению отношений Смита с дикарями, стремились увеличить свои собственные, заплатив в четыре раза больше суммы, о которой договорился Смит.

Уныние встречало Смита с каждым утренним лучом солнца и не давало ему спать по ночам. Колония, казалось, не пустила корней на этой девственной почве; люди, которые не хотели работать в поле, чтобы выращивать зерно, лихорадочно трудились в поисках золота, забыв, что полный урожай будет значить для их благосостояния больше, чем мешки с деньгами. Затем, в довершение ко всем бедам, однажды зимней ночью в Джеймстауне начался пожар и быстро распространился по большей части города, спалив дотла склад, на котором

хранилось драгоценное зерно. От холода и голода "более половины из нас покрасились", - писал позже Смит в своей истории.

Как собственными силами, так и своим примером Джон Смит прилагал все усилия, чтобы восстановить Джеймстаун, ободрить отчаявшихся и завести друзей среди тех, кто подозревал о его намерениях.

Долгое время Поухатан хотел заполучить оружие, подобное тому, которым пользовались белые люди, но колонисты до сих пор отказывали индейцам в просьбе обменять его. Теперь он решил попробовать другие методы. Он послал капитану Ньюпорту двадцать жирных индеек — каждая тяжелая ноша для человека, взвалившего ее на свои плечи, — прося, чтобы взамен англичанин прислал ему двадцать мечей. Ньюпорт, которому лондонские власти приказали никоим образом не оскорблять туземцев, не отказался и прислал мечи взамен. Затем Поухатан, все еще горя желанием заполучить еще один запас оружия, приказал отнести Смиту еще двадцать прекрасных индеек, попросив еще двадцать мечей. Но Смит, которого опыт и проницательность научили многому об отношениях, которые должны царить между колонией и индейцами, знал, как неразумно давать неопытному другу возможность обернуться против того, кто дает. Он знал, что индейцы уважают его суровость по отношению к ним больше, чем очевидное желание Ньюпорта и Городского совета угодить им. Поэтому он отказался. Разочарованные дикари проявили свой гнев и выкрикивали дерзкие слова в адрес Смита.

Поняв, что они не могут поколебать его решение, они попытались украсть мечи. Их обнаружили, и Смит, поняв, что пришло время занять решительную позицию, приказал выпороть их и заключить в тюрьму. Некоторые члены Совета запротестовали, заявив, что это неправильный способ обращения с индейцами, и настаивали на том, что Поухатан наверняка будет возмущен их действиями. "Откуда Смит узнал, - спрашивали они, - что эти дикари действуют по приказу своего вождя?" Не было ли это просто внезапным порывом гнева, который заставил их взять то, что должно было быть им дано?

Но заключенные, которые верили в способность Смита читать прошлое так же, как и будущее, и считали бесполезными попытки скрыть от него правду, признались, что Поухатан приказал им заполучить мечи любым способом. Теперь Поухатан осознал, что его план провалился и что ему необходимо дезавуировать поступок своих посланцев. Чтобы убедить бледнолицых в своей добросовестности, он должен был послать для разговора с ними кого-нибудь, кому они могли бы доверять. Так получилось, что Покахонтас отправилась в Джеймстаун в качестве посла.

Покахонтас была принята в Джеймстауне с большим церемониалом в сопровождении рабов, несущих дары в виде еды, семян кукурузы для весеннего посева и шкур оленя, медведя и дикой кошки.

"Я несу эти дары от поухатан", - сказала она Смит, который всегда выступал в роли переводчика. "Он умоляет тебя извинить его за обиды, нанесенные некоторыми опрометчивыми капитанами его подданным, желая на этот раз предоставить им свободу с заверением в своей вечной любви".

Манера, в которой она произнесла эту маленькую речь, была настолько откровенной, что Смит понял, что она ничего не знала о реальной роли своего отца в краже. Мужчины получили свой урок, и Поухатан получил свое предупреждение, поэтому можно было эффективно обойтись без помилования.

- Ты желаешь, Матоака, чтобы эти люди были освобождены?

"О да, брат мой", - с готовностью ответила она. "Ты сам знаешь, как человек или зверь, попавший в ловушку, жаждет вырваться. Мое сердце печалится при мысли о том, что какое-либо существо содержится в неволе".

- И все же, сестренка, - серьезно ответил Смит, наблюдая за быстрой сменой выражения ее лица, - я должен передать моих пленников другому тюремщику, тому, кто будет обращаться с ними так же сурово, как ты обращалась со мной в Веровокомоко.

Нахмуренные брови Покахонтас свидетельствовали о том, что она пытается понять, что он имеет в виду.

- Ты будешь их тюремщиком, Матоака? - Спросил он; и она, внезапно поняв его шутку, громко рассмеялась.

Мужчины были переданы под ее опеку, и по возвращении домой Поухатан был очень доволен посольством своей дочери.

В сентябре того же года Смит, наконец, был назначен тем, кем он долгое время был на самом деле, главой колонии. Став президентом, он теперь мог осуществлять свои планы с меньшим противодействием. Строительство новых домов и церкви шло быстрыми темпами; обучение мужчин военным упражнениям, исследование берегов Чесапикского залива — все это привлекло его внимание. Мастер Хант, священник, чья библиотека сгорела во время пожара, тратил свое время на то, чтобы подбадривать колонистов, и дважды в день проводил службы в церкви, для алтаря которой растапливал свечи и собирал полевые цветы.

В Лондоне губернаторы колонии решили, что было бы разумно присоединить Поухатан еще ближе к английскому поселению. Их представления о положении и характере индийского правителя были действительно очень расплывчатыми. Им говорили, что все дикари, как дети, любят яркие одежды и украшения. Поэтому они рассудили, что, конечно, этот индейский вождь тридцати племен был бы в восторге от царственной пышности коронации. Они послали приказ на "Фениксе" — корабле, груженном припасами, который прибыл тем летом, — доставить Повхатана в Джеймстаун и увенчать там короной, которую они доставили специально для этой цели.

Смит, знавший Поухатан так, как никто из других колонистов, не одобрял этот план. Ему не казалось, что корона вместо головного убора из перьев будет иметь какое-либо значение для верованса, чья власть среди его собственного народа не нуждалась во внешних украшениях, чтобы укрепить ее. Но у него не было другого выбора, кроме как повиноваться, поэтому он вместе с капитаном Уолдо и тремя другими джентльменами отправился в Веровокомоко, чтобы забрать Поухатана с собой.

По прибытии они обнаружили, что werowance отсутствует, то ли случайно, то ли по правилам. К этому времени Поухатан отчасти утратил свое первое благоговение перед умом белых людей и пришел к выводу, что стоит попытаться противостоять хитростям незнакомцев своими собственными хитростями.

- Как ты думаешь, куда он мог подеваться? - спросил Уолдо. - Мне это не нравится. Смит; может быть, он и сейчас готовит какую-нибудь пакость против нас".

"Лучше бы мы не обращались к тебе. Капитан Смит, - сказал один из джентльменов, нервно оглядываясь через плечо, - глупо было приходить сюда без добрых йоменов со спичечными замками, чтобы отпугивать их стрелы.

- Джентльмены, - ответил Смит, выказывая досаду в тоне, - говорю вам, вам ничего не грозит, если вы сами не вызовете этого своими подозрительными взглядами. Помните, что весь Веровокомоко не сводит с нас глаз, и ведите себя так, как подобает англичанам".

- Где это они чуть не вышибли тебе мозги, капитан? поинтересовался четвертый. - И даже твоей подруги, маленькой принцессы, здесь нет, чтобы поприветствовать тебя. Разве ее отсутствие не вызывает у тебя некоторого беспокойства?

Это, по правде говоря, заставило Джона Смита задуматься. Он не боялся, что планировался какой-либо вред, но отсутствие Покахонтас было неожиданным, и он задавался вопросом, какое значение это могло иметь. Он с нетерпением ждал возможности снова увидеть свою младшую сестру в ее собственном доме и ожидал, что получит удовольствие от беседы с ней, которая не будет прерываться, поскольку их беседы в Джеймстауне всегда были вызваны многочисленными требованиями к его времени и вниманию. Теперь, когда он был намного лучше знаком с ее языком, ему было приятно узнать, что лесная дева думает о своем собственном мире и о том странном мире, который он привнес в ее жизнь.

Индейцы, вышедшие вперед, чтобы поприветствовать белых людей, теперь указывали на небольшую поляну на опушке леса. Они не отвечали на вопросы Смита о том, что он должен был там делать, но знали, что это место иногда использовалось для особых целей. Смит шел впереди.

- Куда мы направляемся? Капитан? - ворчливо спросил Эндрю Баклер. - Не кажется разумным удаляться от нашей лодки. Если они намерены причинить нам вред, у нас будет гораздо более долгий путь, через который нам придется пройти".

- Сражения не будет, - заявил Смит, не снизойдя даже до замедления шага.

Но как раз в этот момент из леса донеслись громкие крики, и между деревьями выскочило с десяток или больше существ прямо на них.

ГЛАВА XIII

КОРОНАЦИЯ ПОУХАТАНА

Деревья росли так близко друг к другу, что англичанам было трудно различить в отбрасываемых ими тенях фигуры, кружащие между стволами. Они были полуобнажены: вот масса чего-то, выкрашенного в красный цвет; вот мелькнула белая рука, такой белизны, какой природа никогда не окрашивала, и вот ярко-синие плечи, когда они приближались, танцуя и визжа.

- Во всей боевой раскраске! - воскликнул капитан Уолдо.

И в этот момент Джон Смит потерял веру в дружбу, в которой ему поклялся Поухатан, и выхватил свой меч, готовый пронзить первого встречного.

Затем он посмотрел снова ... и поспешно сунул меч обратно в ножны, крикнув своим товарищам, которые тоже обнажили клинки: "Стоять!"

Потому что перед ним первой из танцовщиц, выбежавших из леса, выступила Покахонтас! На голове у нее были ветвистые оленьи рога, шкура выдры висела на поясе и еще одна перекинута через руку, за спиной висел колчан, а в руке она держала лук и стрелы. В мгновение ока она поняла, о чем думали англичане — что они попали в засаду.

- Брат мой! - воскликнула она тоном, в котором слышалось разочарование. - Неужели ты тоже сомневался во мне? Скажи им, твоим спутникам, что я отдаю свою жизнь в их руки, если они намеревались причинить какой-либо вред".

Редко в своей жизни Джон Смит чувствовал себя настолько растерянным, не зная, что ему ответить. Он поспешно объяснил остальным, что Покахонтас, очевидно, намеревалась оказать им особую честь, поприветствовав их каким-то лесным маскарадом. Затем, повернувшись к ней лицом, он воскликнул:

"Прости нас, Матоака, и не сердись, что мы неправильно истолковали твою доброту. Смотри, мы садимся здесь на землю и умоляем тебя, чтобы ты и твои девушки продолжали свои песни и танцы, которые нас очень развлечут".

Разочарование Покахонтас сразу же улетучилось, и она вместе со своими товарищами помчалась обратно в лес, где они повторили свой маскарад, на этот раз к удовольствию англичан, которым было несколько стыдно думать, что они были так напуганы группой девушек. Все танцоры были рогатыми, как и их лидер, а верхние части их тел и руки были раскрашены в красный, белый или синий цвета. В центре поля пылал костер, и вокруг него они образовали кольцо, танцуя и распевая песню, которая, хотя и была непохожа ни на что, что когда-либо слышали товарищи Смита, воздействовала на их пульс подобно барабанному бою. В некоторых словах, которые они пели, Смиту удалось уловить слова приветствия, песни юных дев, в которых они рассказывали о радостях детства и о тех днях, когда милые сердцу люди искали их и когда они следовали за каким-нибудь храбрецом в его вигвам.

Покахонтас, подумал он, была грациозна, как молодая косуля; ее ноги были быстры, как пламя костра, и время от времени, от избытка счастья, она пускала стрелу над их головами в

деревья за окном. Смит не мог отделаться от мысли, что за муж когда-нибудь последует за ней домой.

Маскарад длился час; все различные движения были символическими, поскольку Смит знал, что все индийские танцы символичны, и многое из них он был в состоянии понять. В любом случае он получил бы удовольствие от маскарада, зная, что Покахонтас устроила его в честь гостей своего отца. Когда все закончилось, девушки исчезли в темном лесу так же внезапно, как и появились.

Однако англичане не остались в одиночестве, потому что во время танцев пришло много храбрецов и скво, чтобы посмотреть на церемонию и еще больше на публику. Теперь Наутакуас вышел вперед и поприветствовал Смита.

- Мой отец только что вернулся. Он поспешил обратно, когда узнал, что вы собираетесь навестить его. Он приготовил домик для гостей и ждет вашего прихода там.

Поухатан поприветствовал их, когда они вошли в сторожку, в которой Смит сразу узнал ту, где его жизнь подвергалась такой опасности.

- Скажи им, что они желанные гости, твои товарищи, - обратился он к Смицу, - а ты, сын мой, всегда будешь моим соплеменником.

Они уселись на расстеленные для них циновки, и началось обычное пиршество, причем англичане отдавали должное индийским блюдам.

- Этот енот - странный зверь и к тому же редкого вкуса, - сказал Уолдо, - и, по-моему, у короля Вестминстера нет лучшего мяса. Старый дикарь еще не просил тебя о нашем поручении, Смит?

"Индеец никогда не спрашивает о поручении своего гостя, - ответил он, - но теперь, когда мы поели, мне не подобает дольше откладывать рассказ".

Он поднялся на ноги и начал говорить. Покахонтас, которая стояла у входа и смотрела внутрь, теперь вошла и села у ног своего отца.

"Правитель многих племен, Повелитель племени поухатанов, Вахунсунакук, мы пришли, чтобы передать привет, посланный тебе из-за моря нашим великим повелителем, Джеймсом. У англичан, испанцев, французов и других великих народов за морями их величайший вождь, который правит многими племенами, называется "королем". Он могущественнее всех остальных, у него всегда много богатства и почестей, и когда приходит время, когда в результате смерти старого короля или завоевания его место занимает новый король, его коронуют. Они надевают ему на голову венец, а в руку вкладывают почетный посох, а на плечи набрасывают королевские одежды, чтобы все, кто увидит, знали, что это Король и что все должны присягнуть ему на верность. Наш собственный король Яков, который слышал о тебе и о многих племенах, подвластных тебе, пожелал, чтобы ты тоже был коронован как другой король, его друг, чтобы англичане могли знать, что он называет тебя "братом", и чтобы твой собственный народ относился к тебе с еще большим благоговением".

Поухатан не проявил никаких признаков интереса к этим словам, но по нетерпеливому выражению лица Покахонтас Смит понял, что его индийская речь, по крайней мере, была понята.

- Следовательно, - продолжал Смит, - планируется провести твою коронацию в Джеймстауне в тот день, который ты сочтешь нужным назначить. Наш король прислал для тебя подарки, которые ждут твоего прихода к нам".

Затем он замолчал и посмотрел на Поухатана в ожидании ответа. Верованец на мгновение задумался, затем заговорил:

"Если ваш король прислал мне подарки, то я тоже король, и это моя земля; я останусь здесь на восемь дней, чтобы получить их. Твой Отец должен прийти ко мне, а не я к нему, и пока что не в твою крепость.

Он говорил с таким королевским достоинством, что англичане не пытались его разубеждать. Они пообещали сделать так, как он пожелает, и убедить Ньюпорта, которого он называл их "отцом", отправиться в Веровокомоко, который можно было бы считать столицей Повхатана. Затем они отбыли в Джеймстаун, поблагодарив Поухатана и Покахонтас за их развлечение.

Покахонтас с нетерпением ждала их возвращения. Она обсудила этот вопрос с Наутауквасом. Возможно, сказала она, в этой церемонии было какое-то странное лекарство, которое сделает их отца неуязвимым и, возможно, убережет даже от самой смерти.

"Я больше верю в оружие белых людей, чем в их медицину", - заявил Орлиный Коготь. "С тех пор как один из этих толстых домостроителей, которых они называют голландцами, позволил мне попытаться уволить одного из них, я теперь знаю, что они работают не по волшебству. Если бы нам удалось собрать их достаточно, мы были бы в десять раз сильнее их голодающей роты и смогли бы уничтожить их всех до того, как прибудет еще один корабль с новичками.

- Нет, - воскликнула Покахонтас, - пока жив наш брат капитан. Ты даже не можешь смотреть ему в глаза, когда он сердится".

Она и представить себе не могла, что констатирует реальный факт. Коготь Орла так и не смог взглянуть Смиуту в глаза с тех пор, как тот уполз из сторожки, где намеревался убить белого человека. Только сам Смит внушал ему такой благоговейный трепет; но он мечтал, что когда-нибудь сможет нанести удар в темноте, когда эти ужасные глаза не смогут остановить его. Тем временем он чувствовал себя готовым встречаться с другими бледнолицыми днем или ночью.

- Но, - медленно и серьезно спросил Наутауквас, словно взвешивая вопрос, - почему мы должны желать уничтожить этих белых людей? Когда-то у меня были другие мысли, и я ушел один в лес, постился и молился Оки, чтобы знать, встречать ли мне их как врага или как друга. Каким-то образом белые племена, живущие по ту сторону великих вод, нашли свой путь на запад. По слухам, многие пришли к югу от нас, люди другой расы и с другим языком, отличным от тех, что живут на острове. Эти другие жестоки к индейцам, среди которых они поселились, и разрушили много деревень и взяли в плен их храбрецов и скво. Теперь я поговорил с нашим отцом, Вахунсунакуком, о том, что я сейчас говорю, поскольку мы больше не можем надеяться снова скрыть наш след от этих странников с восходящего солнца, что лучше подружиться с теми, кто пришел и кто, кажется, хорошо расположен к нам, и иметь их в качестве союзников, а не врагов".

Вопреки себе, Когтистый Орел был впечатлен этим рассуждением.

- Значит, тебе нравятся эти бледнолицые чужеземцы и их обычаи? - спросил он.

"Я многого в них не понимаю, - ответил Наутауквас. - Как они могут носить столько одежды; почему они строят себе дома, которые не пропускают воздух; почему они приходят сюда, когда у них есть деревни за морями; и все же я знаю, что они храбры и что их медицина сильна".

Покахонтас говорила мало. Она никогда никому не рассказывала, какой большой интерес проявляет ко всему, что касается белых людей и их обычаев.

Прошло несколько дней, и Смит, капитан Ньюпорт и пятьдесят человек отправились маршем в Веровокомоко на коронацию Поухатана. Подарки, которые король и губернаторы лондонской колонии выбрали для него, были отправлены на лодке вверх по реке. Когда отряд англичан в своих фартингейловых бриджах с разрезами на рукавах и белыми воротниками, с блестящими шпагами и пряжками, в сопровождении нескольких солдат с алебардами и длинными мушкетами прибыл, все население деревни и жителей других деревень на много лиг вокруг ожидало их. Храбрецы и скво тоже нарядились в свои самые изысканные наряды — ожерелья, бусы и расшитые одежды.

Это была чудесная картина, открывшаяся взору из темного окружающего леса — группа ярко раскрашенных индейцев лицом к лицу с более сдержанно одетыми европейцами. Вокруг них кружили дети, толкаясь, заглядывая между старшими, чтобы они ничего не упустили. И сквозь все это, перебегая от одной группы к другой, приветствуя, объясняя, улыбаясь и смеясь, порхала одетая в белое Покахонтас.

После приветствия, когда Поухатан и капитан Ньюпорт оценивающе посмотрели друг на друга, подарки были вынесены на поле, где Покахонтас танцевала свой маскарад, и разложены перед любопытными взглядами дикарей. Покахонтас, одетая в свою белую юбку из оленьей кожи и украшенную множеством нитей белых и голубых бус, обошла своих новых друзей и вложила руку в руку капитана Ньюпорта - так, как, по словам Смита, англичане приветствовали друг друга. Некоторые из вождей нахмурились при виде этого, и им не понравилось дружелюбие, проявленное ею к незнакомцам. Некоторые даже упрекали Поухатан, которая, однако, не стала ее удерживать. Перекинувшись несколькими словами со Смитом, она присоединилась к Клеопатре и другим своим сестрам на другом конце поля.

- Что это за странная вещь, Покахонтас? они усомнились в ее превосходных знаниях, поскольку бинты были сняты с кровати, которую капитан Ньюпорт с помощью знаков торжественно вручил Поухатан.

"Это, - ответила она, мельком увидев подобную мебель в Джеймстауне, - это диван, на котором они спят".

- Он удобнее наших циновок? - спросила Клеопатра. - Я бы побоялась упасть с него в огонь.

Очевидно, Поухатан тоже не знал, что с этим делать. Следующие подарки - таз и кувшин - были встречены с большим энтузиазмом. Скво особенно заинтересовались ими, когда Покахонтас сказала им, что они сделаны из вещества, которое не ломается, как их собственные сосуды из обожженной на солнце керамики. Но ему сказали, что это была красная мантия из мягкой английской ткани, по форме похожая на ту, что была раньше. Король Яков был одет на свою коронацию в Вестминстере, и это заставило мрачное лицо Поухатана немного расслабиться от удовольствия. Капитан Ньюпорт надел его на плечи вервольфа и держал зеркало, чтобы тот мог увидеть себя в таком красивом наряде.

Затем они приступили к коронации. Ньюпорт хотел бы, чтобы были прочитаны какие-нибудь ритуальные слова, хотя руководитель церемонии и не смог их понять; но капеллан указал, что ни закон, ни Молитвенник не предусматривают коронации язычника и что, в конце концов, на дикарей произведет впечатление действие, а не слова.

Барабанщик выбил громкую дробь, а трубач протрубил клич, который заставил скво и детей взвизгнуть; храбрецы быстрее скрыли свое изумление. Затем Смит и Ньюпорт вышли вперед, Ньюпорт держал корону. Смит сказал:

"Преклони колени, Вахунсунакук, чтобы мы могли короновать тебя".

Но Поухатан, чье понимание этих странных действий было неясным, хотя он и понял слова Смита, продолжал стоять неподвижно и прямо, как сосна.

- Встань на колени, о, Поухатан, - настаивал Смит. "Не ошибитесь, это королевский поступок; так поступают все короли Европы".

Но Поухатан этого не сделал. По его мнению, такая поза не соответствовала достоинству могущественного верованца, правителя тридцати племен и повелителя шестидесяти деревень. Он принимал присылаемые ему подарки и не возражал против того, чтобы надеть на голову сверкающее кольцо, если белые люди пожелают подарить ему его; но он не преклонял коленей; это было бы слишком далеко в его попустительстве странным обычаем. Такое положение было предназначено для просительниц, скво и детей.

Смит не знал, что делать. Офицеры Колонии в Лондоне придавали большое значение надлежащей коронации, полагая, в отличие от него, что это произведет впечатление на индейцев как символ союза между их народом и англичанами. Он на мгновение задумался, затем прошептал что-то Ньюпорту. Они быстро положили руки на плечи Поухатана и мягко, но твердо надавили, отчего у него слегка подогнулись колени. Затем, прежде чем он успел опомниться, Ньюпорт водрузил корону на его седую голову.

Согласно приказу, двое солдат, увидев, что церемония завершена, произвели салют из своих мушкетов. Поухатан внезапно вздрогнул; Наутауквас поднял голову, как олень, почувавший опасность, и несколько храбрецов бросились бежать к группе белых людей. Но спокойное поведение Смита показало им их ошибку.

- Мы квиты, - сказал капитан Уолдо Баклеру. - Горничные напугали нас своими масками, а мы напугали их храбрецов своими мушкетами.

Поухатан в красной мантии и короне уселся на принесенные ему циновки, и Смит прошептал одному из сопровождавших его джентльменов:

- Честное слово, Рэдклифф, разве он не выглядит более по-королевски, чем наш королевский Джеймс?

Идея коронации казалась ему абсурдной, и он полагал, что старый вождь будет выглядеть нелепо в притворном наряде, но он признался себе, что это далеко не так.

Затем начался пир, и англичане снова отдали должное индийским блюдам. Покахонтас подошла и села рядом со Смитом.

"Добро пожаловать, сестренка, - сказал он, - и как тебе новые одежды твоего отца?"

"Он кажется мне странным, - ответила она, - но он не будет носить их долго. Он прекрасен, этот плащ, но он может раскрасить свою плоть в такой же нежный цвет с помощью покое, и он не будет таким теплым и тяжелым.

Смит рассмеялся.

"Разве тебе не хотелось бы попробовать носить одежду, подобную той, которую носят наши женщины? Может быть, ты скоро попробуешь, на что они похожи, потому что скоро мы увидим, как белые женщины приплывают на кораблях".

- А у белых мужчин тоже есть скво? - удивленно спросила Покахонтас.

- Для уверенности. Неужели ты думал, что англичане могут вечно жить без жены или цыпочки у своего очага?

- А ты, брат мой, - нетерпеливо спросила она, - скоро ли приедет твоя жена и твои дети?

- У меня их нет, Матоака; мои тропы вели через столько опасностей, что я не взял с собой скво.

- Но скво не боялась бы опасности, если бы ты мог взять ее с собой, а если нет, то она ждала бы в твоём домике, готовая приветствовать тебя по возвращении. Она приготовила бы тебе мягкие шкуры для поножей, новые циновки для сна; она показала бы все запасы вяленой оленины, которые она развесила на шесте своей палатки, пока тебя не было, и приготовила бы для тебя свежую осетрину и ореховое молоко, чтобы утолить твою жажду".

"Хорошенькую картинку ты рисуешь, Матоака", - ответил он, но не рассмеялся над этим. "Часто я чувствую себя одиноким в своём вигваме и думаю, не приведу ли я когда-нибудь сюда жену".

"Никто не откажет тебе", - просто ответила девушка.

Смит не уловил значения её слов, но его мысли были о ней. Предположим, ему следует полностью связать свою судьбу с этой новой страной и взять в жены это счастливое, свободное дитя коренных лесных жителей? Это была всего лишь мимолетная мысль. У него не было времени обдумывать это дальше, потому что Ньюпорт поднялся и подал сигнал к возвращению в Джеймстаун. Он тоже встал и попрощался с Покахонтас.

Во время пира Поухатан обдумывал, что он собирается делать. Он торжественно вручил капитану Ньюпорту связку пшеничных колосьев для весеннего посева; затем с величайшим достоинством вручил ему мокасины и меховую накидку, которые отложил в сторону, когда на него надевали коронационную мантию. Ньюпорт принял их в изумлении, не зная, что ему с ними делать; но Смит произнес от его имени благодарственную речь.

- Что имел в виду старый дикарь? - спросил ньюпорт, когда они возвращались домой. "Это потому, что он хотел сделать подарок взамен?"

- Мне кажется, - ответил Смит, - что Поухатан обладает чувством юмора и хочет показать нам, что коронация настолько повысила его значимость, что его поношенные одежды волей-неволей приобрели новую ценность в наших глазах.

ГЛАВА XIV

ОПАСНЫЙ УЖИН

Несколько месяцев спустя, первого числа 1609 года, в Джеймстауне снова возникла серьезная угроза голода, и Смит, вспомнив о переполненных складах в Веровокомоко, решил поехать и закупить у Поухатана все необходимое. Взяв с собой двенадцать человек, они отправились на лодке вверх по реке.

"Я не сомневаюсь, — сказал Джон Рассел, когда они плыли по "Джеймсу", теперь уже не грязному, как летом, а покрытому голубоватым льдом на мелководе, — я не сомневаюсь, что эти толстые голландцы, которых муниципальный совет прислал построить дом для Поухатана - зачем ему христианский дом? - растолстели еще больше на его хорошей пище, в то время как мы день ото дня расходует все меньше".

"Мне не нравятся эти иностранцы", - воскликнул Рэтклифф, жадными глазами наблюдая за стаей рыжих уток, которые взлетели из одной из маленьких бухточек при приближении лодки, и жалея, что не может подстрелить их себе на обед. "Разве в Чипсайте и Хэмпстеде не было достаточного количества плотников и строителей, чтобы лорды Колонии должны были отслеживать этих говорящих на языке любвеобильных людей из Зюйдер-Зее? Они не любят нас, так же как и мы их. Если бы они думали, что это принесет им преимущество, они бы без колебаний выдали нас дикарям.

По мере того, как они продвигались вверх по реке Джеймс, удаляясь от приливно-отливной зоны, лед простирался все дальше в реку, пока, когда они приблизились к Веровокомоко, его слой не растянулся на полмили от берега. Смит решил, что настолько отчаянным было положение колонистов, что он не вернется в Джеймстаун без хорошего запаса кукурузы и других продуктов питания. Он надеялся, что Поухатан согласится, чтобы он купил его; но он намеревался взять его силой, если потребуется. В течение некоторого времени между англичанами и индейцами почти не было контактов; последние, казалось, больше не желали обмениваться припасами, и ходили слухи, что у повхатана появились новые претензии к белым людям.

Четверо голландцев, которые в течение нескольких недель строили дом для Поухатана, обсуждали между собой относительные преимущества дружбы с верованцами или с англичанами. Они решили, что ослабить последних было бы их лучшей политикой, поскольку они были бы довольны тем, что разрушили борющееся поселение европейцев, и верили бы своей собственной судьбе дикарям. В образе жизни индейцев было многое, что им нравилось: вдоволь хорошей еды, полные трубки табака и скво, которые прислуживали им. Поэтому они составили свои планы и по секрету сообщили Поухатану, что Смит, который, как они знали, должен вскоре появиться в поисках припасов, на самом деле использовал эту необходимость как предлог и что он намеревался обстрелять индейцев и нанести большой ущерб Веровокомоко.

Покахонтас не слышала этого разговора, но она наблюдала за четырьмя незнакомцами вместе, и ее острый слух часто улавливал повторение слова "Смит". Теперь, когда по домикам разнеслась весть о том, что лодка со Смитом и его спутниками медленно приближается по разбитому льду, Покахонтас нетерпеливо бросилась к реке и помахала рукой своим друзьям. Она смотрела, как они выходят на берег, но сдержалась, когда

побежала им навстречу. У нее было чувство, что сейчас не время для красивых речей, и она опасалась, что голландцы раздули вражду Поухатана к англичанам до такой степени, что она была готова вырваться наружу. Она решила, вместо того чтобы проявлять какой-либо интерес к незнакомцам, казаться безразличной к ним и позволить своим людям думать, что она стала относиться к ним враждебно. Она останется рядом со своим отцом, чтобы узнать, что он намерен делать.

Верующий, когда он подошел к ним, был одет не в свою красную мантию и не в корону английского производства, а в головной убор из орлиных перьев, гетры и накидку из меха бурого медведя. Возможно, он хотел показать, что ему не нужно носить корону, чтобы выглядеть королем. Он медленно подошел к реке и крикнул, приветствуя белых людей:

"Добро пожаловать в Веровокомоко, сын мой, но почему ты приходишь с оружием в руках, когда навещаешь своего отца?"

"Мы пришли купить у тебя еды, о Поухатан, - ответил Кузнец, - чтобы наполнить твои руки и руки твоего народа драгоценными бусами, ножами и разноцветными тканями для твоих женщин в обмен на еду на сегодняшний день и на то, чтобы ее хватило до наступления непино (колошения кукурузы), когда мы соберем плоды посеянного нами семени".

Но сначала сложите оружие. Зачем вам оружие, если вы пришли с такой мирной целью? Думал ли ты попытаться запугать мой народ, чтобы он продал тебе свои запасы? Что тебе даст, если ты возьмешь силой то, что можешь быстро получить по любви, или уничтожишь тех, кто обеспечивает тебя пищей? Каждый год наша дружественная торговля будет снабжать вас зерном, и сейчас тоже, если вы придете к нам по-дружески, а не с ружьями и шпагами, чтобы напасть на ваших врагов".

Многие англичане, когда Смит слово за словом перевел речь вождя, почувствовали стыд от демонстрации силы, продемонстрированной их оружием, и были бы готовы сложить его, находясь на земле этого дружественного вождя, о котором, как они чувствовали, они недооценивали. Но Смит не обманулся. Он учился разбираться в обычаях индейцев и знал, что у вождя были причины желать видеть их безоружными. Поэтому он крикнул в ответ:

"Ваши люди, приезжающие в Джеймстаун, развлекаются со своими луками и стрелами без каких-либо исключений, мы считаем, что вам, как и нам, подобает носить оружие как часть нашей одежды".

Затем между этими двумя последовало еще несколько слов и много разговоров об "отце" и "сыне"; но Покахонтас, которая все это слушала, было нелегко. Она отдавала свою привязанность Смиту с того самого дня, как спасла ему жизнь, и теперь была уверена, что ее отец планировал причинить ему вред. Наутауквас вместе с Когтем Орла отправилась в набег на массавомеров, последний поклялся ей, что теперь он совершит поступки, которые заставят вождя его племени признать его достойным называться настоящим храбрецом поухатана. Если бы ее брат был в Веровокомоко, она, возможно, поделилась бы с ним своими страхами; но сейчас она понимала, что только она одна должна разгадать намерения своего отца.

Она увидела, что Поухатан удалился под каким-то предлогом, которого она не расслышала, и что Смит, стоя у входа в хижину, которую Поухатан выделил англичанам, разговаривал с несколькими скво, которых он помнил со времен своего пленения, в то время как остальные

белые люди были заняты переносом предметов, которые они привезли для обмена, с лодки в хижину.

Внезапно несколько индейских воинов бросились к нему со стрелами на тетивах. Шедший впереди дикарь выпустил свою стрелу; она пролетела на несколько футов выше, чем нужно, и, задела стальной морион Смита, вонзившись в кору обшивки вигвама над его головой. Сквозь громкие вопли бросились наутек. Смит, прежде чем очередная стрела слетела с тетивы, выхватил пистолет и направил его на приближающуюся толпу. Затем Джон Рассел, услышав шум, выбежал из сторожки. Нажав на спусковой крючок своего мушкета, он выстрелил в приближающихся дикарей, но не попал ни в одного.

Тем не менее индейцы, увидев, что англичане все еще вооружены, повернулись и обратились в бегство, скрывшись в лесу. Покахонтас, дрожа от гнева, побежала сквозь деревья, чтобы найти своего отца и спросить его, в чем смысл такого вероломного обращения с его гостями.

Пробежав некоторое расстояние, она заметила приближающегося Поухатана и, спрятавшись за скалой, стала ждать, чтобы посмотреть, куда он направляется. К своему изумлению, она увидела, что он поворачивает к вигваму незнакомцев, а за ним следуют рабы, несущие большие корзины с едой и семенной кукурузой. "Что он мог иметь в виду, - подумала она, - когда сначала пытался убить белых людей, а потом устроить им пир?" Она последовала за ним, оставаясь незамеченной, в то время как Поухатан без малейшего колебания подошел к Смицу.

- Мое сердце радуется, сын мой, - услышала она его крик, когда он был в сотне футов от того места, где стоял Смит, наблюдая за ним озадаченными глазами, - знать, что ты невредим. Пока я уходил проследить, чтобы для тебя приготовили провизию, даже согласно моему слову, мои молодые люди, обезумевшие от религиозного рвения и поста, которому они подверглись, готовясь к великому обряду, запланированному нашими священниками, не ведали, что творили. Смотри, сын мой, не думай о нас плохо; стали бы мы в какой-то момент пытаться причинить тебе вред и помочь тебе? Посмотри, какие припасы я, твой отец, приготовил для тебя".

И Смит, хотя и сомневался немного, не был уверен, что Поухатан говорил неправду. Но Покахонтас, все еще скрывавшаяся, хорошо знала, что ни один человек в Веровокомоко не осмелился бы стрелять в белых людей, кроме как по прямому приказу их вожака.

Возможно, однако, теперь все было хорошо; возможно, ее отец, по крайней мере, понял, что англичан нельзя заставить врасплох. Она наблюдала, как Поухатан и Смит следили за тем, как укладывают в лодку огромные груды припасов и снова наполняют корзины товарами, которыми за них заплатили англичане.

Затем, закончив свою работу, индейцы начали наряжаться в бусы и ткани. Пока они были таким образом заняты, прибежал мужчина и в изнеможении рухнул перед Поухатаном, сумев выдать из себя только пару слов. Хотя у гонца не хватило дыхания, чтобы выкрикнуть их, индейцы, стоявшие поблизости, слышали их и громко закричали. Тотчас же толпа вскочила на ноги и, издавая громкие крики, заплясала вверх-вниз и по кругу под звуки трещоток и барабанов.

"Что все это значит, Смит?" - спросил Рассел, который вместе с другими белыми мужчинами наблюдал за странным представлением.

- Скажи им, сын мой, - сказал Поухатан, поняв по тону англичанина, что в его словах прозвучал вопрос, - что два десятка моих воинов, среди них Наутауквас и Коготь Орла, одержали великую победу над сотней наших врагов и что это наша триумфальная песня.

Глаза старого вождя сияли ярче, чем когда-либо, а спина была такой же твердой и прямой, как у одного из его сыновей.

"Скоро я увижу все их разные танцы", - признался Джон Смит Расселу, когда тот повторил объяснение Поухатана. "Сейчас не хватает только танца войны".

В танце наступила пауза; затем Поухатан подал сигнал. Барабаны и трещотки зазвучали снова. Ритм был другим, даже белые люди могли сказать это; и они заметили, что дикари двигались быстрее, словно воодушевленные величайшим возбуждением. Новые танцоры, их лица и тела были раскрашены в красный и черный цвета, заняли места тех, кто упал от усталости, и лес огласился их громкой песней.

"Должно быть, это была великая победа, - предположил Рэтклифф, - раз она так взволновала их".

Но сердце Покахонтас билось так, словно это был сам боевой барабан, потому что она знала то, чего не знали белые люди, что это был боевой танец; но она еще не была уверена, против кого ее племя должно было вступить на тропу войны. Она должна подождать и посмотреть.

Наконец танцы прекратились и началось пиршество, а англичане все еще с интересом наблюдали за "странными выходками" дикарей, как они их называли. Теперь все было так спокойно, что они отложили оружие, выставили охрану, чтобы та наблюдала за ними, и, сидя вокруг большого костра, который они развели в сторожке, ждали утреннего прилива, который поднимет их лодку из наполовину замерзшего ила, в который ее превратил отлив. Поухатан и индейцы ушли, но верующий прислал посыльного с ожерельем и браслетом из пресноводного жемчуга со словами любви к "своему сыну" и сказать, что вскоре он пришлет им ужин из своих горшочков, чтобы они ни в чем не нуждались этой ночью.

Темнота наступила быстро, и лес, простиравшийся между домиком и центром Веровокомоко, был густым и мрачным. Сквозь них Покахонтас мчалась быстрее, чем когда-либо бегала наперегонки со своими братьями. Она не споткнулась о скользкие от инея корни и, хотя не успела накинуть мантию на обнаженные плечи, не почувствовала холода. Ибо теперь она знала, что военный танец был сплясан против англичан.

Она почти не дышала, когда добралась до сторожки на берегу реки, но, вбежав внутрь, схватила мушкет из кучи на земле, к удивлению охранника, который вовремя узнал ее и не причинил вреда, и сунула его в руки Смиту, крича:

- Вооружайтесь, друзья мои. Готовьтесь быстро", - и, поскольку Смит задал бы вопрос, она, тяжело дыша, добавила: "Когда ваше оружие будет готово, тогда я скажу".

Смит торопливо отдавал распоряжения, упрекая себя за напускную самоуверенность. Мужчины выскочили из-за костра, схватили свои длинноствольные мушкеты и алебарды; а те немногие, кто снял свои стальные доспехи, поспешно надели их снова и перекинули через плечи патронташи, набитые зарядами. Веселая, беззаботная компания теперь быстро превратилась в отряд осторожных солдат. Затем Смит повернулась к Покахонтас, дыхание которой участилось, когда она увидела меры предосторожности, принятые для защиты. Она ответила на его невысказанный вопрос:

"Я даже сейчас слышал слова вероломных голландцев, обращенные к моему отцу. Я испугался, когда услышал военную песню и увидел, как они танцуют военный танец. Горе мне! брат мой, что я говорю против собственного отца, но я выслушал его планы захватить тебя здесь врасплох, выбить оружие из твоих рук. Этого момента он ждал весь день и пытался обмануть вас честными словами. Сейчас они уже в пути с ужином, который он обещал тебе; затем, когда вы все поели, он отдал приказ своим людям напасть на вас и убить всех, чтобы никто не смог спастись. И вот, как только я узнал, что ты, которому он поклялся в дружбе, и твои близкие в страшной опасности, я поспешил через темный лес предупредить тебя".

Смит был глубоко тронут таким проявлением ее преданности. Он знал, какой опасности она подвергнется, если Поухатан узнает о том, что она сделала.

- Матоака, - воскликнул он, сжимая ее руку, - этой ночью вся Англия у тебя в долгу. Пока люди помнят имя этой Вирджинии, до тех пор люди будут помнить, как ты спас ее от гибели. По правде говоря, твой отец усыпил мои подозрения, и если бы ты не пришел предупредить нас, мы бы наверняка погибли. Благодарность всех нас тебе. Принцесса, - продолжил он, повернувшись и передав своим изумленным людям суть ее слов, - и еще раз выражаю моей младшей Сестре мою собственную глубокую благодарность.

Он снял со своей шеи толстую золотую цепь, которую привез из страны турок, и надел ее ей на голую шею.

"Возьми эту цепочку на память", - сказал он. Затем его товарищи выступили вперед, каждый с каким-нибудь подарком, который они вложили в руки девушки.

Она с любовью посмотрела на них всех, но медленно покачала головой, и слезы потекли по ее щекам, когда она сказала:

"Я не смею, друзья мои; если бы мой отец увидел эти дары, он убил бы меня, так как он знал бы, что это я принес вам предупреждение".

Медленно она сняла цепочку и неохотно вложила ее в руку Смита, а затем осторожно опустила другие сокровища, которые так хотела сохранить. Смит наклонился и поцеловал ее руку так же благоговейно, как когда-то целовал руку Доброй королевы Бесс.

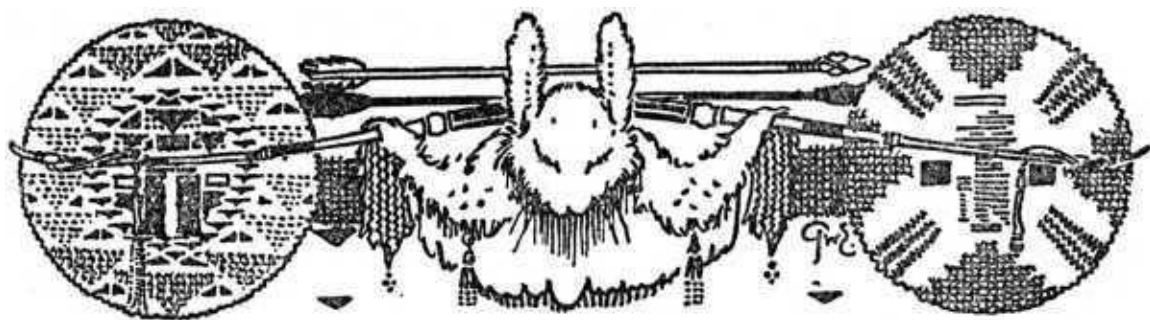
Покахонтас вздрогнула. "Я слышу, они приближаются", - крикнула она и одним прыжком снова бросилась в ночь, огибая реку, пока не убедилась, что доберется до своего жилища, не наткнувшись на отряд индейцев, приближавшихся с блюдами и корзинами с едой, которые, однако, были не рабами, а храбрыми и вооруженными.

Когда они добрались до жилища незнакомцев, они принесли ужин и накрыли его с очевидным большим аппетитом, то есть те немногие, кто действительно нес корзины. Остальные каким-то образом оказались остановлены Смитом у входа и вступили в церемонную беседу. Когда они предложили белым людям отложить в сторону оружие и сесть, чтобы лучше насладиться едой, Смит ответил, что у англичан есть обычай по ночам всегда есть стоя, держа еду в одной руке и мушкет в другой. Эти переговоры продолжались долго; Смит никак не хотел показать, что он разгадал их вероломство.

Затем сбитые с толку индейцы удалились в лес, чтобы дождаться момента, когда они смогут застать белых людей врасплох. Но хотя всю ночь они шпионили вокруг сторожки, ни разу не

обнаружили часовых вдали от их постов, и они слишком боялись "труб смерти", чтобы пытаться напасть на людей, которые были так хорошо защищены.

Итак, благодаря Покахонтас, утром число англичан не уменьшилось, и во время прилива они сели в свою лодку и вернулись в Джеймстаун со своими с таким трудом добытыми припасами.

ГЛАВА XV

ПРОЩАНИЕ

Солнце позднего лета безжалостно палило на домики и открытые пространства Веровокомоко. Даже дети притихли в тени, накрыв головы длинными зелеными стеблями кукурузы, лениво заплетая кисточки и напевая песенку о Фестивале Зеленой кукурузы, который они отмечали несколько недель назад. Старые воины курили или дремали в своих вигвамах, а скво оставили толочение кукурузы и готовку до более прохладного времени. Только юные храбрецы, слишком гордые, чтобы казаться затронутыми какими-либо погодными условиями, выставляли напоказ свое усердие и мастерили наконечники для стрел или устраивали скачки на ярком солнце, пока мудрый старый вождь не крикнул им, что они юные глупцы, у которых не больше разума, чем у голубых соек.

В лесу, недалеко от ложбинки в небольшом ручье, где форель и раки резвились на блестящем песчаном дне, Покахонтас лежала, вытянувшись во весь рост, раскинув смуглые руки цвета сосновых иголок под ними. Листва гигантского красного дуба затеняла ее; сквозь его зелень она могла видеть тяжелые белые облака, а однажды орла, летящего, казалось, прямо к солнцу. Вдали от прямых лучей солнца, охлажденная купанием в ручье и одетая в легкое одеяние индийской девушки, она наслаждалась летней жарой. Она наслаждалась ощущением сонливости, которое приглушало лесные пейзажи и звуки: постукивание дятла по далекому дереву, случайный крик птицы—кошатника, тихая возня кролика или белки, жужжание нагруженной пчелы - все сливалось в единую мелодию лета, в которой она сознательно не различала отдельных нот. Столь же приятно сбиты с толку были ее мысли, картины которых из-за дремоты размыли очертания, так что она без усилий прошла от пестрого ручья, который только что покинула, к залитому лунным светом полю, которое она и ее служанки окружили несколько ночей назад, распевая песни урожая. Она также увидела гибкий изгиб тела Орлиного Когтя, когда он ждал сигнала, чтобы броситься вперед в забеге в Повхате, когда он обогнал остальных; а затем ей показалось, что она снова видит, как он бежит в тот день, когда Вансутис спас его от смертельного удара дубинкой.

Как будто многочисленные акты насилия, совершенные в тот день, призывали других себе подобных, она видела и не побоялась увидеть судьбу голландцев в Веровокомоко, которые пытались предать Смита Повхатану. Ее отец, разгневанный на них, вышиб им мозги на пороге дома, который они построили для него.

Затем мысли Покахонтас перенеслись в Джеймстаун, куда они теперь часто наведывались. Она улыбнулась, вспомнив свое собственное изумление при виде двух недавно прибывших туда англичанок: миссис Форрест и ее горничной Энн Берроуз. С каким любопытством белые женщины и индианка разглядывали друг друга, их волосы, их глаза, их необычную одежду! Затем она увидела в своем воображении своего друга, своего "брата", такого серьезного, такого храброго, который, несмотря на сопротивление, всегда одерживал победу. Она была свидетельницей того, как он заставлял колонистов работать, видела, какое наказание он назначал тем, кто не подчинялся его приказам против нецензурной брани, — это странное преступление, которого она не могла понять, - лить холодную воду в рукава тем, кто произносил ругательства, под насмешки и смех их товарищей. Ее губы продолжали улыбаться, пока она думала о Смите, о нежных словах, которые он всегда готовил для нее, о том интересе, который он всегда проявлял ко всему, что она должна была

ему сказать. Он говорил с ней так, как, она знала, он говорил с немногими, о своих надеждах на эту маленькую горстку людей, которые должны жить и расти, и о том, что, если они двое, он и его "младшая сестра", смогут осуществить это, англичане и поухатаны забудут все обиды друг на друга и будут друзьями до тех пор, пока существуют небо и земля. Возможно, сказал он однажды, браки между англичанами и индейцами могли бы укрепить эту дружбу. "Возможно, ты сам, Матоака", - начал он и замолчал. Теперь она снова, как и тогда, задалась вопросом, не имел ли он в виду себя.

Такая возможность была волнующей, и она была бы рада полностью обдумать ее; но веки ее отяжелели, а сосновые иголки были мягкими и ароматными, и вскоре бобр, который из дупла под обнаженными корнями дуба над ручьем наблюдал за ее блестящими глазами, видя, что они закрыты, выскользнул наружу, чтобы снова приступить к работе над плотиной, которую она вытоптала ногами.

Хотя Наутауквас, вернувшийся час спустя с мирной миссии к объединенному племени, производил едва ли больше шума, чем бобр, Покахонтас проснулась, подняла голову и, выпутав иголки из волос, вскочила.

- Приветствую тебя, Матоака! - окликнул ее брат. - Ты была спрятана здесь так же уютно, как олень.

- Какие новости, брат мой? - спросил я. - спросила она, когда он сел и, сняв мокасины, опустил разгоряченные ноги в ручей.

- Плохие новости, - серьезно ответил он, - для друзей великого Капитана.

"Что случилось с моим белым братом?" она закричала: "расскажи мне скорее".

- Я слышал, он спал в своей лодке, далеко от их острова. Большой мешок с порохом, который они насыпали в свои ружья, лежал на дне его каноэ, и когда на него случайно попала искра из его трубки, оно разозлилось, начало плевать и обжигало его плоть, пока он не проснулся, и в агонии он прыгнул в реку, чтобы потушить пламя".

Покахонтас, которая не поморщилась при мысли о безмозглых голландцах, вздрогнула.

- Где он сейчас? - спросила она. - Я хочу пойти к нему.

Наутауквас серьезно посмотрел на нее, как будто хотел задать вопрос, но промолчал. - Говорят, он на пути в Джеймстаун и должен прибыть туда завтра.

Когда Покахонтас и Наутауквас возвращались на закате в Веровокомоко, девушка остановилась у домика Вансутиса.

"Ты пришла за целебными травами для своего белого человека", - воскликнула старуха прежде, чем Покахонтас успела произнести хоть слово. - Я приготовила их для тебя, - и она сунула сверток в руки изумленной девушки. "Но, - продолжала ведьма, - хотя они и вылечили бы любого из наших людей, они не смогут справиться с болезнью белого человека, если он не поверит в них".

Затем она вернулась в полумрак своего домика, а Покахонтас молча удалилась.

Вансутис хотел помочь не Покахонтас, а белому Капитану. Старая женщина никогда не говорила ни с ним, ни о нем с другими, но она жадно слушала все рассказы о его способностях. Она была уверена, что он обладает магическими знаниями, превосходящими

знания ее собственного народа, и ждала того дня, когда сможет убедить его поделиться частью своего лекарства с ней самой. Тот факт, что теперь он был ранен и в опасности, не изменил ее мнения. Некоторые лекарства были лучше при определенных проблемах, чем при других. Возможно, ее травы в этом случае окажутся сильнее его собственной магии.

Еще до того, как ночь закончилась, Покахонтас отправилась в Джеймстаун. Она поехала одна, так как почему-то не хотела болтать с компаньонкой. Грозы охладили воздух и размягчили землю. Было еще раннее утро, когда она добралась до города, который теперь превратился в поселение из пятидесяти домов. На пристани она увидела мужчин, спешащих взад и вперед к кораблю, привязанных прочными тросами к столбам, несущих связки медвежьих и лисьих шкур, которые, как она видела, они покупали у ее людей, а также коробки и сундуки на палубу. Один из последних показался ей странно похожим на тот, что она видела в доме Смита, из кордовской кожи с замком из богато кованого железа. "Несомненно, - подумала она, - он отправляет его обратно с подарками для короля, о котором так много говорит".

Она поспешила к его дому и, еще не дойдя до него, увидела, что его кровать вынесена за дверь и что он лежит на ней, обложенный подушками. Она тоже узнала доктора в мужчине, который только что уходил от него. Теперь, охваченная рвением, она пробежала остаток пути, и Смит, увидев ее, слабо помахал рукой.

- Увы! брат мой! - воскликнула она, взяв его руку в свои и увидев, какой тонкой она стала. - увы! как ты навредил себе?"

- Ты слышал, Матоака? - спросил я. он ответил, храбро улыбаясь, несмотря на боль: "и я пришел, как когда-либо приходил ты в Джеймстаун, чтобы принести помощь и утешение".

"У меня здесь есть травы для твоей раны", - ответила она, доставая их из сумки. "Они быстро заживут. Это отличное лекарство".

Как он мог не верить в их силу, спрашивала она себя утром по дороге. Что имел в виду Вансутис?

"Я благодарю тебя, сестренка, - мягко ответил он, - за твою любящую мысль и за путешествие, которое ты предприняла. До того, как ты заговорил всерьез, мое сердце было подавлено, ибо я сказал себе: "как я могу уйти, не попрощавшись с Матоакой; но как я могу отправить сообщение, которое приведет ее сюда вовремя?"

"Иди!" - воскликнула она. "Куда ты пойдешь?"

"Домой, в Англию. Хирург, который только что покинул меня, только сегодня утром решил, что его мастерства недостаточно, чтобы спасти мою рану, и я должен вернуться к мудрецам в Лондоне, чтобы они вылечили меня".

- Нет, нет! - воскликнула Покахонтас. - Ты не должен уходить. У наших мудрых женщин и шаманов есть секреты и чудеса, о которых ты не знаешь. Я пошлю к ним, и твоя рана скоро станет такой же чистой, как моя ладонь".

"НЕТ, НЕТ! - ЗАКРИЧАЛА ПОКАХОНТАС. - ТЫ НЕ ДОЛЖЕН УХОДИТЬ"

- Хотелось бы, чтобы это было так, сестренка. Я действительно видел странные лекарства среди твоего народа; и если бы моя болезнь была лихорадкой, подобной той, что может настигнуть их, или результатом укуса стрелы, я бы с радостью позволил твоим шаманам исполнить свою волю со мной. Но порох им неизвестен, и мне их средства ничем не помогли бы".

- Значит, ты уйдешь? - спросила она тихим от отчаяния голосом.

- Да, Матоака, я должен, иначе мне придется поскорее поселиться вон там, - и он указал на кладбище. "Горько уходить сейчас и оставлять свою работу незаконченной, зная, что мои враги будут радоваться ..."

- Я умру, когда ты уйдешь, - перебила она, опускаясь на колени рядом с ним. - Ты стал для Матоаки богом, сильным и чудесным.

- Сестренка! Сестренка! - повторял он, глядя ее по волосам. И снова ему пришла в голову мысль, которую он лелеял раньше, — что, возможно, когда этот ребенок вырастет, он сможет заявить на нее права как на жену. Теперь этому никогда не суждено сбыться.

Она все еще молча стояла на коленях, затем спросила с надеждой и нетерпением в голосе: "Ты вернешься к нам?"

- Если позволите, Матоака, если я выживу, мы еще увидимся.

Он не сказал ей, что у него на уме, что никакие золотоволосые и розовощекие англичанки Дороти или Сайсели никогда не будут ему так дороги, как, как он теперь понял, стало это дитя леса.

И затем, с совершенной верой в то, что ее "Брат" осуществит то, что он обещал, настроение Покахонтас поднялось. Она не пыталась подсчитать, сколько недель и месяцев должно пройти, прежде чем она снова увидит его. Она села рядом с ним на землю и слушала, как он рассказывал ей обо всем, что оставлял позади, о своей любви и заботе о Колонии.

"Видишь, Матоака, - сказал он, и его голос окреп от нетерпения, - этот город подобен моему собственному ребенку, настолько он мне дорог. Я провел бессонные ночи и утомительные дни, я страдал от холода и голода и от оскорблений завистливых людей ради этого; возможно, даже от самой смерти. И ты тоже оказал ему великую милость, пока, по правде говоря, он не стал частично твоим и дорог тебе. Теперь, когда я должен уезжать, я оставляю Джеймстаун на твое попечение. Будешь ли ты продолжать присматривать за ним, делать все, что в твоих силах, для его благополучия?"

- Я с радостью сделаю это, брат мой, когда ты покинешь это место, как скво, лишившаяся своего мужества. Не пройдет и дня, чтобы я не заглянул в леса, чтобы убедиться, что все в порядке; мои уши будут чутко прислушиваться каждую ночь, чтобы не допустить приближения беды. "Джеймстаун - друг Покахонтас", - прошепчу я северному ветру, и он не будет дуть слишком сильно. "Покахонтас - друг Джеймстауна", - взываю я к солнцу, чтобы оно палило не слишком жаростно. "Покахонтас любит Джеймстаун", — я буду шептать реке, чтобы она не слишком глубоко врезалась в берега острова, и"- здесь полухулианный тон сменился неподдельной серьезностью, — "Я, близкий к сердцу Повхатана, буду каждый день шептать ему на ухо: "Не причиняй вреда Джеймстауну, если ты любишь Матоаку".

Выражение огромного облегчения промелькнуло на лице раненого. Поистине, это было чудесно, что проявление дружбы девушки смогло таким образом успокоить его тревоги.

- Я еще раз благодарю тебя, сестренка, - сказал он. - А теперь попрощайся со мной, потому что пришли матросы, чтобы отвести меня на корабль.

Покахонтас вскочила и, склонившись над ним, излила слова нежного индийского прощания. Затем, когда носильщики приблизились, она бросилась к воротам и скрылась в лесу.

Джону Смит, лежавшему на носу корабля, расположенному так, чтобы быть ближе к морю, как он хотел, показалось, что, когда корабль медленно проплывал мимо следующего изгиба реки, он заметил между деревьями белую юбку из оленьей кожи.

ГЛАВА XVI

КАПИТАН АРГАЛЛ БЕРЕТ ПЛЕННОГО

И за три года, прошедшие с момента возвращения Смита в Англию, Покахонтас не забыла о доверии, которое он ей оказал. Много раз она посылала или приносила помощь колонистам во время ужасного "голодного времени" и отгоняла от них зло. Когда она была бессильна предотвратить устроенную Поухатаном резню Рэтклиффа и тридцати его людей, ей удалось, по крайней мере, спасти жизнь одному из его людей, маленькому мальчику. Генри Спилман, которого она отправила к своему родственному племени, патовомекам. С ними он прожил много лет.

Но ее отношения с Джеймстауном и его жителями, хотя и были самыми дружескими, уже не были такими близкими, как во времена, когда Смит был президентом, и она бывала там все реже и реже.

Тем, кто радовался ее домашнему хозяйству, был Орлиный Коготь. Он с самого начала ненавидел белых людей и внес свою лепту в уничтожение их во время резни в Рэтклиффе, хотя никогда не говорил Покахонтас, что принимал в ней участие. Теперь он был храбрецом, испытанным в мужестве и выносливости в многочисленных боевых отрядах против врагов своего приемного племени, честь и продвижение которого он сделал своими. Сам Поухатан восхвалял его деяния на совете.

Однажды Вансутис сказал ему:

"Сынок, пришло время тебе взять скво в свой вигвам. Мои руки слабеют, и молодая скво послужит тебе быстрее, чем я. Оглянись вокруг, сын мой, и выбирай.

Орлиный Коготь много лун думал о том, что *had* пришло время привести домой скво, но ему не нужно было оглядываться и выбирать. Он сделал свой выбор, и хотя она была дочерью великого Поухатана, он не сомневался, что вер отдаст ее одному из своих лучших воинов. И вот, однажды вечером в такитоке (осень), когда красное сияние лесов было наполовину скрыто голубоватым туманом, который пришел с возвращением мягких, томных дней после того, как мороз окрасил деревья и созрели колючие чинквапины и сочная хурма, Орлиный Коготь взял свою флейту и отправился в путь один.

Недалеко от вигвама Покахонтас он сел на камень и начал наигрывать жалобные ноты, которыми влюбленный индеец рассказывает о своей тоске по девушке, которую он хотел сделать своей скво.

- Ты слышишь это, Покахонтас? - спросила Клеопатра, выглянувшая из-за двери. "Это Коготь Орла, который трубит для тебя. Иди вперед, сестра, и порадуй его сердце, ибо никто из наших храбрецов не может сравниться с ним.

- Я не буду его скво. Иди сам, если ему так угодно", - и Покахонтас в тот вечер так и не вышла из своей палатки, хотя нежное пение продолжалось до восхода луны.

Однако Коготь-Орла не отчаивался. Он снискал славу не только как боец, но и как успешный охотник. Никогда он не возвращался в вигвам Вансутиса с пустыми руками. Хотя олень,

которого он преследовал, никогда не был таким быстрым, а перепел - таким осторожным, он всегда выслеживал свою добычу. И он намеревался добиться успеха в своем ухаживании.

Поэтому, даже когда Покахонтас покинула Веровокомоко, чтобы навестить своих родственников, патовомеков, он выжидал подходящего момента и проводил дни, строя новый домик неподалеку от дома Вансутис, чтобы он был готов к тому дню, когда он приведет свою скво разжечь их первый костер под открытым небом.

Тем временем дела в Джеймстауне шли все хуже и хуже. Голод стал там почти постоянным гостем. Сэр Томас Гейл еще не прибыл из Англии, и там не было никого, кто мог бы управлять Колонией твердой рукой Джона Смита. В конце концов, однако, на Совете было решено, что капитан Аргалл отправится к племени патовомеков и выторгует у них зерно.

Джапезо, шеф полиции, принял его дружелюбно.

- Да, мы будем продавать тебе зерно, как я продавал его твоему великому Военачальнику, когда он впервые появился среди нас. Какие у тебя новости о нем? Придет ли он снова к нам? Он был великим храбрецом".

Капитан Аргалл ответил:

- У нас нет от него никаких вестей. Может быть, он скончался от своей раны?" а затем, поскольку он завидовал славе Смита среди дикарей, он добавил: "В Англии так много великих храбрецов, что мы мало думаем о тех, кто ушел. Джеймстаун уже почти забыл о нем".

"Среди нас есть тот, кто не забывает его, - Японцы указали на долину позади себя, - тот, у кого он и его деяния всегда на устах".

"Кто бы это мог быть?" - спросил англичанин, гадая, не держит ли в плену в индийской деревне кого-нибудь из его соотечественников, которых он давно считал погибшими.

"Это Покахонтас, его подруга, которая каждую луну с нетерпением ждет его возвращения. Она с радостью пребывает среди нас, ибо растет неугомонной, как юный храбрец, и мы любим ее".

Пока Японец говорил, в мозгу Аргалла промелькнула мысль; и пока рабы по команде Японца высыпали меру за мерой кукурузу и вяленое мясо, англичанин дополнял свою первую смутную идею, пока, когда перед ним не лежала груда желтого зерна, его план не был полностью разработан.

"Я бы хотел, япошки, - начал он, как будто эта идея только что пришла ему в голову, - чтобы Поухатан, ее отец, так же сильно любил Джеймстаун, как и его дочь. Сейчас он даже не продает нам провизию, хотя его склад полон до отказа. Если бы мы только могли заставить его понять это, его прибыль была бы больше нашей. Осталось собрать всего несколько урожаев, прежде чем у нас будет еда в обрез, но где он найдет такие медные котлы, такие зеркала, такие ножи из блестящей стали, которые мы заплатили бы ему в обмен на то, в чем он не нуждается?

Глаза старого вождя алчно заблестели.

"Я хочу несколько сверкающих ножей; я хочу увидеть сосуд, который не разобьется, когда мои скво уронят его на камень. Я хочу кое-что из чудес, которые вы храните в своих вигвамах.

Аргалл улыбнулся; муха поймала рыбу, на которую он ловил рыбу.

"Как только человек сможет поспешить в Джеймстаун и обратно, он будет твоим, если... ты сделаешь то, о чем я прошу тебя".

- И какова же твоя воля? Теперь в индейце проснулось подозрение.

- Слушай! - продолжал Аргалл. - Ты знаешь, что Повхатан украл у нас разное оружие и держит в плену нескольких наших людей. Если он заключит с нами мир, нам не нужно будет вести наш военный отряд через леса в Веровокомоко, и жизни многих индейцев будут спасены".

Тут Япошки хрюкнули, но Аргалл, казалось, этого не заметил.

- Если бы мы держали в заложниках Поухатана, кого-то, кто был ему дорог, мы могли бы заставить его поступить так, как мы хотели.

Он сделал паузу и взглянул на индейца, который, что бы он ни думал, ничем себя не выдал.

- Если ты доверишь принцессу Покахонтас нам, - продолжал Аргалл, - ее отвезут в Джеймстаун и там будут содержать со всеми предосторожностями в доме достойной леди, пока Поухатан не согласится на наши условия и она не будет в безопасности доставлена своему отцу. И для тебя, за твою помощь в этом деле, тебе будут посланы такие подарки, каких ты никогда не видел, таких, каких еще никто, даже Поухатан, не получал".

Японец немного помолчал. Девушка была его гостьей, а его народ всегда соблюдал священный долг гостеприимства. Но он знал, что с ней не случится ничего плохого. Дружба англичанина к ней была известна всему его племени и большой привязанности ее отца к этой своей любимой дочери. Через день или два Поухатан выкупит ее, и со своей стороны в этом деле он, Япошки, получит то, чем так сильно желал обладать. Он не тратил впустую ни времени, ни слов:

"Встреться со мной здесь на закате, и я приведу ее к тебе".

Когтю-Орла и в голову не приходило покидать вигвам Вансутиса еще много дней. Там в изобилии хранилась еда, и ему нужно было заняться изготовлением нового лука и стрел. Но Вансутис, уронив камень, которым она молола кукурузу, внезапно подняла голову, как будто слышала далекие голоса. Юноша, однако, ничего не услышал. Потом она сказала:

"Сынок, если ты действительно решил взять в жены некую девушку, немедленно отправляйся искать ее в деревню патовомеков. Она пробыла там слишком долго.

Орлиный Коготь не стал требовать каких-либо объяснений слов своей матери. Он узнал, что она, казалось, обладала каким-то странным знанием, которое он не мог постичь, но которое уважал. Поэтому, без всяких разговоров, только попрощавшись, он взял свой лук, колчан и свирель для сватовства и отправился в путь.

Когда он приблизился к деревне Япезо в конце нескольких дней пути, он сказал себе:

- Не пройдет и трех дней, как я вернусь сюда со своей скво. Я больше не буду ждать, пока она будет притворяться глухой к моему пению. Она послушает это и последует за мной в мой вигвам".

Зная, что он находится среди дружественного союзного племени, Орлиный Коготь шагал так же открыто и беспечно, как он сделал бы это в Веровокомоко или Повхате. И все же внезапно, подобно оленю, почуявшему медведя, он остановился, его ноздри затрепетали; затем, скользнув за дерево, он вложил стрелу в свой лук.

"Белый человек", - подумал он задолго до того, как увидел его.

Спрятавшись за деревом, он ждал и наблюдал, как мимо проходит мужчина, который, как он знал, был новым английским капитаном, и, к своему удивлению, обнаружил, что женщины, сопровождавшие его, были Покахонтас и скво из племени Патовомеков. Это была скво Джапезо, и теперь она действовала по его указке.

"Поскольку ты столько раз видела жилища бледнолицых, - услышал Орлиный Коготь, как она говорила Покахонтас, - вправе ли ты удивляться тому, что я горю желанием собственными глазами увидеть такие странные обычаи, как у них, и чудеса, которые белый вождь хранит в каное?"

- Я не удивляюсь, - засмеялась Покахонтас. - и, по правде говоря, я рада, что иду с тобой, и благодаря нескольким словам их языка я не забыла задать за тебя вопросы, которые ты задал бы ему. У меня тоже есть к нему вопросы.

Когда они прошли, юный храбрец последовал за ними, на достаточном расстоянии, чтобы чуткий слух Покахонтас не услышал его шагов, которые для англичанина были бы бесшумными.

На берегу, к которому была пришвартована лодка, он укрылся за большим валуном, не сводя глаз с стоящих перед ним женщин. Он наблюдал, как они поднимались на борт, видел, как английские матросы встали, чтобы встретить их, и слышал нетерпеливые крики скво, когда она ощупывала их одежду и ходила по палубе маленького суденышка, пока Покахонтас объясняла, насколько ей было известно, значение якоря и паруса, кухонной утвари и мушкетов. Он увидел, как капитан Аргалл открыл маленький сундучок и раздал подарки двум женщинам, а СКВО Джапезо издала громкие крики восторга, когда ей в руки положили бусы и яркие носовые платки.

Орлиный Коготь ждал, что будет дальше. После часового наблюдения он увидел, что две женщины приближаются к ближайшему к берегу борту катера, скво впереди. Она спрыгнула на берег и легко побежала в лес. Покахонтас уже поставила ногу на планшир, чтобы последовать за ней, когда капитан Аргалл схватил ее за руку.

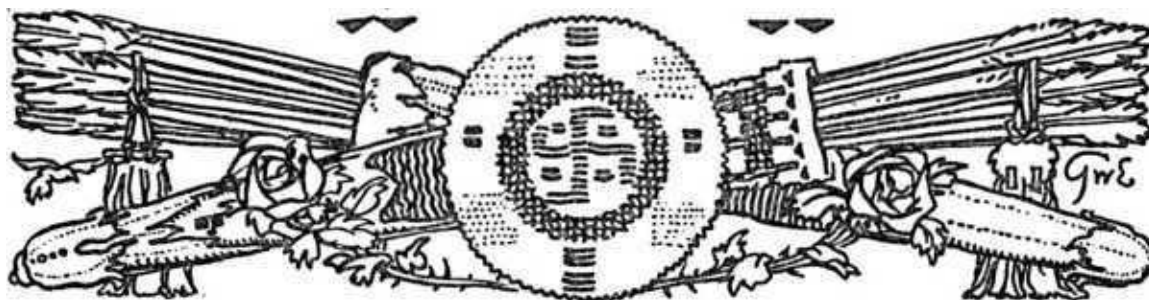
- Поезжай с нами в Джеймстаун, принцесса, - сказал он. - мы пригласим тебя в гости.

Гнев Покахонтас вспыхнул с новой силой. Никогда в жизни ее не удерживали силой. Она не тратила ни времени, ни сил на мольбы, а попыталась вырваться из его объятий. Но англичанин держал ее крепко, но нежно, и, пока она вырывалась, матросы столкнули лодку в реку.

Орлиный Коготь поднялся, чтобы получше прицелиться, и выпустил стрелу в англичанина. Пуля ударила изумленного капитана по кожаному камзолу, но лишь выбила из него дух.

- Стреляйте вон по тем деревьям, - командовал он, все еще держа Покахонтас.

Один из матросов начал целиться в заросли невидимого врага, когда Орлиный Коготь, поняв, что лодка быстро уходит из зоны его досягаемости, выбежал на открытый утес и пустил вторую стрелу. Однако прежде чем она слетела с тетивы, пуля из мушкета солдата попала ему в плечо. Когда он упал, Покахонтас издала крик ужаса, потому что увидела, кем был ее поверженный защитник.

ГЛАВА XVII

ПОКАХОНТАС ТЕРЯЕТ ДРУГА

Это была вторая ночь заточения Покахонтас. Ее не сдерживали больше, чем это было необходимо, чтобы удержать от прыжка за борт. Аргалл и матросы относились к ней со всем уважением, как из соображений политики, так и по склонности. И все же она была очень несчастна и одинока: она всегда была настолько свободна уходить и приходить, что быть заключенной в узких рамках катера причиняло почти физическую боль. Несколько раз она пыталась ускользнуть от бдительности матросов, но ее хитрость, которая на берегу подсказала бы ей способ спастись, была бесполезна на незнакомой лодке. Ее гнев на Япошек и его скво разгорался с новой силой каждый раз, когда она заостряла внимание на их предательстве. Она перебирала в уме наказание, которое она умоляла бы своего отца наложить на них.

"Подождите!" - крикнула она; и матросы недоумевали, что она говорит, когда она стояла там, глядя через корму в сторону деревни Патовомеке, ее глаза сверкали. "подождите, пока Наутауквас не приведет вас к моему отцу для пыток!"

Затем, прежде чем она устала планировать их судьбу, ее мысли обратились к Когтю-Орла. Неужели он лежит мертвый там, в лесу? Каким товарищем по играм и компаньоном он всегда был, подумала она; каким храбрым, каким сильным! Но теперь он, должно быть, мертв или, несомненно, сумел последовать за ней.

К наступлению темноты лодка встала на якорь в центре ручья, который здесь расширялся, превращаясь в небольшую бухту. Капитан Аргалл, который не знал, что и думать о нападении Орлиного Когтя, не был уверен, что Японцы не обманули его. Поэтому первую ночь и следующий день он шел как можно быстрее. Теперь его уставшим людям требовался отдых, и, поскольку никаких признаков преследования не появлялось, он разрешил им поспать. Только один матрос на носу остался на вахте, но он тоже задремал, чтобы, вздрогнув, проснуться, когда обнаружив, что все в порядке, снова заснуть.

Покахонтас лежала одна на носу, положив голову на рулон парусины, который доставал до уровня планшира. Аргалл сделал все, что мог, чтобы ей было удобно, и даже не заговорил с ней, только держал шляпу в руке и низко кланялся. Теперь она тоже заснула, ее глаза были мокрыми от слез, которые она не собиралась проливать при дневном свете. Ей снилось, что она снова в Веровокомоко и что она только что поднялась со своего спального коврика, чтобы выбежать на лунный свет, как она это часто делала.

Внезапно ее наполовину разбудил слабый-предлинный звук, едва ли более громкий, чем плеск воды о борта, который убаюкивал ее. Она открыла глаза, но не пошевелилась и ждала, напряженная от волнения. Рыба выплыла из воды, затем все снова стихло, и она снова закрыла отяжелевшие глаза. Затем он раздался снова, не громче, чем шум ветра в осинах на берегу:

"Покахонтас!"

Приподнявшись на локте бесшумным, как у кошки, движением, она вгляделась в темную воду за кормой. Из темноты появилась рука и сжала ее запястье. Ей не требовалось яркого света на черты лица внизу, чтобы понять, чье это было лицо.

- Орлиный коготь, - прошептала она, - это ты? Я думал, что ружье белого человека убило тебя, и я оплакивал тебя".

"Я целый час лежал мертвый", - ответил он, приподнимаясь в воде и хватаясь обеими руками за борта лодки. "Но хорошо, что я был ранен в плечо, а не в ногу. Скованность заставляла меня медлить, как медведя, попавшего в капкан. Но я перевязал грязь на ране своими штанинами и всю дорогу следовал за тобой по берегу".

- Я знала, что ты придешь за мной, если тебя не убьют, - прошептала она.

- Да, я пришел за тобой, Покахонтас, - и теперь в голосе юноши звучала мужская решимость.
- Не теряй времени. Опустись здесь, рядом со мной, так тихо, как будто ты выслеживаешь оленя. Мы будем плыть под водой, пока не окажемся вне досягаемости тупых ушей белых людей, и не пройдет и трех дней, как мы будем в Повхате, где сейчас пребывает твой отец.

Мысль обо всем, что значил дом, заставила Покахонтас задуматься: о добром интересе всего ее племени ко всему, что она делала; о привязанности ее отца и братьев; о притонах в лесу и на реке; о свободе ее повседневного существования. Это был ее шанс вернуться к ним. Если она им не воспользуется, что ее ждет впереди? Впервые ее охватил ужас перед неизвестностью. Сознание того, что старый и испытанный друг рядом, было таким же благодарным, как свет, сияющий перед человеком темной ночью. И все же она ответила:

- Я не могу пойти с тобой, Орлиный Коготь.

Юный храбрец издал тихий возглас изумления.

"Разве ты не знаешь, - спросил он, - что Японцы предали тебя; что тебя будут держать в плену в Джеймстауне, чтобы заставить Повхатана делать все, чего от него пожелают англичане?"

- Да, я знаю. Капитан Аргалл мне все рассказал.

- И все же ты колеблешься? Неужели ты, дочь могущественного верователя, *боишься* попытаться сбежать?

Она не снизошла до ответа на такое обвинение, а вместо этого прошептала:

- Если бы ты пришел прошлой ночью, я бы с радостью прислушался к тебе. По правде говоря, я решил сбежать этой ночью, какие бы трудности ни возникли. Покахонтас носит нож и знает, как им пользоваться. Но сегодня я стал думать иначе, потому что у меня были долгие часы для размышлений. Ты знаешь, что плен для меня так же утомителен, как для дикого голубя; и все же, когда я сидел здесь один и мне нечего было делать, я мысленно шел по следу, который вел в Джеймстаун, и поэтому я намерен отправиться туда".

-Но почему?- спросил Орлиный Коготь.

"Потому что, уйдя, я верю, что смогу послужить и нашей нации, и англичанам. Мой брат, Джон Смит, сказал, что мы должны быть друзьями, и я пообещал ему, что, когда он уедет, он всегда будет заботиться о благополучии своего народа. Мой отец так сильно любит меня, что, я думаю, чтобы освободить меня, он поступит так, как хотят англичане, и поэтому я

пойду с капитаном Аргаллом, чтобы между ними и нами прекратилась вражда. Но, - и тут ее голос повысился так, что Орлиному Когтю пришлось напомнить ей об опасности, пожав руку, - но я не стану заступаться за этого предателя Япошки и его коварную скво. Мой отец может отомстить им, когда захочет.

Ее голос, каким бы низким он ни был, повысился от волнения, и острый слух мальчика уловил движение мужской ноги по деревянному настилу. Какое-то мгновение они стояли неподвижно, затаив дыхание; затем, когда все снова стихло, Орлиный Коготь печально спросил тоном, скорбным, как шум ветра в соснах:

- Значит, ты не пойдешь со мной? Я построил для тебя вигвам, Матоака, с дымовым отверстием, достаточно широким, чтобы пропускать всю луну, которую ты так любишь. Моими стрелами были убиты молодые олени и индюшки, и я коптил и развешивал мясо для тебя, чтобы тебе хватило на весь попанов (зиму). Молодая девушка одинока, пока не последует за своим храбрецом — все это я пришел в деревню Япошек, чтобы донести до тебя. Теперь я бежал раненый по лесам и переплыл черный поток, чтобы рассказать это тебе, а ты велишь мне возвращаться одному. Но если ты не хочешь входить в вигвам Орлиного Когтя, позволь ему, по крайней мере, безопасно проводить тебя до вигвама твоего отца.

- Я благодарю тебя, Орлиный Коготь, за все, что ты сделал, - прошептала она, - и за все, что ты хотел бы сделать для меня. Во всех тридцати племенах нет более храброго воина и лучшего охотника со времен Мичабо. Но я послушал моего маниту, и он сказал мне: "Помни слово, которое ты дал своему белому брату".

Орлиный Коготь знал, что умолять бесполезно, и все же взмолился: "Вернись ко мне, Матоака; что белые люди для тебя и для меня?"

Но она прошептала: "Иди, Орлиный Коготь, иди скорее, пока матросы не проснулись. Поспеши обратно к старой Вансутис, чтобы она перевязала твою рану, и к Повхатану и скажи ему, что он должен выкупить свободу Покахонтас у англичан, вернув их людей, которых он держит в плену.

Пока она все еще говорила, мозг молодого храбреца быстро работал. Поначалу уважение, которое он испытывал к ней как к дочери великого вождя, было превыше всего, и он подумал, что должен выполнить ее просьбу и оставить ее. Однако мало-помалу он начал думать о ней как о молодой девушке, сильной и отважной, но не такой сильной, как мужчина, который теперь нуждался в помощи храбреца. Он ненавидел англичан больше, чем когда-либо, и обещание Покахонтас помочь им казалось ему всего лишь девичьей глупостью. Пусть они все погибнут на своем острове или вернутся через море, откуда пришли. Почему она должна идти с ними? Почему он должен позволить ей уйти? Кто знал, какое обращение она получит вдали от своего собственного народа? Если бы он спас ее и вернул к отцу, разве он не завоевал бы таким образом великую благосклонность в глазах Поухатана, который не отказал бы ему в ней как в своей скво? Если она не придет добровольно, он увезет ее против ее воли ради ее же блага.

Спасти Покахонтас! И вдобавок — убить ненавистных белых людей! Разве они не ранили его и не увели ее? Их было немного, и все они спали. Пока они с Покахонтас разговаривали, он выбрался из воды и перекинул ноги через корму. Теперь он встал и прошептал:

- Прежде чем я уйду, я хотел бы узнать, на что похоже их каноэ. Не бойся за меня, опасности нет, только не шевелись".

Она хотела возразить ему, но он уже был в нескольких шагах впереди нее, ступая так легко, словно палуба была покрыта гравием, который мог раскатиться и выдать его своим шумом, и она не осмелилась окликнуть его. Она видела, как он подошел к спящему матросу и наклонился; но было слишком темно, чтобы она могла разглядеть, что он зажал рот мужчины рукой, а ножом, который держал в другой руке, вонзил ему в сердце.

Предсмертные схватки моряка были бесшумными, и когда они закончились, Орлиный Коготь мягко перешел к следующему.

В этой тишине было что-то зловещее для Покахонтас; она начала догадываться, что не простое любопытство удерживало Когтя-Орла, и все же она не осмеливалась отправиться на его поиски.

Вторая жертва была убита так же легко, как и первая, а третий, хотя и пришел в себя до того, как был нанесен удар, не смог его предотвратить. Молодой храбрец, чья жажда убийства возрастала по мере того, как он продвигался вперед, испытывал сочувствие к капитану Аргаллу. Уже наступал рассвет, и он мог различить фигуры четырех других мужчин. Он склонился над одним из них; его рука, горящая от жара, вызванного раной и волнением, коснулась щеки мужчины вместо рта. Моряк мгновенно вскрикнул, еще не успев проснуться; и Орлиный Коготь, мгновенно поняв, что его игра окончена, мимоходом полоснул его ножом, когда тот бежал на корму.

Ему было бы легче прыгнуть за борт, но, хотя ему не удалось убить всех своих врагов, он намеревался спасти Покахонтас. Он бросился к ней, за ним последовал матрос. Аргалл и двое других членов команды, разбуженные криком, бросились за ними по пятам. Орлиный Коготь подхватил Покахонтас на руки и, прежде чем она поняла, что происходит, прыгнул вместе с ней в реку.

Матрос, получивший лишь легкое ранение от ножа молодого храбреца, на бегу схватил свой мушкет. Его предки были разбойниками у Робин Гуда, искусными лучниками у Генриха V при Азенкуре, чьи стрелы всегда попадали в цель французов. Такой же острый глаз и сильная рука были у него с мушкетом.

- Не стреляйте. Цельтесь! - задыхаясь, крикнул Аргалл. Он не знал, что произошло до его собственного пробуждения, хотя его ноги спотыкались о мертвые тела его людей. "Индийская принцесса там, в воде. Ради всего святого, не стреляйте, иначе все красные орды Америки окажутся на вершине Джеймстауна!"

Марк, однако, уже разглядел две фигуры в воде так близко друг к другу, что более взрослому взгляду Аргалла они показались одной. И как раз в тот момент, когда Орлиный Коготь, которому мешало раненое плечо, собирался погрузиться под поверхность реки, чтобы плыть под водой, Марк прицелился. Пуля попала в верхнюю часть головы, поранив кожу около волосистой части головы, но проникла не очень глубоко.

"НЕ СТРЕЛЯЙ, МАРК!"

Покахонтас увидела, что он не сильно ранен, но кровь, стекавшая по его лицу, в рот и нос, не давала ему возможности дышать достаточно глубоко, чтобы плавать под водой. Слабость, вызванная другим ранением, также замедлила его движения. Прежде чем он смог бы отойти на безопасное расстояние от катера, матрос выстрелил бы снова.

Но он не выстрелит в нее — эта мысль промелькнула у нее в голове!

Несколькими быстрыми взмахами она добралась до храбреца и, просунув руку под его раненое плечо, подняла его.

"Теперь, Орлиный Коготь, - крикнула она, - давай направимся к берегу. Они не посмеют стрелять в меня".

Аргалл и его люди наблюдали, как их заложник и убийца их товарищей совершали побег, в то время как они, казалось, были бессильны предотвратить это. Хотя удары Орлиного Когтя становились все медленнее и медленнее, сила Покахонтас помогала ему. Оказавшись на берегу, англичане поняли, что, несмотря на задержку из-за его раны, эти двое могли

спрятаться так, что ни один белый человек не смог бы их найти. Кроме того, вполне вероятно, что в лесу прячутся другие индейцы.

- Одурачен! Одурачен! - вскричал Аргалл, разочарованно стукнув кулаком о кулак.

Но Марк был не из тех, кто добровольно отказывается от начатой погони. Он увидел, что эти двое достигли ивы с переплетенными друг с другом корнями, протянувшимися по поверхности реки. На одну секунду юноша и девушка, прижавшись друг к другу, повисли на этом естественном выступе, набираясь сил, чтобы подтянуться к земле. Он понял, какой катастрофой было бы причинить вред дочери Поухатана. Тем не менее, он решил рискнуть.

К ужасу своего капитана, он тщательно прицелился и выстрелил. На этот раз пуля попала в цель — она попала молодому храбрецу в затылок и прошла через мозг.

В ужасе Покахонтас попыталась подхватить его на руки, прежде чем он тяжело, без звука, исчез из виду. Исчез! так быстро! Мертв! Мальчик, который был ее другом, который пытался спасти ее!

Она не могла плакать, пока плыла, не совершая сознательных движений. Затем медленно повернулась и поплыла обратно к катеру, а матросы гадали, действительно ли она возвращается к ним. Капитан Аргалл помог ей перебраться через борт.

"Теперь я поеду с тобой в Джеймстаун", - вот и все, что она сказала. Она никак не объяснила, что произошло, и отказалась отвечать на их вопросы или рассказать им, почему она решила пойти с ними, когда могла бы вновь обрести свободу.

Они подняли якорь и отправились в путь после того, как сложили вместе своих погибших товарищей. Солнце уже взошло, но воздух все еще был прохладным, и матросы принесли Покахонтас свои сухие куртки, чтобы накинуть их на нее, и поставили перед ней еду. Она не прикоснулась к нему и не отвернула лица от реки позади себя.

Когда они начали медленно плыть вниз по течению, она перегнулась через планшир и увидела, как мимо нее проплывает тело Орлиного Когтя, уносимое стремительным водоворотом. Она поднялась на ноги, солнечные лучи падали на ее лицо и поднятые руки, и она громко запела песню смерти, как пело ее племя, в то время как река спешила со своим грузом к морю.

ГЛАВА XVIII

КРЕЩЕНИЕ В ДЖЕЙМСТАУНЕ

Остаток пути до Джеймстауна Покахонтас была очень несчастна. Орлиный Коготь был дорог ей как брат, и она очень горевала о нем. Ей было тоскливо находиться вдали от своего народа, среди тех, чьи обычаи и язык были ей незнакомы; и она тосковала по Наутауквасу, которого не видела несколько лун.

Весть об их прибытии опередила их, и весь Джеймстаун собрался на пристани, чтобы поприветствовать их. Капитан Аргалл сошел на берег и объяснил, что привез с собой щедрые припасы и то, что представляло гораздо большую ценность, - дочь Поухатана. Сэр Томас Дейл, во всей красе своего лучшего пурпурного камзола и новых ярких сапогах из кордовской кожи, вышел вперед и, сняв шляпу с плюмажем, сказал:

"Добро пожаловать, принцесса, и не сердись на нас, если мы из вежливости заставим тебя пожить у нас некоторое время. Пусть тебя не смущает, что ты снова навелstil нас, погостил несколько дней у тех, кто был твоим должником с тех пор, как ты спас жизнь капитану Смити.

Покахонтас, чей гнев нарастал из-за предательства, совершенного по отношению к ней Джапезо и Аргаллом, намеревалась показать своим поведением, как она возмущена этим; но имя капитана Смита обезоружило ее. Она вспомнила прощальные слова своего белого Брата, обращенные к ней.

Она подружится с его колонией, как делала это всегда. Поэтому она улыбнулась сэру Томасу и поговорила с теми, кого знала, и позволила им показать ей дорогу к дому, который они выбрали для нее, в нескольких шагах от губернаторского. Миссис Леттис, жена одного из джентльменов, который должен был занять его вместе с ней, приготовила кое-что из своей одежды на случай, если индианка захочет переодеться; и Покахонтас, забыв об опасностях и печали прошлых дней, весело смеялась, примеряя фартингейл и широкую юбку.

- Они посылают гонцов к твоему отцу. Король Поухатан, - сказала англичанка, показывая Покахонтас, как поправить накрахмаленный воротник, который царапал ей шею так, что она скорчила гримасу. - Они скажут ему, что ты здесь, и тогда, несомненно, в своем стремлении увидеть тебя снова, он исполнит то, чего желает сэр Томас: выдаст наших людей и захваченное им оружие и даст нам триста четвертаков кукурузы. Может быть, ты захочешь послать что-нибудь от себя твоему отцу. Если так, то есть мальчик-индеец, который принес рыбу на обмен, и он может принести ее для тебя".

- Прошу тебя, приведи его ко мне, - попросила Покахонтас, медленно произнося непривычные английские слова.

Она рассматривала себя в зеркале в раме из черного дерева, висевшем напротив двери, очень заинтересованная своей странной внешностью, когда вслед за госпожой Леттис вошел мальчик-индеец. Она увидела его лицо в зеркале и узнала в нем сына вождя племени повхатан. Она повернулась и посмотрела на него, но знала, что он не узнал ее. Он смотрел не дальше, чем на ее одежду, и поэтому считал ее англичанкой. "Редкое развлечение", - подумала она и нетерпеливо посмотрела на него, ожидая увидеть его удивление, когда он

обнаружит свою ошибку. Она была вполне вознаграждена за его озадаченное выражение лица, когда окликнула его:

- Маленькая Белочка! Когда она сама перестала смеяться, она добавила: "Отнеси это печальное послание старому Вансутису. Скажи ей, что ее сын, Орлиный Коготь, храбро встретил свою смерть и что Покахонтас оплакивает его вместе с ней.

Затем она отпустила мальчика. Когда он уходил, она вспомнила, что хотела, чтобы он также передал Наутауквасу особое слово, поэтому побежала звать его обратно. Но непривычный вес одежды и обуви мешал ей, и она начала стаскивать их с себя еще до того, как добралась до дома, крича:

- Нет, я не стану заключать себя в тюрьму таким образом; верни мне мою собственную одежду, - и она глубоко вздохнула от удовлетворения, когда надела ее.

Если бы ее приезд в Джеймстаун был иным, без предательства и принуждения, которые ранили бы ее гордость, Покахонтас с большим удовольствием осталась бы здесь и поближе познакомилась с обычаями англичан. Как бы то ни было, она с беспокойством ожидала сообщения, что ее отец вернется к требованиям колонистов. На следующий день гонцы вернулись, привезя с собой англичан, которых держал в плену Поухатан, и кое-что из оружия. Они сообщили, что вероотступник пообещал, что, когда его дочь вернется к нему, он даст зерно, о котором просили белые люди.

Этот ответ не удовлетворил Совет, и изо дня в день шли переговоры, в ходе которых белые и краснокожие пытались сдерживать друг друга или уклоняться от них. Каждая сторона признавала ценность Покахонтас как заложницы. Теперь она не была несчастна. Даже если бы колонисты не сделали все возможное, чтобы отплатить добротой за всю заботу, которую она проявила об их благополучии, политика заставила бы их относиться к ней со всем уважением. Ей везде были рады, и она ходила от караульного помещения до помещения губернатора, задавая вопросы, стремясь узнать все подробности, от способа стрельбы из мушкета до нагрева сургуча и изготовления большой красной печати, которой мастер Джон Рольф, генеральный секретарь и регистратор Колонии, скреплял все документы, отправляемые Компании в Лондон.

Он все объяснил ей, стараясь подбирать самые простые слова, потому что ему доставляло острое удовольствие наблюдать, как загораются ее темные глаза, когда она начинала понимать что-то, что ее озадачивало, и потому что ее смех и быстрое появление и исчезновение в мужской атмосфере зала совета были самой приятной переменой по сравнению с ее обычным скучным спокойствием. Он был вдовцом и, хотя уже преодолел печаль от потери жены, все еще скучал по женскому обществу. Так что он был не прочь последовать за Покахонтас, когда та однажды приказала:

- Прогуляйся со мной по городу и ответь на еще несколько моих вопросов. Я припас столько, сколько белка припасает орехов для попанова — что мешает кораблю плыть с отливом к большой воде? Почему этот человек сидит, вытянув ноги перед собой?" — и она указала на плотника, который был заключен в колодки в наказание за воровство. — "И почему?" —...

И Рольф обнаружил, что так же занят, как и сам мистер Белка, отвечая на ее вопросы.

Вскоре она преодолела свой благоговейный страх перед белыми людьми, рассудив, что теперь, когда она рассмотрела их поближе, они во многом похожи на ее соплеменников. И видя, что им нравится ее беззаботность, она поддразнивала и шутила с ними.

- Не хочешь ли ты съесть хурму? - спросил я. - спросила она Рольфа, улыбаясь расставленной ею ловушке и вставая на цыпочки, чтобы сорвать одну из них с ветки над собой. И Рольф откусил от золотистого плода, не зная, что хурма, пока не созреет от заморозков, предназначена только для глаз. Она радостно рассмеялась, увидев, как его рот весь сморщился, пока он не поверил, что он никогда больше не разжмется.

- Когда-нибудь я заплачу тебе за это, - пригрозил он в притворном гневе, как только смог говорить; но она только рассмеялась еще сильнее.

Одной из причин, по которой Покахонтас была довольна тем, что осталась в Джеймстауне, было то, что она надеялась получить известие о возвращении капитана Смита. Каждый день она спрашивала, иногда госпожу Леттис, иногда сэра Томаса Дейла или любого, с кем разговаривала:

- Когда возвращается Капитан? Мне не терпится увидеть своего Брата.

И один говорил ей одно, другой другое, некоторые лгали, потому что так было легче; некоторые по полнейшему невежеству говорили, что слышали, будто Джон Смит вернулся сражаться с турками; что он растолстел и обленился в своем английском доме; что он исследует дальше по побережью; что его, возможно, ожидают в Джеймстауне со следующим кораблем. И Покахонтас, поверив тем, кто сказал последнее, потому что хотела, чтобы это было правдой, не была огорчена тем, что ждала среди незнакомых людей, чтобы первой поприветствовать его.

Местом в городе, которое больше всего возбудило ее любопытство, была церковь. Колонисты заменили первую грубую хижину на солидное здание с башней. Колокола, созывавшие Джеймстаун на ежедневные молитвы, обладали странным очарованием для индианки. Казалось, они говорили на языке, которого она не понимала. Не могла она понять и церемонию, за которой наблюдала, широко раскрыв глаза, коленопреклоненных мужчин и женщин и священника в белом одеянии, простиравшего над ними руки.

- Что это означает? - спросил я. - спросила она, и Рольф, вспомнив, что обращение язычников было одной из причин, по которым Европа отправляла колонии в Новый Свет, попытался объяснить ей тайны своей веры. Но он счел это слишком трудной задачей и попросил преподобного Томаса Александра Уитекера взяться за нее вместо него.

На это ревностный и кроткий служитель Евангелия с радостью согласился. Это была прекрасная возможность, о которой он мечтал с момента своего приезда в Вирджинию — сделать обращенного индейца настолько заметным, чтобы это обращение могло привлечь других. Более того, его заинтересовала сама девушка. Но сделать это было не так-то просто. Познания Покахонтас в английском языке не простирались дальше простейших выражений; и он счел необходимым перевести длинные и заумные теологические догмы в знакомые термины. Он почти отчаялся заставить ее понять, пока не вспомнил, как его Учитель учил притчами. Поэтому он пересказал случаи из Своей жизни в историях, которые привели индийскую девушку в восторг. Он показывал ей фотографии в тяжелых томах в кожаных переплетах и пытался, с меньшим успехом, объяснить смысл ежедневных религиозных служб, которые он проводил в церкви.

"Почему вы всегда ставите цветы на этот стол?" - спросила она, указывая на вазы на алтаре, которые губернатор велел всегда наполнять свежими цветами, пока леса и берега рек могут их доставлять. "Какая польза от них твоему богу?"

- Разве ты не наслаждаешься солнечным светом. Принцесса? - ответил священник, когда они сидели в прохладной тени затемненной церкви, глядя через открытую дверь на колышущиеся зеленые ветви и реку за ними. "Я видел, как ты поднял свои руки в погожий день, когда быстрые белые облака плыли по голубому небу, как будто ты хотел обнять всю широкую землю. Почему ты находишь удовольствие в таких вещах?"

"Потому что, - заколебалась девушка, подыскивая причину, - потому что они делают меня счастливой".

"Потому что, - добавил он, - они прекрасны. И Бог, создавший всю эту красоту, тоже радуется ей — зеленым полям и благородным деревьям, прекрасным девушкам, сильным мужчинам и счастливым детям. Поэтому в знак этого мы возлагаем на Его стол прекрасные цветы".

"И разве он не наслаждается заклинаниями шаманов и джоссакидов (вдохновенных пророков) и самоистязанием?" - спросила она.

"Нет, - ответил он, - все это от дьявола; наш Бог - любовь. Подумайте о разнице".

И Покахонтас действительно много думала о том, что он ей сказал. Ее дух созрел в этой новой атмосфере, как быстрорастущая виноградная лоза, с каждым днем поднимающаяся все выше. Отецеская доброта доктора Уитекера к ней и ко всей колонии стала для нее символом нежности Бога, о котором он учил ее. Кроме того, этим странным новым божеством был бог ее Брата Джона Смита; и все, что было ему дорого, она хотела сделать своим собственным.

В течение нескольких недель продолжались инструктажи, и, наконец, доктор Уитекер сказал сэру Томасу Дейлу, что, по его мнению, индийская принцесса теперь достаточно впечатлена учением христианства, чтобы креститься. Итак, сэр Томас, встретив ее однажды днем, когда она стояла на пристани, наблюдая, как люди разгружают корабль, только что прибывший из Англии, начал:

"Даже хорошо, принцесса, я рад новостям, которые доктор Уитекер только что сообщил мне, что он полностью посвятил тебя в учения нашей благословенной веры и что ты проявила мудрость и понимание. Поэтому пришло время тебе засвидетельствовать перед людьми истину и принять из его рук благословенное таинство крещения и публично поклясться, что ты больше не будешь иметь ничего общего с языческими богами, которым твой народ по невежеству поклоняется".

"Я их не отдам", - закричала Покахонтас с гневом, какого не проявляла уже много дней; и, к изумлению сэра Томаса, она повернулась к нему спиной и умчалась, быстрая, как лань, в заросли, которые все еще покрывали часть острова.

Там она лежала на земле, тяжело дыша от волнения и страстно перебирая свои доводы: "Почему я должна покидать Оки моих отцов? Почему я должен ненавидеть то, чему служат мои братья? Почему я должен предпочитать этого бога чужаков?"

Она не знала, что внезапный приступ тоски по дому был главной причиной этой вспышки гнева. Ей хотелось посидеть на коленях у отца, поохотиться с Наутауквас; и она задавалась вопросом, не перестали ли они заботиться о ней, раз оставили ее среди чужаков.

Здесь, на закате, доктор Уитекер, пущенный по ее следу испуганным сэром Томасом, нашел ее и, сев рядом с ней, мягко заговорил с ней, не придираясь к ее преданности своему народу и их верованиям, но объясняя, что у них никогда не было возможности услышать то, чему ее учили, и как, признавая христианского Бога, она могла бы побудить тех, кого любит, делать то же самое и пользоваться Его великими дарами.

Священнику не удалось убедить ее ни за один день, но к тому времени, когда наступил апрель, Покахонтас охотно согласилась на свое крещение. Одетаая госпожой Леттис в простое белое платье без рюшек и бахромы, с длинными черными волосами, спадающими на спину, Покахонтас направилась к маленькой церкви, заполненной всеми жителями и несколькими индейцами с материка, которые недоумевали, что все это значит; и пока колокола тихо звонили в мягком весеннем воздухе, Покахонтас, первая из своей расы, была крещена в христианскую веру с новым именем Ребекка.

ГЛАВА XIX

ДЖОН РОЛЬФ

Джону Рольфу и всем, кто внимательно наблюдал за леди Ребеккой — так ее теперь называли, — казалось, что маленькая индийская девушка обрела новое женское достоинство после своего крещения. А для Джона Рольфа в "special" она с каждым днем становилась все милее. Он проводил с ней много времени, прогуливаясь по всему острову Джеймстаун и даже по материку. В лесу она научила его тому же, чему он научил ее в городе: наблюдать за повадками диких животных и находить дорогу в непроходимом лесу. Часто они плыли на лодке ловить рыбу или добывать устриц на индийский манер.

Временами Рольф был очень счастлив, а в другие моменты растерян и подавлен. Для него было радостью находиться в обществе человека, который заставлял его почувствовать, насколько прекрасна жизнь и как полны интереса и красоты леса, поля и река. И все же, когда ему пришла в голову мысль о браке, он вспомнил о трудностях на этом пути. Во-первых, она была, хотя и называлась принцессой, всего лишь дочерью жестокого дикого вождя, привыкшей к диким нравам. Почему он, английский джентльмен, должен выбрать ее вместо женщины своей расы, воспитанной на манер своего народа?

Тогда, даже если бы он захотел, маловероятно, что Поухатан согласился бы выдать свою дочь замуж за белого человека или губернатор на его стороне разрешил бы это. Так он размышлял; но, несмотря ни на какие препятствия на его пути, он снова и снова возвращался к своей решимости завоевать любовь Покахонтас и жениться на ней. Теперь, когда она стала христианкой, между ними стало на один барьер меньше.

Рольф полагал, что его чувства к Покахонтас остались никем незамеченными, но госпожа Леттис, которая очень полюбила индейскую девушку, вверенную ее особой заботе, была далеко не слепа во всем, что касалось ее подопечной. Более того, она достаточно слышала о дискуссиях, проходивших в Совете, чтобы знать, что такой брак будет одобрен, поскольку он обеспечит Колонии ценную дружбу Повхатана. Но она также знала о препятствии, которое могло помешать его осуществлению. Этим своим знанием она была полна решимости поделиться.

Однажды она пригласила некоторых членов Совета к себе домой выпить бочонок виски, который ее брат из Лондона прислал ей последним кораблем. Она также испекла пирог, и настолько превосходным был его вкус после пресного простого хлеба, что многие из ее гостей вздохнули, вспомнив о своих домочадцах, в которых не было женщин; а те, у кого остались жены в Англии, решили послать за ними без дальнейших проволочек.

- Но что я должна сказать, ваши милости, - продолжила она, закончив сервировку и усевшись отдохнуть в кресло с высокой спинкой, - так это то, что леди Ребекка никогда не выйдет замуж за другого, пока лелеет мысль о возвращении капитана Смита.

- Что? он научил ее любить его? - воскликнул тот, кто с радостью выслушал бы любое зло в адрес Смита.

"Нет, если бы ты даже задал ей такой вопрос, она не знала бы, что ответить. Она постоянно думает и говорит о нем, и в ее мыслях он стоит посередине между богом и старшим братом,

как она его называет. Все знания, которые она приобретает, усвоены потому, что она верит, что он хотел бы этого и будет рад узнать, что она больше не невежественное дитя леса, какой он впервые увидел ее. Она хотела даже отложить свое крещение, потому что ожидает его на каждом корабле, и я это прекрасно знаю — она ни за кого не выйдет замуж, пока не поговорит с капитаном Смитом или, - тут она сделала многозначительную паузу, - не поверит, что он мертв.

Она снова сделала паузу, чтобы ее слова осмыслились. Госпожа Леттис не желала Покахонтас зла. Действительно, она очень любила ее и больше всего на свете желала видеть ее счастливой. И она верила, что Рольф как ее муж сделает ее счастливой. Смит, если и не был действительно мертв, то вряд ли вернулся в Джеймстаун, и поэтому, по мнению Покахонтас, ему лучше быть мертвым, подумала она. Достойная дама подобрала свою аудиторию, которая состояла в основном из мужчин, хорошо известных как враги Смита, которые не удержались бы от небольшой лжи, когда были уверены, что это поможет обезопасить их от нападений индейцев, которые оказались столь катастрофическими для их маленькой общины.

"Мы глубоко поражены твоими словами. - Госпожа Летиция, - сказал наконец один из ее гостей, - и, по правде говоря, потребовались ваши женские глаза, чтобы увидеть, что творилось у нас под самым носом, и ваш женский язык, чтобы показать нам важность ухаживаний мастера Рольфа для благополучия Колонии. Если такая мелочь, как то, что ты предложил, - это все, что стоит между нами и подтверждением этого брака, что ж, от нее так же легко избавиться, как от кувшина из мешка твоего брата, который я пью за твое здоровье.

Он поставил опустевшую чашку на стол, и компания поднялась, собираясь уходить, теперь, когда и с делами, и с развлечениями было покончено. Им не нужно было много говорить о том, что они намеревались делать.

Когда они прощались с миссис Леттис, рассыпаясь в комплиментах по поводу ее хозяйственности и рвения к обустройству дома, в дверях появилась Покахонтас. Как хорошо знала госпожа Леттис, она была в гостях у Рольфа, показывая ему, как ее народ сажает табак, поскольку он очень заинтересовался этим сорняком — будучи первым в Колонии, кто начал его выращивать, — и выразил, как показалось его соседям, смехотворные надежды на будущее богатство, которое можно получить от продажи табака в Англии.

Покахонтас нетерпеливо огляделась по сторонам и, пока мужчины снимали шляпы, спросила:

"Что случилось, господа, что так много людей пришло навестить нас одновременно? Это похоже на наши советы, когда старые вожди спорят о пожарах в совете".

Никто не стремился отвечать первым, но поскольку какой-то ответ был необходим, советник, подтвердивший проницательность госпожи Летиции, медленно и торжественно произнес:

- Мы пришли. Принцесса, чтобы соболезновать вместе с тобой в связи со смертью твоего друга, капитана Джона Смита.

- Мертв! - воскликнула Покахонтас. - Он мертв?

И все мужчины, которые не хотели отягощать свою совесть произнесенной ложью, согласно кивнули. Они думали увидеть, как девушка разрыдается или убежит, как они не раз видели, когда она была недовольна; но вместо этого она стояла неподвижно, ее лицо было неподвижно, как у статуи. Они были рады ускользнуть, пробормотав слова сочувствия.

И когда они ушли, в любопытных и любящих глазах миссис Леттис не было никаких признаков печали.

"Я признаю свою неправоту, - сказала она в тот вечер своему мужу. - Капитан ее нисколько не волнует. Я проплакала весь день на прошлое Михайлов День, когда умерла моя старая собака.

Но в ту ночь миссис Леттис не слышала, как открылась дверь и как зашуршали ноги Покахонтас в мокасинах, когда они спешили по улице к тихому месту на берегу реки, куда она часто ходила. Сердце девушки было так переполнено, что под крышей, она чувствовала, оно разорвется. И до рассвета она стояла на берегу, обратив лицо на восток, к морю, через которое он уплыл, оплакивая своего "Брата" по обычаю своего народа, то взывая к Оки, чтобы тот проводил его в счастливые охотничьи угодья, то моля Бога перенести его душу на христианские небеса.

Джон Рольф не нашел ничего плохого в Покахонтас, когда увидел ее на следующий день, и никто из заговорщиков не рассказал ему о ложных новостях, которые они сообщили леди Ребекке, или о своей заинтересованности в его уходе.

И его ухаживания были очень нежными и чудесными для Покахонтас. Она знала, что ни один индийский любовник никогда не завоевывал свою скво таким способом. Она с изумлением слушала его слова, когда он сказал ей, что хочет, чтобы она стала его женой, чтобы она построила для него дом на этой новой земле. Когда она дала ему слово, ей показалось, что она сама героиня одной из историй, которые она так часто слушала о пожаре в вигваме, о олене, который, возможно, волшебным образом примет человеческий облик, или о птице, которой духи даровали дар речи, — настолько неизмеримо превосходными все еще казались ей англичане.

Прошло несколько недель, и сэр Томас Дейл, которому не терпелось урегулировать их разногласия с Поухатаном, решил отправиться в Веровокомоко и взять Покахонтас с собой в качестве миротворца. С ними на корабле Аргалла отправились Джон Рольф, мастер Спаркз и сто пятьдесят человек.

Когда они попытались высадиться в деревне близ Веровокомоко, индейцы повели себя очень высокомерно и воспротивились их переходу. В ответ англичане открыли по ним огонь, и когда перепуганные дикари побежали в лес, спасаясь от оружия белых людей, победители сожгли все домики в городе и бессмысленно испортили зерно, сложенное на складе.

Покахонтас, опечаленная враждой между теми, кого она любила, умоляла сэра Томаса:

Позволь мне пойти к моему народу. Они прислушаются ко мне, и я поспешу к своему отцу, и когда он увидит меня еще раз, он ни в чем не откажет мне. И прошло много времени с тех пор, как я в последний раз смотрела ему в лицо, - взмолилась она.

Но сэр Томас отказался. Он не хотел терять эту ценную заложницу; даже при том, что Покахонтас, возможно, и стремилась вернуться, он был уверен, что старый вождь никогда не позволит ей покинуть его.

- Тогда, пожалуйста, - печально предложила она, - пошлите гонцов от моего имени, сказав, что вы воздержитесь от дальнейших сражений на ночь и день. Если посланцы понесут это мое перо, - тут она сняла с повязки перо белого орла, - они смогут в безопасности пройти, куда пожелают. Когда они уходили, она приказала им: "И попросите моего отца прислать ко мне моих братьев, поскольку я не могу пойти к ним".

Теперь, когда она снова была так близко от дома, ее охватила тоска по кому-то из членов своей семьи, кого она не видела много лун. Она была уверена, что ее отец не приедет, потому что он не захотел бы лично общаться с белыми людьми. Она с тревогой ждала, напрягая зрение и слух в ожидании звука возвращающихся гонцов.

Примерно через час или около того она увидела вдалеке приближающиеся две высокие фигуры и выпрыгнула из лодки на берег с криком:

- Наутоквас! Катано! - кричали двое ее братьев, спешивших ей навстречу.

- Это действительно наш маленький Матоака? - спросил Наутауквас. - невредимый и здоровый?

Он критически оглядел ее, словно пытаясь обнаружить в ней какую-то разительную перемену.

- Мы боялись, что не знаем, какое злое снадобье они могли применить против тебя, маленькое Снежное Перышко. Как они обращались с тобой в твоём плену?

- Но не бойся больше, - крикнул Катано, чей взгляд был прикован к каноэ бледнолицых. - Мы спасем тебя сейчас, даже если нам придется убить их всех до единого, чтобы освободить тебя.

- Нет, братья мои, - сказала Покахонтас, нежно кладя ладонь на его жилистую руку, - они мои друзья, и они хорошо относились ко мне. Смотрите! я истощен голодом или сломлен пытками? Не причиняйте им вреда. Я пришел умолять нашего отца помириться с ними. Как будто это дерево должно умолять небо и землю не ссориться, поскольку и то, и другое ему дорого. Англичане - великая нация. Давайте дружить с ними".

- Они околдовали тебя, Матоака? - сурово спросил Катано. "Неужели ты забыл вигвам своего отца теперь, когда ты жил среди этих чужеземцев?"

"Нет, брат, но..."

Наутауквас быстро заметил замешательство Покахонтас и румянец, появившийся на ее нежных смуглых щеках.

"Я думаю, - сказал он, улыбаясь ей, - что нашей младшей Сестре есть что рассказать нам. Давай сядем здесь, под деревьями, как мы так часто сидели, когда уставали на охоте, и послушаем ее слова.

Поначалу Покахонтас было нелегко объяснить, как это произошло. Но, сидя там, на теплых коричневых сосновых иголках, тесно прижавшись к плечу Наутаукваса, она набралась смелости рассказать о сильном, прекрасном англичанине, который многому ее научил, и о том, как однажды он попросил ее стать его женой по обычаю белых людей. Она рассказала им также, что сэр Томас Дейл, губернатор, охотно дал свое согласие.

- Неужели вы не верите, - закончила она, нетерпеливо глядя сначала на одного, потом на другого из своих братьев, - что наш отец ради меня заключит мир с народом, к которому принадлежит мой храбрец?

Катано ничего не сказал, но Наутоквас положил руку на плечо сестры и испытующе посмотрел ей в глаза:

- Ты счастлив? - спросил я.

"Да, брат, я очень счастлив. Он дорог мне, потому что я знаю его, и потому что я его не знаю. Ты, конечно, не забыл, как Матоака всегда стремилась к тому, что лежало неизведанным за ее пределами".

- Твой маниту заговорил? снова спросил Наутауквас.

"Бог христиан теперь мой бог", - ответила она.

- Так и должно быть, - сказал Наутауквас, хотя Катано нахмурился. - женщина должна поклоняться духам, которым молится ее храбрец. Значит, с тобой все в порядке?

- Все, если только мой отец согласится заключить мир. Я бы хотела, я могла бы пойти к нему. Любит ли он меня по-прежнему? - задумчиво спросила она.

- Он говорит, - ответил Наутауквас, - что любит тебя как родную душу и, хотя у него много детей, ни от кого так не радуется, как от тебя.

Покахонтас вздохнула наполовину печально, наполовину радостно. "Передай ему мой любящий привет. Брат, - сказала она, - и скажи ему, что мысли Матоаки обращаются к нему каждый день, подобно тому, как прилив поднимается по реке от моря".

"Он согласился, - сказал Катано, - на перемирие до такиток (опадания листьев), если англичане пришлют ему важных заложников, которых он сможет удерживать, как они удерживают тебя".

"И Клеопатра, и другие наши сестры, и старая Вансутис, как у них со всеми, и...." и Покахонтас связала имена большинства жителей Веровокомоко вместе в своих расспросах. Она выслушала все новости, которые они могли ей сообщить, о великих подвигах, совершенных молодыми храбрецами, и мудрых речах, произнесенных старыми вождями на совете, о танцах урожая, о потерях на тропе войны и о старом Вансутисе, который стал еще более странным и молчаливым после смерти Орлиного Когтя. Затем Покахонтас рассказала им о том, как он ушел; и глаза Катано вспыхнули, когда он услышал о трех бледнолицых, убитых его другом.

Они не заметили, как долго сидели и болтали, пока не увидели самого сэра Томаса, спускающегося с корабля в сопровождении Рольфа и мастера Спаркса.

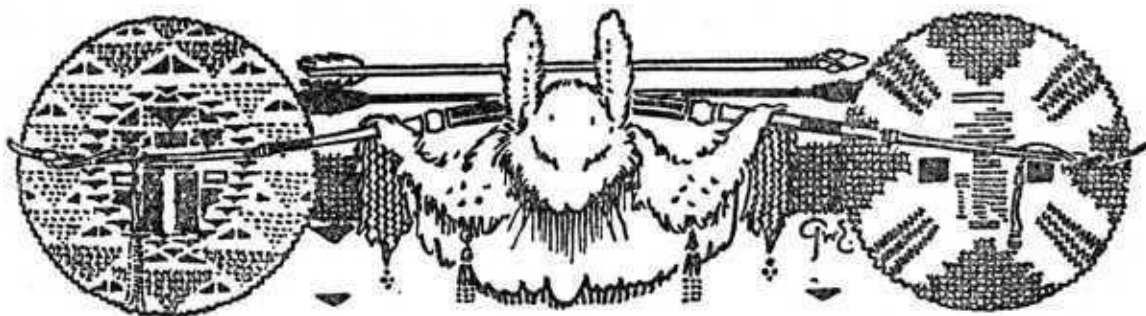
- Эти двое, принцесса, - сказал он, - будут заложниками, которых мы отправим к твоему отцу, а твои братья останутся с нами.

Оба индейца внимательно посмотрели на белых мужчин. По взгляду, который их сестра бросила на Рольфа, они поняли, что он, должно быть, ее обрученный муж. И Рольф с таким же любопытством посмотрел на своих будущих зятьев. Они были высокими, как их отец, сильными и хорошо сложенными, мужчинами, на которых любили смотреть другие мужчины, независимо от их цвета кожи. Но особенно ему нравился Наутауквас. Он вспомнил, что Джон Смит сказал о нем, что он был "самым мужественным, миловидным и смелым духом, которого я когда-либо видел в дикаре".

Немного поговорив, Рольф и Спарксес в сопровождении нескольких индейцев, которым Наутауква доверил их, отправились в путь в Веровокомоко. Они не боялись, что им причинят вред, но им было жаль времени, которое они должны были проводить вдали от колонии. По их прибытии Поухатан, который все еще был зол на англичан, отказался их видеть, поэтому Опечанчаноу принял их и пообещал заступиться за них перед своим братом. Гонец Наутокваса принес ему известие об отношениях Рольфа с его племянницей.

Тем временем перемирие было продлено до осени, и англичан отправили обратно в Джеймстаун. Наутауквасу и Катано понравилось проводить время на острове среди бледнолицых, Катано интересовался только фортом, его пушками и кораблем, а Наутаукваса интересовали не только они, но и разговоры, насколько он мог, с колонистами. Они с Покахонтас снова отправились вместе на охоту на материке, поскольку губернатор разрешил им полную свободу приходить и уходить, когда им заблагорассудится, будучи уверенными, что Наутауквас сдержит свое слово не покидать Джеймстаун до тех пор, пока Поухатан не отправит обратно Рольфа и Спаркса.

И в тот день, когда они вернулись, двое храбрецов отправились к своему отцу в Орапакс.

ГЛАВА XX

СВАДЬБА

Ранним апрельским утром 1614 года все в Джеймстауне были на ногах. Солдаты и несколько детей из поселения, впечатленные важностью своего поручения, отправились в лес, чтобы срезать большие побеги дикой азалии и магнолии для украшения церкви.

Сэр Томас Дейл, да и, по правде говоря, все кавалеры города, убедившись, что их лучшие костюмы в порядке, вздыхали о прорехах от моли на камзолах из драгоценной ткани и прорехах на воротниках и манжетах из фламандского кружева, но в целом были довольны своим праздничным видом. Несколько женщин из Колонии, миссис Истон, миссис Хортон, Элизабет Парсонс и другие, конечно же, приготовили свои наряды за много дней до этого. Не часто у них был повод облачиться в те наряды, которые они с такой тщательностью и опасениями упаковали еще в своих английских домах; и это было событие, в котором никто в мире никогда прежде не участвовал. Здесь был английский джентльмен старинного происхождения, который должен был жениться на дочери великого языческого правителя, человека, в чьей власти было помогать или препятствовать развитию этой первой постоянной английской колонии в Новом Свете. Вдобавок к тому, что они старались вести себя как можно веселее, они приготовили свадебный завтрак для знати в доме губернатора, и губернатор позаботился о том, чтобы мясо, другие яства и эль были розданы из общего запаса солдатам, рабочим и индейцам, их гостям.

Стража в форте была занята тем, что впускала индейцев и приказывала им сложить луки, топоры или ножи; хотя, по правде говоря, никто в тот день не ожидал никаких враждебных действий, поскольку согласие Повхатана на брак его дочери положило конец вражде между ними.

Сам он на церемонию не пришел. Он не собирался ступить ни на какую землю, кроме своей собственной, но он отправил в качестве своего представителя дяде Покахонтас, Опечиско, и множество посланий с выражением любви "своей самой дорогой дочери". Пожилой верованс был одет во все церемониальные одеяния своего племени: головной убор из перьев, леггинсы и пояс, а также длинную мантию из оленьей шкуры, густо расшитую бисером из ракушек. С ним пришли Наутокваус и Катано. Они вдвоем бродили по городу, как им заблагорассудится, и Наутокваус, увидев, что Рольф прибывает на лодке со своей плантации Варина, где он построил дом для Покахонтас, вышел вперед, чтобы поприветствовать его. Его любовь к Покахонтас вызвала у него желание поближе познакомиться с ее будущим мужем. Хотя этот человек принадлежал к другому миру, чем его собственный, хотя его мысли и поступки отличались, он был человеком таким, какой он есть; поэтому храбрый индеец попытался оценить его теми же методами, которые он использовал, оценивая мужчин своей собственной расы, — и он был удовлетворен. Рольф, узнав его, сердечно пожал руку и немного поговорил, расспрашивая о членах его семьи, которых он знал, когда был заложником в Веровокомоко.

После того, как Рольф оставил его и вошел в дом губернатора, Наутокваус обернулся, чтобы узнать, что делает Катано, но ничего не смог увидеть.

Катано не испытывал к Рольфу такого же интереса, как его брат, и направился к дому Покахонтас. У него был вопрос, который он хотел задать ей, пока Наутоквауса не было

рядом. Он нашел свою сестру в белом платье, с ярко вышитыми мокадинами на ногах и венцом из бус и перьев на голове.

"Разве ты не украсишь себя, - спросил он, - яркими цепями белых людей?"

"Нет, брат, - ответила она, - может быть, когда-нибудь я надену эти странные одежды, а яркие цепи и драгоценности надену завтра, когда стану женой англичанина; но сегодня я все еще всего лишь дочь Поухатана".

Катано больше ничего не сказал, но все еще стоял в дверях.

"Входите, - пригласила Покахонтас, - и посмотрите, как я живу".

- Я вижу достаточно, - ответил он, поворачивая голову из стороны в сторону. - но где обитает Оки белого человека?

"Бог христиан?" спросила она, озадаченная его вопросом. "В небе над нами".

"Но откуда шаманы вызывают к нему?" - продолжал он.

- Вон там, в церкви, вон то здание с козырьком, - указала она.

"Я еще немного пройду", - объявил Катано и оставил ее. Когда он подумал, что Покахонтас больше не наблюдает за ним, он поспешил в направлении церкви. Во время своего предыдущего короткого пребывания в Джеймстауне он ни разу не был внутри и думал о нем — если вообще обращал на это внимание — как о каком-то складе.

Он обнаружил, что дверь открыта, и тихо вошел, осторожно оглядываясь по сторонам, пока не убедился, что там никого нет. Затем он толкнул дверь и запер ее на засов. Покончив с этим, он с любопытством принялся осматривать здание. В конце, навстречу восходящему солнцу, находилось возвышение из трех ступеней, которое навело его на мысль о приподнятом помосте, тянувшемся поперек церемониального ложа Поухатана. Она была обшита красноватой древесиной кедра, на ней стоял стол из темного дерева, покрытый белой скатертью, а солнце, проникающее через окна наверху, заставляло ярко блестеть вазы, наполненные цветами. В той части, где он стоял, было много скамеек и стульев, и везде, где только можно было их поставить или повесить, было в изобилии благоухающих цветущих ветвей.

Сама простота церкви внушала ему благоговейный трепет; если бы здесь было множество мебели, странных предметов, назначение которых он не мог понять, он бы почувствовал, что ему есть на что смотреть и чего бояться. Его порывом было выбежать на солнечный свет, и он повернулся к двери. Затем он вспомнил, зачем пришел, и снова замер.

Он внимательно прислушался, но не услышал ни звука; затем, достав из сумки, висевшей у него на боку, комок оленьего сала, он намазал им стенки скамеек и спинки стульев. Затем, взяв пригоршню табака из того же сосуда, он начал посыпать небольшой круг в центральном проходе. Когда это было сделано, он уселся внутри него, скрестив ноги. Медленно и неторопливо он достал из большого мешка, висевшего у него за спиной и прикрытого длинной мантией, маску, несколько потерявшую форму из-за того, что она находилась в тесном помещении, и погремушку, сделанную из тыквы, наполненной камешками. Он прикрепил маску к своему лицу так осторожно, как будто хотел, чтобы за ним наблюдало все его племя, и положил погремушку себе на колени. Все эти

приготовления проходили так тихо, что никто из тех, кто мог бы находиться в церкви, не смог бы обнаружить присутствие индейца с помощью одних только ушей.

Катано приехал в Джеймстаун не с единственной целью стать свидетелем свадьбы своей сестры. Не совсем по своей воле он собирался сейчас предпринять опасный эксперимент. Он ни в коем случае не был трусом: длинный ряд его скальпов свидетельствовал о его доблести как храбреца; но, в отличие от Наутаукваса, он был из тех, кто следовал туда, куда вели другие, кто повиновался, когда другие приказывали. Он был яростен в бою, безжалостен к врагу, даже мечтать не мог, как его отец и брат, о том, что белые люди могут стать ценными союзниками и друзьями. Он с радостью убил бы их всех, и ему все больше и больше не хотелось, чтобы Покахонтас соединилась с одним из этих незваных гостей, как он их называл, потому что он понимал, что ее брак установит мир между двумя народами. Он надеялся обнаружить, что Покахонтас принуждают к этому браку, и в этом случае он был готов в последний момент совершить какой-нибудь отчаянный поступок; но он не мог не видеть, что она была счастлива и свободна в своем выборе и никогда бы не последовала за ним добровольно или ушла спокойно, если бы он попытался заставить ее.

Катано был членом тайного общества Медививина и очень верил в знахарей и шаманов. Он никогда не предпринимал даже охотничьих экспедиций, если не просил шамана посоветоваться со своим Оки, чтобы решить, будет ли этот день удачным. В каждой религиозной церемонии он принимал активное участие, соблюдал пост, если шаманы говорили, что это угодно Оки, убивал своих врагов или сохранял их для рабов, в зависимости от того, что предлагали шаманы. Сам он был малоразговорчив, за исключением тех случаев, когда после победы громко и долго хвастался; но больше всего на свете он любил слушать, как шаманы рассказывают истории, сидя зимними вечерами у костра в вигваме или лежа в долгие летние сумерки на мягкой высохшей траве, о превращении людей в выдр, медведей или оленей, о преследовании злых демонов, о магических заклинаниях. И шаманы, всегда уверенные в том, что в Катано есть аудитория, придавали ему большое значение и во многих отношениях, без его ведома, использовали его как инструмент.

Теперь, по их приказу, он сидел неподвижно, если не считать его губ, которые произносили ровным и громким, как у древесной жабы, голосом слова заклинания, которому они его научили. И все это время он, который никогда не трепетал перед врагом, дрожал от страха перед неизвестным. Конечно, со стороны шаманов было мудро провести это испытание, но он хотел бы, чтобы кто-нибудь из них занял его место. Но они знали, что у них никогда не было бы шанса проскользнуть незамеченными, как это сделал он, в вигвам "Оки белого человека".

Ему было интересно, как этот странный Оки ответит на его призыв, ибо он знал, что должен ответить. Заклинание было таким сильным лекарством, что ни один дух не мог устоять перед ним, особенно когда он тряс погремушкой, как делал сейчас, вставая на ноги и поднимая ступню все выше и выше, когда, согнувшись, он ходил круг за кругом на цыпочках, всегда в пределах табачного круга. Шаманы были полны решимости выяснить, что за оки защищали белых людей, и только в этом месте они могли это сделать. Бледнолицые знали так много вещей, которым индеец никогда не учился и которым он должен научиться, если хочет выстоять против ужасной медицины чужаков.

Катано боялся, что может забыть некоторые волшебные слова, которые произнесут оки, которые шаманы сказали ему, что он должен крепко запомнить, как держал бы в руке

скользкого угря. Даже если он их не понимал, он должен был просто запомнить их, потому что они были бы достаточно мудры, чтобы истолковать их. Он также имел в виду, если бы у него только хватило смелости, попытаться заставить Оки помешать свадьбе.

Он осторожно тряс погремушку, опасаясь, что ее могут услышать за пределами церкви; но теперь, желая поскорее покончить с этим ужасным занятием, он начал трясти ее изо всех сил, бросая последний вызов странному духу.

Бим! Бам! Boum! BOUM! Бим!

Катано подпрыгнул, как олень, услышавший позади себя треск ветки. Здесь, в глубоком медном звоне свадебных колоколов, зазвеневших на колокольне над ним, ему показалось, что он услышал ответ, который его заклинание вырвало из Оки белого человека. Но голос был таким ужасным, таким громким, что, забыв о наставлениях шамана, забыв обо всем, кроме своего желания сбежать, он бросился к двери, яростно отодвинул засов и побежал, все еще преследуемый "ним, барном, боумом", пока не добрался до форта, где перепуганные часовые, у которых не было приказа не допускать ни одного индейца к *выходу* из города, пропустили фигуру в маске через ворота.

Доктор Джеймс Бак, который вместе с доктором Уитекером должен был провести церемонию, прибыл в церковь как раз в тот момент, когда свадебная процессия начиналась с другого конца города. Его нога обо что-то ударилась. Он наклонился и поднял погремушку, его пальцы были покрыты коричневой пылью. Поспешно схватив метлу, стоявшую в ризнице, он смел табак по проходу в угол. Любопытную погремушку он спрятал вместе с замененной метлой, чтобы исследовать ее позже. Затем он занял свое место в алтаре, где вскоре к нему присоединился доктор Уитекер, и через открытую дверь двое священнослужителей наблюдали за приближением своей паствы. Большинство из них были мужчинами, кавалерами, столь же изысканно одетыми, хотя их одежды были несколько выцветшими, как будто им предстояло заседать в Вестминстерском аббатстве; солдатами в кожаных куртках; пекарями, каменщиками, плотниками со свежесмытыми лицами и руками, в своих воскресных нарядах из фастиана и без рабочих передников; и несколько женщин были в узорчатых полосатых платьях и дамастах.

Теперь, когда прихожане заполнили все места и выстроились вдоль стен, несколько индейцев, все родственники Покахонтас, проскользнули внутрь и молча встали с лицами, которые казались неживыми, если не считать остроты их любопытных глаз. В дверях появились Покахонтас, старый Опечиско и Наутауквас.

Внезапное ощущение чуда этого брака охватило Александра Уитекера. Эта индийская девушка, обитательница лесов, застенчивая и гордая, как дикое животное, должна была выйти замуж за англичанина, у которого за плечами столетия цивилизации. Что предвещало это для них обоих и для их рас?

Затем с любовью к девушке, которую он крестил, и с верой в сердце он слушал, пока доктор Бак не начал, пока сам не спросил громким, ясным голосом:

- Ревекка, возьмешь ли ты этого человека в законные мужья?

После окончания праздника невеста сказала своему мужу, впервые застенчиво назвав его по имени:

- Джон, ты не прогуляешься со мной немного в лес?

И Рольф, которому не терпелось скрыться от шумной толпы, поднялся, чтобы пойти с ней.

-Зачем тебе понадобилось приходить сюда? - спросил он, когда они оказались за дамбой в лесу, усыпанном белыми пятнами бесчисленных кизилевых деревьев.

"Потому что сегодня я чувствую Джеймстаун слишком маленьким, Джон; потому что я всегда ходил в лес, когда был счастлив или печален; потому что мне кажется, что деревьям и зверям будет больно, если я не позволю им увидеть меня в этот великий день".

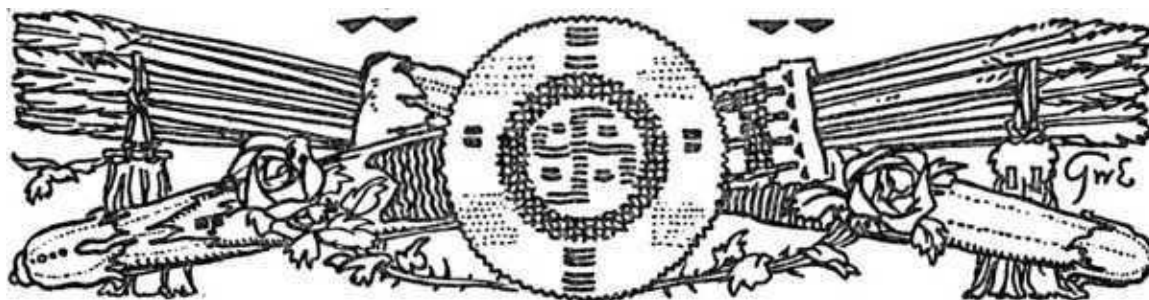
- Это милая фантазия, но языческая, дитя мое, - сказал Рольф, слегка нахмурившись.

Но Покахонтас этого не заметила. Она мельком увидела сквозь покрытые листвой ветви пятнистые бока оленя и увидела полосатого бурундука, который смотрел на нее сверху.

- Эй! маленькие друзья, - весело позвала она их, - вот Покахонтас пришла поприветствовать вас. Пожелай ей счастья, чтобы ее гнездышко было наполнено орехами. Маленькая Танцовщица и прохладная тень, Яркие глаза в жаркий полдень". Затем, когда мимо пролетели два лесных голубя, она тихонько хлопнула в ладоши и воскликнула:

- Это моя пара, Быстрые Крылья, пожелай нам счастья.

И Джон Рольф, трезвый англичанин, каким бы он ни был, почувствовал, как в нем зарождается новое родство со всем, что дышит миром, и задался вопросом, не знает ли эта индийская девушка, которую он сделал своей женой, о тайнах земли больше, чем мудрецы Европы.

ГЛАВА XXI

ПО СЛЕДАМ ВОРУ

Покахонтас, одетая в европейскую одежду, возвращалась домой в Варину с реки, куда она сопровождала Джона Ролфа в полудневном путешествии в сторону Джеймстауна. Лодчики сопровождали ее от лодки и теперь сняли шляпы, когда она попросила их не идти дальше.

За два года, прошедшие с момента ее замужества, маленькая индейская девушка научилась многим вещам: свободно говорить на языке народа своего мужа, носить на публике одежду его соотечественниц и вести себя в соответствии с манерами высшего сословия. Она всегда была привычна к почтению, которое ей оказывали как дочери великого вождя, правителя тридцати племен, и теперь она получала такое же почтение от англичан, которые относились к ней как к дочери могущественного союзника. Поскольку Поухатан понимал, как важно сохранять мир между Верокомоко и Джеймстауном и его поселением вверх по реке Хенричи, частью которого было поместье Рольфа, Варина.

Действительно, манеры леди Ребекки были настолько величественны, что многим с трудом удавалось вспомнить широкоглазую девушку, которая раньше приходила и уходила из Джеймстауна.

Теперь, поднимаясь на холм, ее взгляд остановился на доме, который Рольф построил для нее. Для англичан, привыкших к просторным усадьбам своей страны, он был не более чем хижинкой. Но для той, кто не видел ничего лучше, чем домики в городах ее отца, это было действительно величественное сооружение с прочной дубовой конструкцией, четырьмя комнатами, кирпичным дымоходом и мебелью, присланной из Лондона. Ее муж пообещал ей, что по возвращении из Англии они привезут с собой много других замечательных вещей.

Она немного запыхалась от подъема и с нетерпением ждала момента, когда сможет сменить свою одежду на свободную одежду из оленьей кожи и мокасины. Рольф, хотя и не запрещал их носить, не был доволен их видом; и Покахонтас в этот день почувствовала легкое облегчение от того, что он будет отсутствовать несколько дней, и она сможет забыть о том, что она англичанка.

Она могла забыть об этом на время, но только на время, потому что была счастливой и преданной женой; но она никогда не могла забыть, что была матерью, что ее чудесный маленький Томас, не такой белый, как его отец, и не такой темный, как она сама, ждал ее дома. Она поспешила, думая о том, как она будет с ним развлекаться: как она отведет его к ручью и позволит ему лежать голым на теплых камнях, как она будет петь ему индейские песни и рассказывать ему истории о зверях в лесу, даже если он слишком мал, чтобы их понять.

Она оставила его в колыбели, где, защищенный высокими бортиками, он был в безопасности в течение нескольких часов, а рабочие, которые помогали ее мужу заложить табачную плантацию в Варине, часто заглядывали, чтобы проверить, все ли с ним в порядке.

Она вошла в дом, поспешила к колыбели и позвала:

«Маленький кролик, я здесь».

Но когда она наклонилась над бортиком, о чудо! Колыбель была пуста.

Она осмотрела все комнаты, но не нашла никаких следов его. Тогда она бросилась к двери и позвала. Трое мужчин прибежали и рассказали ей, перебивая друг друга, как через полчаса после того, как она и их хозяин ушли, один из них пошел посмотреть на ребенка и обнаружил, что колыбель пуста. С тех пор они обыскивали все помещение, но безрезультатно.

Ребенок не мог уйти сам, но кто мог его увести? Ни индейцы, ни белые люди, ни один из жителей Вирджинии не осмелился бы причинить вред внуку Поухатана.

Выслушав их рассказ, Покахонтас велела им идти и продолжать поиски. Оставшись одна, она села не на резное кресло, которое ей сделал плотник в Джеймстауне, а на пол, как она часто сидела у костра в хижине, когда хотела хорошенько подумать.

После долгого периода абсолютной тишины и неподвижности она встала, сняла шляпу, платье и туфли и оделась в индейскую одежду. Теперь она преклонила колени у колыбели и внимательно осмотрела пол, затем порог двери и землю перед ней. Должно быть, она что-то обнаружила, потому что она жадно нюхала воздух, как гончая, уловившая след. Она на мгновение задумалась — следует ли ей направиться в сторону Поухаты, где, как она знала, находился Поухатан, или в сторону Верокомоко? Она повернула в сторону последнего и, наклоняясь каждые несколько минут, чтобы осмотреть землю, быстро продолжила свой поиск.

Подсказкой были едва заметные следы мокасин на земле. Ее братья и сестры иногда приходили к ней, но зачем кому-то из них похищать ее ребенка? Благодаря страху, который вселили в индейцев могущество Поухатана и английские ружья, в этой части страны больше не появлялись враждебные индейцы, поэтому, спеша, она гадала, откуда мог появиться этот индейский похититель. Она была уверена, что это был индеец, и знала, что он нес ребенка, потому что на камне на тропе она нашла кусок цепочки из шиповника, которую она с удовольствием нанизывала, чтобы повесить на шею маленького Томаса.

Теперь, когда она была на правильном следе, ей не приходило в голову вернуться к людям своего мужа за помощью или послать гонца в Джеймстаун, чтобы вернуть его. Она хорошо знала, что она гораздо лучше любого белого человека способна быстро и уверенно следовать по пути, по которому ушел ее ребенок. Возможно, поскольку вор имел несколько часов преимущества, ей понадобится несколько дней, чтобы догнать его (), но даже если это займет годы и ей придется путешествовать до конца света, она не засомневается и не повернет назад за помощью.

Когда она шла по лесу быстрым шагом, почти бегом, блеск ее английской жизни отпадал от нее, как листья от деревьев над ней. Она забыла о событиях двух лет, прошедших с тех пор, как она была «леди Ребеккой», забыла о своем муже; и ее ребенок больше не был наследником Рольфов, которого собирались отвезти за море, чтобы показать его родственникам; он был ее малышом, и, бежав, она называла его всеми ласковыми именами, которые любили индейские матери. Когда она думала, что он может плакать от страха или голода, она начинала молиться, молитвы, которые исходили из глубины ее сердца, чтобы она могла дойти до него, прежде чем он действительно пострадает. Но эти молитвы были не к Богу христиан, а к Оки, которому поклонялись ее предки.

Много раз след был почти незаметен. По этой дороге редко кто ходил, и нигде не было ничего похожего на тропу. Но глаза Покахонтас, более зоркие, чем даже в те дни, когда они

соперничали с глазами ее брата в слежении за следами, которые преследуемый старался как можно лучше скрыть, никогда не подводили ее. Земля, кусты, с которых стекали капли дождя, сломанная веточка — все это помогало ей определить, куда ей идти. Если бы она только могла понять, приближается ли она к цели!

Она не знала, что будет делать, когда столкнется лицом к лицу с вором. Если он окажется сильным мужчиной, который не подчинится ее приказу отдать внука Поухатана, как она сможет заставить его? Она вышла так поспешно, что не вооружилась никаким оружием. Но она не сомневалась, что так или иначе отвоюет у него своего ребенка.

Солнце садилось; она видела, как его лучи теперь падали на нижнюю часть стволов деревьев. Увидев это, она ускорила шаг; как только наступит ночь, ей придется лечь и ждать утра, чтобы не сбиться со следа.

Было уже почти темно, когда она достигла своего рода открытого пространства размером с три хижины, где, несомненно, приход многих диких зверей, чтобы попить из источника, бьющего в центре, износил рост молодых деревьев. С одной стороны земли, где росли мох и ползучий лютик, были нависающие скалы, которые образовывали небольшую пещеру, не намного глубже роста человека.

В сумерках она уже не могла разглядеть следы, поэтому Покахонтас с грустью приготовилась провести ночь в этом укрытии. Она наклонилась и долго пила из источника, а затем сняла мокасины и окунула в него свои уставшие ноги. Затем, поскольку ей нужен был огонь скорее для компании, чем для тепла, она собрала веточки и, раскрутив одну из них о кусок гнилого дерева, вскоре получила искру, которая зажгла веселое пламя.

Не было смысла оставаться бодрствующей. Не было никого, кого она могла бы бояться, кроме, возможно, вора, и чем раньше они встретятся, тем лучше для нее. Она была сонная от тепла костра и уставшая от долгого преследования, поэтому Покахонтас легла у входа в пещеру, наполовину внутри, наполовину снаружи, и через мгновение крепко заснула.

Несколько раз за ночь она просыпалась от звука плача какого-то молодого животного — возможно, медвежонка, думала она сонно, но даже если бы мать-медведица была поблизости, она не боялась бы ее.

Позже ей приснилось, что мать-медведица вошла в пещеру и обнюхивала ее со всех сторон. Она открыла глаза и увидела, как свет от углей отражается в паре глаз над ней.

«Уходи, старая Пушистая!» — приказала она сонно. «Я не боюсь тебя. Уходи и дай мне спать».

Но звук собственного голоса разбудил ее, и она приподнялась, чтобы посмотреть, послушалась ли медведица ее приказа. На фоне почти погасшего угля она увидела смутные очертания — не зверя, которого она ожидала, а человека! Она вскочила, схватила его правой рукой, не дав ему времени убежать, а левой рукой подняла несколько сухих веток и бросила их на остатки костра. Дрова, уже нагретые, сразу же загорелись; пламя осветило маленькую лесную комнату, и Покахонтас увидела — Вансутиса!

«Где мой ребенок?» — воскликнула Покахонтас. «Что ты с ним сделала? Так это ты одна во всем мире осмелилась украсть его у меня. Что ты сделала с моим сыном? Говори!»

Старуха не сопротивлялась крепкому захвату молодых сильных рук. Она стояла неподвижно, как будто одна, глядя на пламя, которое окрашивало круг деревьев в красный цвет, как будто они были запачканы кровью.

«Что ты сделала с моим сыном?» — снова воскликнула Покахонтас.

«Что ты сделала с *моим* сыном?» — спросила старуха, не поворачивая головы, чтобы посмотреть на Покахонтас.

«Твой сын! Коготь Орла? Да почему же! Я же много лун назад сообщила тебе, Вансутис, что он умер».

«Если бы ты любила его, он бы не умер».

«Я любила его как сестру, Вансутис; моя судьба не была в моих руках. Но Коготь Орла мертв, и мы скорбим о нем, ты и я», — здесь она ослабила хватку на плече старухи, — «но мой сын жив, если только...»

Здесь ужасная возможность заставила ее задрожать, как осиновый лист.

«Что ты сделала с моим сыном, Вансутис? Что ты хотела от него?»

Вансутис, которая теперь присела на корточки и смотрела на сердце костра, начала петь, как будто она была одна:

«Сын Вансутис погиб в бою. Во всех тридцати племенах не было более сильного и отважного воина, и хижина Вансутис опустела, и некому было охотиться для нее, убивать оленей, чтобы она могла питаться свежим мясом. Тогда Вансутис увидела пленника с сильным телом, хотя он был еще маленьким, и у Вансутис появился новый сын, быстрый охотник, чье лицо было румяным в свете костра, чье присутствие в ее хижине делало сон Вансутис спокойным. И этот сын хотел взять девушку в жены и пошел играть на своей дудочке перед ней. Но девушка не хотела слушать, и река и девушка убили храброго сына Вансутис, и снова ее хижина стала одинокой».

Она на мгновение замолчала, затем, как будто читая слова в пламени, запела медленнее:

«Я старая, говорит старая Вансутис, но я проживу еще много урожаев. Я найду другого сына, я приведу его в свой вигвам. Он будет присматривать за мной и защищать меня, он будет веселить меня зимой».

Покахонтас прервала ее:

«Вот почему ты украла моего ребенка. Ты не оставишь его у себя; он не для твоего жилища. Он пойдет со своим отцом и со мной, чтобы расти в домах англичан».

Из леса раздался крик, тот же крик, который она слышала в своих снах. Не задумываясь ни на мгновение, Покахонтас бросилась в темноту и через несколько секунд вернулась с ребенком на руках. Она присела у костра и лихорадочно ощупала его, пока не убедилась, что он невредим.

Вансутис поднялась.

«Прощайте, принцесса, — сказала она. — Вансутис теперь вернется в свою хижину».

Теперь, когда ее ребенок снова был в безопасности, доброе сердце Покахонтас заговорило:

«Вансутис, ты знаешь, что я не могу отдать тебе своего сына, но если ты хочешь, я попрошу своего отца отдать тебе следующего молодого храбреца, которого он поймает, чтобы ты больше не была одинока».

«Я не буду больше искать сыновей, — ответила старуха, — ведь он может уехать в далекую страну и оставить меня, как дочь твоего отца оставила его».

«Но я вернусь к нему», — возразила Покахонтас.

«Ты это знаешь?» — спросила старуха, наклонившись и пристально глядя Покахонтас в лицо. Ее взгляд был настолько полон ненависти, что Покахонтас отшатнулась в ужасе.

«Я вижу корабль», — снова запела Вансутис, — «корабль, который много дней плывет к восходящему солнцу; но я никогда не вижу корабль, плывущий к закату. Я вижу оленя из свободных лесов, он скован, а на шее у него висят бусы и цветы; но олень тщетно пытается сбежать в лес, к своему ложу из папоротника. Я вижу птицу, пойманную там, где хижины стоят плотнее, чем галька на берегу моря; но я никогда не вижу, чтобы птица свободно летала над крышами их хижин. Я слышу плач сироты; но мать лежит там, где она не может его успокоить».

Покахонтас с ужасом смотрела на старуху, которая, снова резко рассмеявшись, исчезла в темноте.

ГЛАВА XXII

ПОКАХОНТАС В АНглиИ

Покахонтас с нетерпением и радостью отплыла вместе со своим мужем, мастером Рольфом, своим ребенком и последним — но не по его собственному мнению — сэром Томасом Дейлом. Вместе с ними отправился и Уттаматомаккин, вождь, которого Поухатан специально послал, чтобы наблюдать за англичанами и их обычаями на их собственной земле.

Покахонтас интересовало все в этом путешествии: сам корабль, подъем и спуск парусов в штиль и шторм, песни моряков во время работы, вид брызгающих китов и, когда они приблизились к английскому побережью, великолепие большого военного корабля, ветерана, как заявил капитан, флота, который так храбро вышел навстречу испанской Армаде. Во время долгих вечеров на палубе Рольф рассказывал ей истории о реальных событиях английской истории и выдуманных романах поэтов; и все они были для нее одинаково удивительными.

После стольких недель плавания по неизменному океану, где не было даже тех ориентиров, которые она могла бы прочесть в бескрайнем лесу, она с трудом могла поверить, что за всей этой водой снова была земля. Это было чудом, которое никакие объяснения не могли упростить, что люди могли управлять кораблями, пересекая эту пустошь туда и обратно. Возможно, это больше, чем любое из чудес, которые она увидела позже, заставило ее больше всего ценить гениальность белых людей.

И вот однажды на восточном горизонте появилось серое облако. Покахонтас заметила новое выражение на лице своего мужа, когда он его увидел.

«Англия!» — воскликнул он, поднял маленького Томаса на плечо и сказал ему: «Посмотри на Англию своего отца».

Еще до того, как они высадились в Плимуте, Покахонтас начала формировать свое впечатление о стране. На борт корабля поднялись офицеры из Вирджинской компании, чтобы поприветствовать ее и предложить ей свои услуги и услуги казначейства компании. Ведь она была дочерью их индейского союзника, монарха, о чьем королевстве и власти они имели лишь самое смутное представление. Они, по их словам, подготовили подходящее жилье для леди Ребекки, мастера Рольфа и их младенца в Лондоне и — с многочисленными поклонами и взмахами шляп с перьями — будут всячески заботиться о ее комфорте и развлечениях.

Эти люди отличались от всех, кого Покахонтас когда-либо видела; все колонисты, волей-неволей, были рабочими или, по крайней мере, любителями приключений. Эти обеспеченные граждане были для нее такими же новыми, как и она для них.

Пока они медленно ехали в Лондон, она на каждом километре пути восклицала от восторга и без умолку расспрашивала Рольфа о деревянных и оштукатуренных коттеджах, красивых живых изгородях, богатых фермах и пастбищах, заполненных лошадьми и скотом. В полдень и ночью, когда они останавливались в гостиницах, она с нетерпением осматривала все, от кладовой до ароматных чердаков, где с балок свисали пучки трав (). Однако даже в своем

девичьем рвении она вела себя с достоинством, которое не позволяло даже самым простым людям усомниться в том, что, несмотря на ее темную кожу, она была дамой высокого происхождения.

«Ах, Джон, — сказала она, — эта земля так прекрасна, я не понимаю, как ты мог ее покинуть. Когда я ложусь спать ночью, я с нетерпением жду утра. Здесь всегда есть что-то новое, а новые вещи, как ты знаешь, всегда радовали мою душу».

«И моей тоже, Ребекка, — ответил он, — именно по этой причине я отправился в Вингандакоа и радовался его необычности, так же как ты радуешься необычности моей страны».

Чем ближе они подходили к Лондону, тем больше было на что посмотреть. Шоссе было заполнено людьми, приезжающими в город и уезжающими из него: купцами, фермерами со своим товаром, мясниками, странствующими ремесленниками, бродячими кузнецами, разносчиками, цыганами, великими дамами верхом на лошадях или в каретах, которые глазели на Покахонтас, и джентльменами, которые расспрашивали слуг о ней. А Покахонтас расспрашивала Рольфа обо всех них, об их положении, образе жизни и о том, как выглядят их дома изнутри.

Когда они достигли окраин Лондона, толпа стала еще больше, и Покахонтас повернулась к Рольфу и спросила:

«Почему все люди бегают туда-сюда? Есть ли новости о возвращении воинского отряда или они будут праздновать какой-то большой праздник?» И она с трудом могла поверить, что это было всего лишь собрание, подобное тем, которые можно было увидеть каждый день. Однако, как только толпа заметила ее, люди стали тесниться, чтобы посмотреть на нее и на Уттаматомаккина, который смотрел на них так же безразлично, как будто он всю жизнь был привычен к подобным сценам. В этот момент появились офицеры Вирджинской компании с каретой, в которую они посадили Покахонтас, Рольфа и маленького Томаса, чтобы спасти их от любопытных взглядов толпы.

Последующие дни были наполнены странными и новыми удовольствиями. Мантуамейкеры и модистки приносили свои изделия, и леди Ребекка вскоре начала различать, что было лучшего в том, что они предлагали. Она каталась по паркам, плыла по реке на роскошных баржах, заказала свой портрет в красном платье с золотой отделкой, белым воротником и манжетами и шляпке с золотой лентой, принимала знатных дам, которые приходили из любопытства, чтобы увидеть, как выглядит индийская принцесса. Все они говорили только добрые слова о «милрой леди Ребекке».

Епископ Лондона был особенно заинтересован этой языческой аристократкой, которая стала христианкой. Он сопровождал ее во многих случаях и решил устроить в ее честь большой бал.

«Что они будут делать, господин епископ?» — спросила она высокопоставленного священнослужителя, который полюбил эту новую овечку в своем стаде, как свою собственную дочь. «Что будут делать все дамы на балу?»

«Они будут танцевать».

«Танцевать!» — воскликнула Покахонтас в изумлении, которая никогда не видела других танцев, кроме тех, которые она сама, одетая в скудные одежды, привыкла исполнять до

того, как стала женой англичанина. Теперь она знала, что это не подходило для английских дам. Итак, несколько дней спустя, наблюдая за величественными движениями и низкими реверансами дам и их кавалеров, Покахонтас задалась вопросом, какое удовольствие они могут найти в таком развлечении.

«Возможно, — предположила она доброму епископу, — это какая-то религиозная церемония, о которой я не знаю».

Епископ так рассмеялся над этой идеей, что Покахонтас не смогла удержаться от смеха, хотя и не понимала, что смешного в ее словах.

После окончания танца дамы подошли, чтобы представиться леди Ребекке. Они не знали, о чем им говорить с незнакомкой, но одна из них, одетая в скучный костюм мышиного цвета с лентами печального оттенка, вяло заметила:

«Какой прекрасный день сегодня».

«Прекрасный!» — воскликнула Покахонтас, глядя на серое небо через окно, которое, конечно, не давало дождя уже сутки, — «но солнце не светит. Я думала, что здесь, в Англии, вы носите самые яркие наряды, чтобы скрасить пейзаж».

«Значит, леди Ребекка не нравится наша страна?» — спросила дама в сером.

«О, нет. На самом деле она мне очень нравится, за исключением темного неба. И мне говорят, что это из-за дыма города».

Затем взгляд Покахонтас упал на пожилую женщину, которую Рольф сопровождал к ней. В ее внешности было что-то очень приятное. Она была немного выше среднего роста, с седыми волосами на лбу и щеками, румяными, как розы, которые она несла в руках. Покахонтас сразу почувствовала, что это женщина, которую она могла бы полюбить. Ее манеры были столь же досточтимы, как и у любой другой дамы в собрании, но в ее голосе и взгляде была такая сердечность, что Покахонтас почувствовала себя как дома, чего она раньше не испытывала в Англии.

«Это леди Де Ла Уэр, чей муж, как ты знаешь, Ребекка, был губернатором нашей колонии, — сказал Рольф, — и она принесла тебе эти английские розы». Затем он удалился, оставив двух женщин наедине.

«Твои цветы очень красивые», — сказала Покахонтас, улыбаясь им и их дарительнице, — «и слаще, чем цветы, которые растут в моей стране».

«Но и те тоже прекрасны. Я слышала о многих великолепных деревьях и лозах, которые растут там, и хотела бы их увидеть».

«Если ты пересечешь океан с нами, когда мы вернемся, я покажу тебе много вещей, которые будут для тебя такими же странными, как твоя земля для меня. Я отведу тебя к моему отцу, Поухатану, и он устроит в твою честь танцы, которые не будут» — и она снова засмеялась при этой мысли — «похожи на бал, который устраивает для меня мой господин епископ».

Леди Де Ла Уэр тоже улыбнулась. Ей рассказывали о некоторых индейских обычаях.

«Возможно, когда-нибудь ты отведешь меня ко двору своего отца, но сейчас я пришла, чтобы отвести тебя ко двору нашей королевы. Она выразила желание вскоре увидеться с

тобой. Письмо, которое написал ей капитан Джон Смит о тебе, еще больше укрепило ее желание оказать честь тому, кто всегда был другом англичанам».

«Капитан Джон Смит написал королеве обо мне?» — удивилась Покахонтас.

«Действительно, и поскольку его слова показались мне достойными запоминания, я сохранил их в своей памяти». Он начинает:

«Если неблагодарность — смертельный яд для всех честных добродетелей, то я должен быть виновен в этом преступлении, если упущу любую возможность выразить свою благодарность. Так вот, около десяти лет назад, находясь в Вирджинии и попав в плен к Поухатану, их главному королю, я получил от этого великого дикаря чрезвычайно большую любезность, особенно от его сына Наутаукаса, самого мужественного, красивого и смелого человека, которого я когда-либо видел среди дикарей, и от его сестры, Покахонтас, самой дорогой и любимой дочери короля, которой было всего двенадцать или тринадцать лет, чье сострадательное и милосердное сердце, видя мое отчаянное положение, заставило меня уважать ее — она рискнула своей жизнью, чтобы спасти мою... самое меньшее, что я могу сделать, это рассказать вам об этом, потому что никто не пробовал это так часто, как я, и, несмотря на ее рост, она обладала таким великим духом, что, если бы ее не приняли, то это королевство могло бы по праву стать королевством благодаря ей... И было еще многое другое, леди Ребекка, о чем я сейчас не могу вспомнить».

Леди Де Ла Уэр не знала, что Покахонтас считала Смита мертвым, а Покахонтас, не предполагая ничего другого, думала, что Смит, должно быть, написал это письмо из Джеймстауна перед смертью; и ее сердце наполнилось теплом при мысли о том, как, даже умирая, он сделал все, что мог, для ее счастья, просто на случай, если она отправится в Англию. На самом деле Смит тогда находился в Плимуте, готовясь к отправке в экспедицию в Новую Англию; и хотя он не надеялся увидеть Покахонтас, он хотел, чтобы Англия, и в первую очередь королева Англии, знали, чем они обязаны этой индейской девушке.

Вскоре после этого «La Belle Sauvage», как лондонцы иногда называли Покахонтас, и Рольф были приглашены в гостеприимный загородный дом. Английская девушка, примерно того же возраста, что и ее гостя, чье любопытство к обычаям индейцев сдерживалось только ее вежливостью, показывала ей красивый старинный сад. Они разговаривали о Вирджинии, и мисс Алисия уговаривала:

«Не возьмешь ли ты меня с собой, леди Ребекка, когда будешь возвращаться туда?»

«Но посмотри», — и она заглянула в проем в высокой изгороди из тиса, — «вот идет мастер Рольф с группой джентльменов. О! Один из них — храбрый мужчина, хотя он и не одет так нарядно, как некоторые другие. Клянусь! Это капитан Джон Смит, и, конечно, он идет поприветствовать тебя. Хотела бы я остаться, чтобы услышать, о чем вы, два старых друга, будете говорить».

Пока миссис Алисия ушла, а ее муж проводил гостей по извилистым лабиринтам сада, Покахонтас казалось, что прошли часы, хотя прошло всего несколько минут. Как Смит мог быть жив, если она знала, что он мертв? Даже когда она услышала его голос вдали, она спросила себя, действительно ли она слышала о его смерти от кого-то, кроме советников в Джеймстауне.

Знакомый голос больше не был слабым, как в последний раз, когда она слышала его прощание. Вот они, джентльмены, все кланяются ей, но остаются на заднем плане, а Рольф выходит вперед со Смитом.

«Я привел тебе старого друга, Ребекка», — сказал он.

Покахонтас поприветствовала его, но слова были невозможны.

Джон Смит позже написал об этой встрече:

«После скромного приветствия, не сказав ни слова, она повернулась, скрыв лицо, как будто не была довольна, и в таком настроении ее муж с несколькими другими людьми оставили ее на два или три часа».

Видя, что она предпочитает побыть одна, мужчины ушли, чтобы обсудить дела колонии Вирджиния с тех пор, как Смит покинул Джеймстаун. Пока Покахонтас тихо сидела на скамейке в саду возле пруда с карпами, она прокручивала в уме все, что произошло в ее жизни с тех пор.

Затем она увидела, как он снова идет к ней, один, и протянула ему руку.

«Мой отец, — воскликнула она, — помнишь ли ты старые времена в Вингандакоа, когда ты впервые прибыл в Верокомоко и был моим пленником?»

«Я хорошо помню, леди Ребекка, — сказал он, наклонившись, чтобы поцеловать ее руку, — и я всегда буду твоим самым благодарным должником».

«Не называй меня этим странным именем. Для тебя я по-прежнему Матоака. Помнишь ли ты, как я пришла ночью через лес, чтобы предупредить тебя?»

«Я помню, Матоака, как я мог забыть?»

«Помнишь ли ты тот день, когда, лежа раненый у твоих дверей, ты заставил меня пообещать, что я всегда буду другом Джеймстауна и англичан?»

«Я думал об этом много дней».

«Я сдержала свое обещание, отец, не так ли?»

«Благородно, Матоака, но тебе не подобает называть меня отцом».

Тогда Покахонтас энергично встряхнула головой, и этот жест вернул Смит в память яркую молодую индейскую девушку, которая на мгновение показалась ему переодетой в величественную одежду английской матроны.

«Ты обещал Поухатану, — воскликнула она, — что все, что принадлежит тебе, будет принадлежать ему, и он будет для тебя тем же, чем ты для него; ты называл его отцом, будучи чужаком на его земле, и по той же причине я должна поступать так же с тобой».

«Но, принцесса, — возразил он, — здесь все по-другому. Король не одобрил бы, если бы я позволил это здесь; он мог бы сказать, что то, что говорят обо мне мои враги, — правда, что я планирую возвыситься над ними».

«Ты боялся прийти в страну моего отца и вызвал страх у него и всего его народа, кроме меня, и боишься ли ты здесь, что я назову тебя отцом? Тогда я говорю тебе, что я буду, и ты будешь называть меня ребенком, и так я буду вечно твоим соотечественником».

Смит улыбнулся ее рвению, но был глубоко тронут им.

«Называй меня как хочешь; я не боюсь никакого зла, которое может прийти ко мне от тебя».

Покахонтас сказала ему несколько слов на языке поухатан, желая проверить, помнит ли он его. И он ответил ей на ее языке. Она замолчала, но Смит видел, что ее что-то беспокоит.

«Что такое, Матоака? Какие слова ждут, чтобы пересечь порог твоих губ?» — спросил он.

«Мне всегда говорили, — ответила она, — что ты мертв, и я не знала ничего больше, пока не прибыла в Плимут, но Поухатан приказал Уттаматомаккину найти тебя и узнать правду, потому что твои соотечественники много лгут».

«Не думай об этом больше. Маленькая сестра, если ты все еще позволяешь мне так тебя называть. Я еще не умер, и мне предстоит много путешествий. Я благодарен судьбе за то, что я еще не отплыл к тому побережью к северу от Джеймстауна, которое они называют «Новой Англией», чтобы я мог снова поприветствовать тебя. Когда я вернусь, у нас будет еще много разговоров».

«Я не буду здесь, отец; мы тоже скоро отплываем. Я была счастлива здесь, в твоей стране, но теперь я страдаю от болезни, которую, как мне говорят, называют тоской по дому».

«Это болезнь, которую легко вылечить, Матоака. Но когда ты вернешься в Вингандакоа, не забудь Англию и друзей, которые никогда не забудут тебя».

В последующие дни леди Де Ла Уэр, тронутая любовью, которую Покахонтас проявляла к ней, сопровождала ее повсюду: на чудесную маску, написанную поэтом Беном Джонсоном, которая была поставлена на празднике Двенадцатой ночи, и на пьесу, написанную мастером Уильямом Шекспиром (), которую он назвал «Буря» и в которой были изображены придворные, выброшенные на берег острова в западном океане.

Все было настолько интересно, что ее новая жизнь, казалось, все дальше уводила ее от прежней простой жизни в лесу и на реке. Затем последовало представление королеве Анне Датской, супруге Якова Первого Английского и Шестого Шотландского. Леди Де Ла Уэр заметила, что костюм леди Ребекки подходил к ее смуглой коже и волосам.

Перед тем как войти в тронный зал, нужно было пройти через множество залов и прихожих, заполненных придворными и дамами, чьи любопытные взгляды могли бы смутить любую женщину, не привыкшую к жизни при дворе; но Покахонтас прошла мимо, не обращая на них никакого внимания.

В большом зале, в который они вошли последними, украшенном богатыми гобеленами и обставленном темными дубовыми стульями и скамейками, обтянутыми королевским пурпурным бархатом, ее сопровождали только несколько пажей и дамы королевы. Когда Покахонтас и леди Де Ла Уэр подошли, королева дала знак всем остальным удалиться в

дальний конец зала. Она ответила реверансом на поклоны Покахонтас и ее крестной, но не протянула руку для поцелуя, как она сделала бы, если бы не считала эту незнакомку перед собой принцессой королевской крови.

«Благодарю тебя за то, что пришла, — сказала она любезно. — Я очень хотела тебя увидеть. Капитан Смит был прав, когда напомнил мне о том, чем наш народ обязан тебе, он больше всех».

«Он был дорог и моему народу», — ответила Покахонтас.

«Ваше Величество слышали, как люди говорят о капитане Смите в колонии?» — спросила леди Де Ла Уэр. «Мой брат, который все еще находится в Джеймстауне, написал мне, что один из колонистов, сожалея об уходе великого капитана, сказал о нем:

«Что я могу сказать о нем, кроме того, что мы потеряли его, что во всех своих поступках он руководствовался прежде всего справедливостью, а во-вторых — опытом, всегда ненавидя подлость, лень, гордость и унижение больше, чем любые опасности; что никогда не позволял себе больше, чем его солдатам; что ни при какой опасности не посылал их туда, куда не пошел бы сам; что никогда не хотел, чтобы нам не хватало того, что у него было или что он мог нам достать; что предпочитал нуждаться, чем одалживать, или голодать, чем не платить; что любил действия больше, чем слова, и ненавидел ложь и алчность больше, чем смерть; чьи приключения были нашей жизнью, а чья потеря — нашей смертью».

«Расскажи мне о своем долгом путешествии», — спросила тогда ее величество и, сев, освободила место для Покахонтас рядом с собой, а леди Де Ла Уэр отошла, чтобы поговорить с одной из дам. «Я не понимаю, как мужчины, а тем более женщины, смеют доверять себя настолько долгому пребыванию в море. Когда я вышла замуж по доверенности за моего господина, короля, я попыталась отправиться на корабле из Дании в Шотландию, но штормы были настолько сильными, что нам пришлось зайти в Норвегию, едва спасая свои жизни; и туда прибыл мой милостивый господин, вопреки мольбам своих советников, которые пытались отговорить его рисковать своей драгоценной безопасностью в зимних штормах. О! Я не люблю море».

«Я не боялась его, — сказала Покахонтас, — но думала, что оно никогда не закончится. Если бы я была одна, без мужа и ребенка» — затем, не зная, что придворный этикет не допускает смену темы разговора никем, кроме монарха, она спросила: «А сколько у тебя детей?»

Королева Анна была довольна ее естественностью и рассказала ей о своем сыне и дочери, а также о замечательном принце Генри, которого она потеряла.

Пока они сидели и беседовали о своих детях так же спокойно, как две простые домохозяйки, в конце зала поднялась суматоха. Пажи казались очень взволнованными и не знали, что им делать. Однако они не могли бы помешать этому, даже если бы захотели, и в зал, одетый в длинный плащ, мокасины и головной убор из перьев, вошел Уттамамаккин. Покахонтас, подняв глаза, увидела, что он с интересом осматривает всю обстановку зала, а затем его взгляд остановился на королеве.

«Это жена великого белого вождя?» — спросил он. «И это их церемониальный домик? Я уже видел короля, и он — слабое маленькое существо, которое любой ребенок в Верокомоко мог бы сбить с ног».

«Кто он и что он говорит?» — спросила королева, которая была восхищена его странным внешним видом.

«Это один из моего народа, мадам, и он хочет знать, действительно ли вы королева, чтобы рассказать о вас, когда вернется в Вингандакоа». Она не сочла разумным повторять остальные его замечания.

Королева, чье любопытство к этой странной расе из-за моря, о которой она слышала столько рассказов, было велико, махнула Уттаматомаккину, чтобы он подошел поближе. Индеец неторопливо подошел к подиуму, на котором она стояла.

«Из чего сделан этот плащ?» — спросила правительница, взяв за край расписной и вышитый плащ из оленьей кожи и критически потерев его между пальцами.

Уттаматомаккин, думая, что это английская форма приветствия, и не желая уступать в вежливости, схватил бархатную юбку королевы Анны и, под небольшие восклицания ужаса со стороны фрейлин, погладил ее таким же образом.

«Ты не должен так поступать», — возразила Покахонтас, стараясь не смеяться, но Уттаматомаккин хмыкнул:

«Почему я не должен делать то, что делает индианка?»

Королева восстановила свое спокойствие и в знак своей доброй воли расстегнула золотую брошь и приколотла ее к широкому плечу индейца. Затем вождь отломал от своего пояса нитку вампума и, прежде чем кто-либо понял, что он собирается сделать, прикрепил ее к жемчужной булавке на лифе королевы.

«Я вижу, что не могу его перехитрить. Леди Ребекка, — засмеялась Ее Величество, — спросите его, что он делает с той длинной палкой».

Пажи, чей интерес к этому дикарю на мгновение превозмог их привычку соблюдать этикет, постепенно приблизились к тому концу зала, где он стоял. Они наблюдали с нетерпением и с некоторым страхом перед неизвестным, как он достал из сумки белую палку и нож из пояса. Они увидели, что палка была покрыта мелкими надрезами, и индеец, глядя то на одного, то на другого, сделал на палке еще много надразов.

«Что ты делаешь, Уттаматомаккин?» — спросила Покахонтас.

«Вождь, твой отец, велел мне отметить и сообщить ему по возвращении, сколько белых людей было в этой земле. Сначала я делал надрез за каждого, кого насчитал, но теперь моя палка почти вся покрыта надрезами, и Поухатан не узнает, как белокожие роятся здесь, как пчелы в дупле».

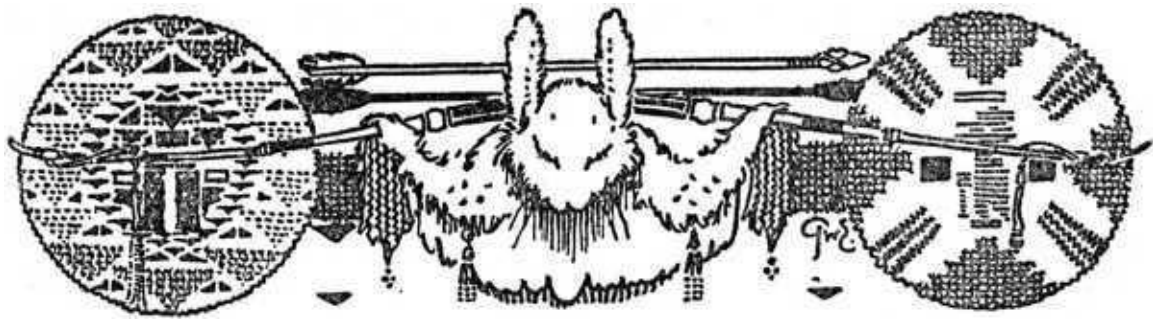
Покахонтас повторила королеве его слова, и ее величество очень развеселилось.

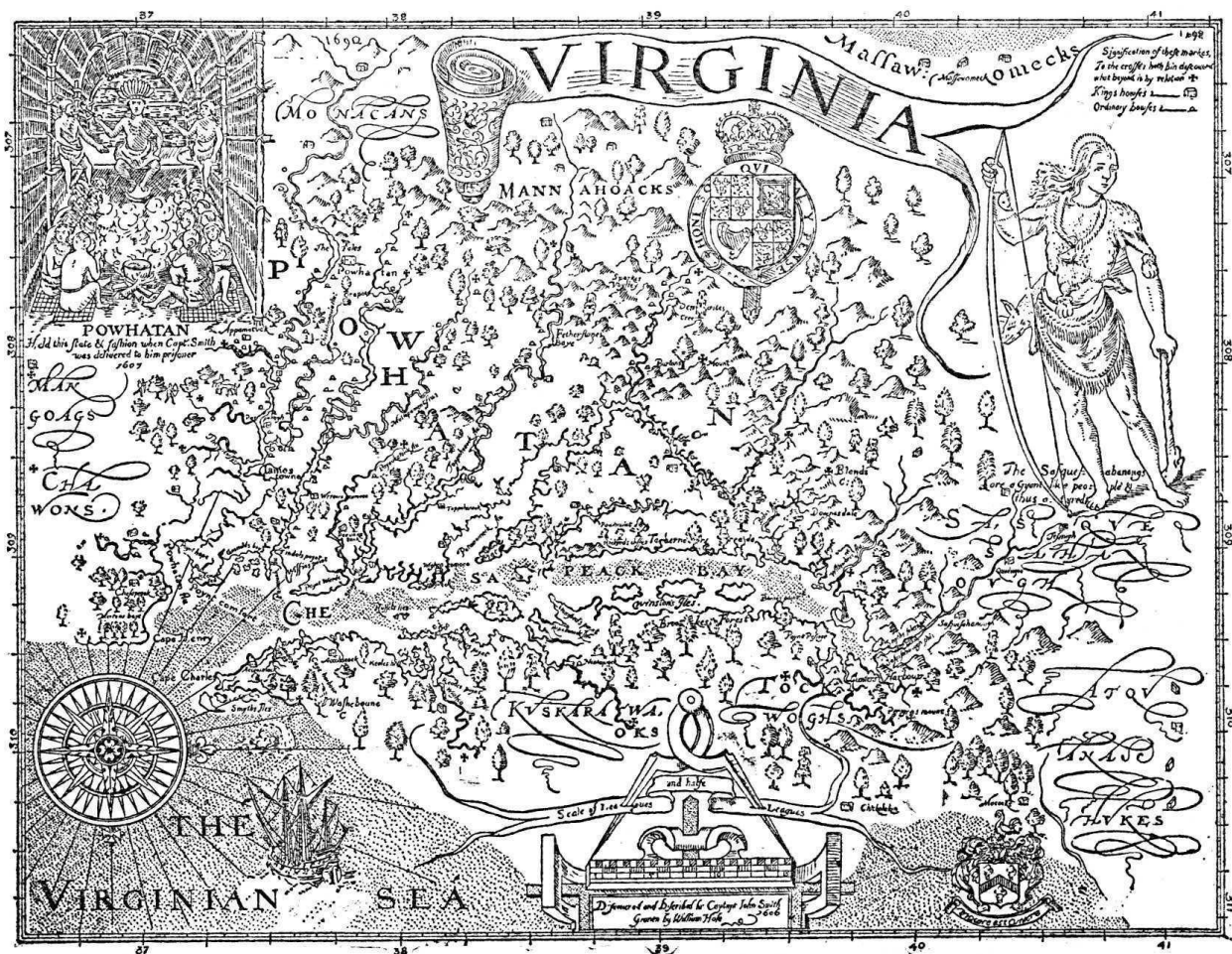
«Но ты же не собираешься возвращаться в Вирджинию еще долго?» — спросила она.

«Мне очень нравится ваша страна и ее приятные люди», — ответила Покахонтас, вставая, чтобы уйти. «Но приближается время, когда мы снова отплываем на запад. Прощайте».

Затем, в сопровождении леди Де Ла Уэр и Уттаматомаккин, она покинула аудиенц-зал.

«Леди Ребекка, — сказала королева своим дамам, когда за Покахонтас закрылись занавеси, — одна из самых благородных дам, которых когда-либо принимала Англия».

назад